

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1953

С. П. ТОЛСТОВ

ХОРЕЗМСКАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР 1950 г.¹

Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1950 г. являлись органическим продолжением и отчасти завершением работ предшествующих лет. В 1946 г. на Общем собрании Академии Наук СССР мы, подводя итоги довоенного цикла работ экспедиции, попытались сформулировать очередные задачи ее исследований на ближайшие годы. Эти задачи заключались в том, чтобы, во-первых, перейти к более интенсивным исследованиям, к широко поставленным раскопкам одного из крупных памятников античного Хорезма, которые помогли бы воссоздать и все-сторонне охарактеризовать жизнь хорезмского населения в античный период.

В качестве такого объекта нами избрано было городище Топрак-кала, открытое экспедицией еще в 1938 г., рекогносцировочно обследованное в 1940 г. и начатое систематическими раскопками в 1945 г. Первый цикл работ, связанный с раскопками Топрак-кала, — раскопки дворца — можно считать в 1950 г. законченным.

Второй задачей нашей экспедиции на протяжении истекшей пятилетки явились более широко развернутые экстенсивные работы с выходом далеко за пределы Хорезмского оазиса, вглубь пустынь Кара-кум, Кзыл-кум и плоскогорья Устюрт, для того чтобы восстановить историческую картину не только центрального района древнего Хорезмийского государства, но и его периферии, картину хозяйственной и культурной жизни тех степных племен, которые, как на это указывают отрывочные данные, играли в истории древнего и средневекового Хорезма исключительно крупную роль. Эти изыскания велись систематически в течение 1946—1950 гг.²

Как и в прошлые годы, экспедиция в 1950 г. была организована Институтом этнографии Академии Наук СССР при участии исторического факультета Московского государственного университета (кафедры археологии, этнографии, истории СССР и отделения истории стран Востока). Полевые исследования продолжались в общей сложности более 4 месяцев — с 1 июля по 8 ноября 1950 г. Наряду с археологическими

¹ Стенограмма доклада, прочитанного автором на Общем собрании Отделения истории и философии Академии Наук СССР 10 апреля 1951 г.

² См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, а также наши отчеты о работе экспедиции за 1946, 1947, 1948 и 1949 гг. опубликованные в «Известиях Академии Наук СССР, серия истории и философии», 1947, № 2; 1948, № 2; 1949, № 3; 1950, № 6.

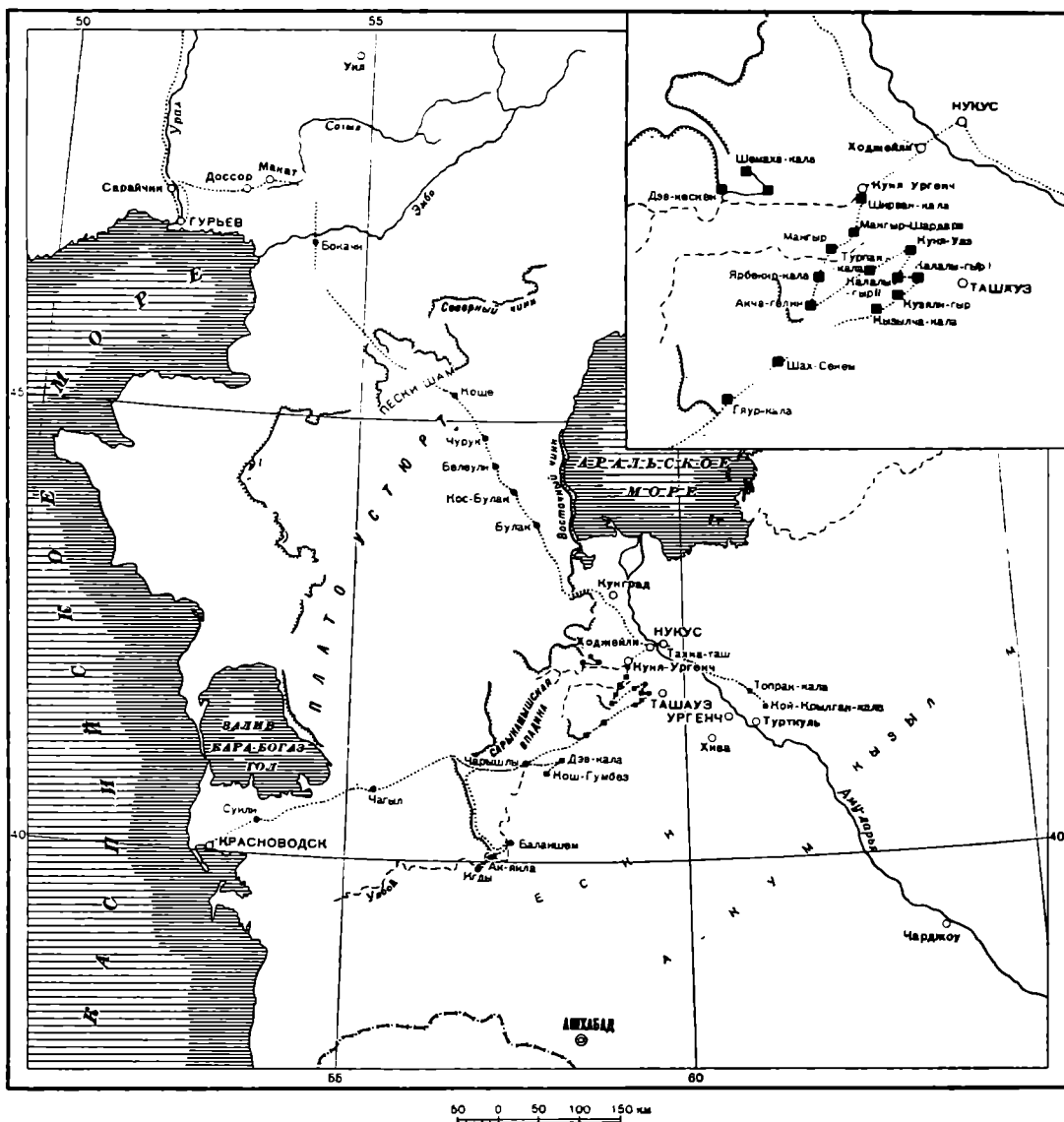

Рис. 1. Схематическая карта рекогносцировочных археологических маршрутов и раскопок Хорезмской экспедиции 1950 г.

изысканиями велись этнографические работы: этнографический отряд под руководством кандидата исторических наук Т. А. Жданко изучал культуру и быт населения Кара-Калпакской АССР на землях нового освоения — в Шуманайском и Турткульском (Кырк-кызский участок) районах.

В составе экспедиции работали 52 научных, научно-технических и вспомогательных работников и около ста рабочих-землекопов. В авиаразведках принимали участие пилоты Нукусского отряда Гражданского воздушного флота¹.

¹ В составе Хорезмской экспедиции 1950 г. работали: в археологическом отряде — начальник экспедиции доктор исторических наук С. П. Толстов, заместитель начальника экспедиции по научной части — архитектор М. А. Орлов, заместитель начальника экспедиции по административно-хозяйственной части Ф. П. Жуков; научные сотрудники — археологи Н. Н. Вактурская, О. А. Вишневецкая, архитектор А. А. Спико; аспиранты-археологи М. А. Итина, Д. Дурдыев; студенты-практиканты

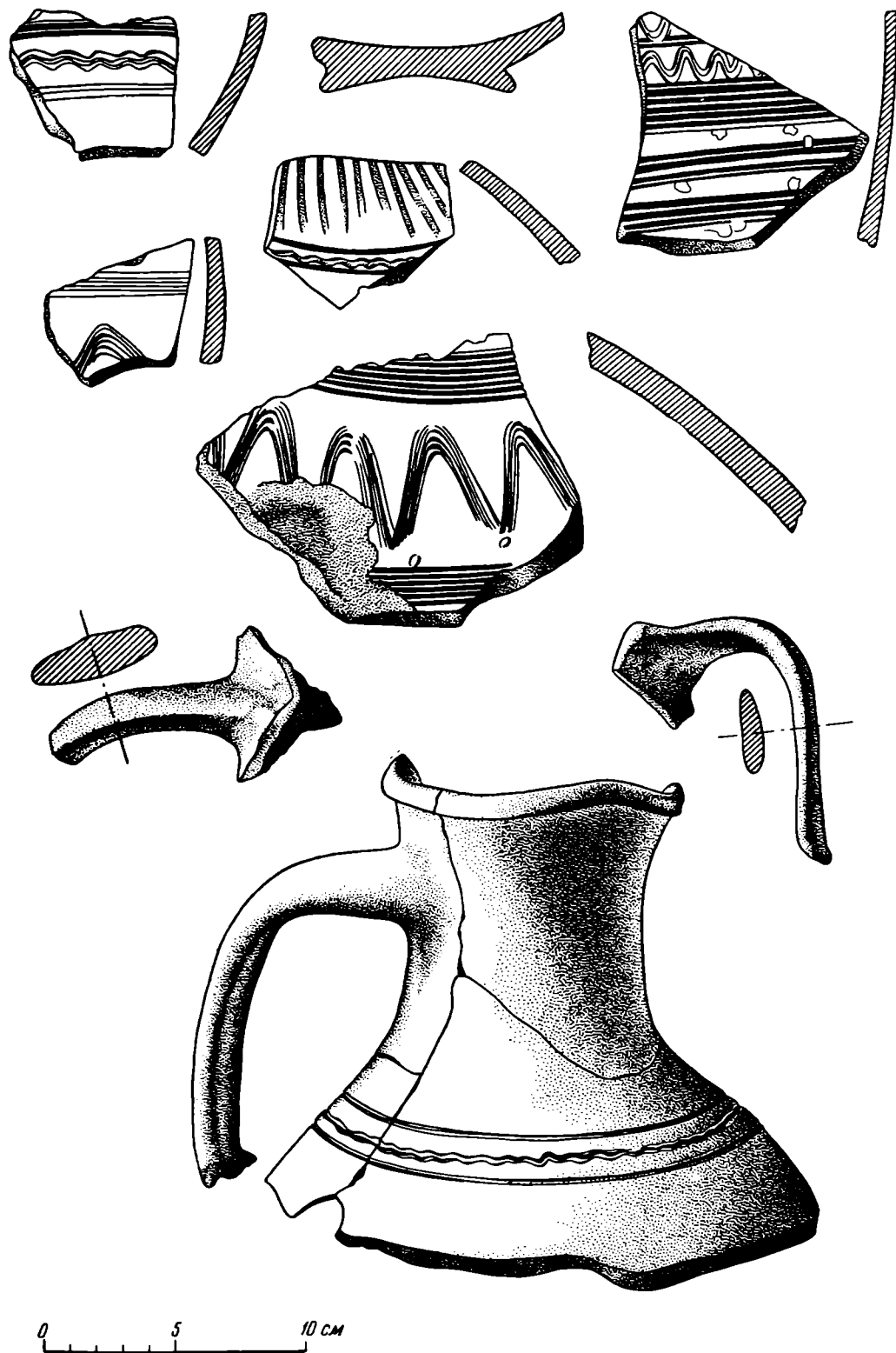

Рис. 2. Образцы раннесредневековой керамики Сарайчика и караван-сараяв Устюрта.

Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1950 г. разделились на три части; из них главной было продолжение раскопок городища Топрак-кала, в начале же и в конце экспедиции были проведены два разведочных маршрута (рис. 1).

Первый маршрут — от низовьев р. Урала через плоскогорье Устюрт до Хорезма по старой караванной дороге раннего средневековья был осуществлен в поле. Впервые эта дорога была нами открыта в 1946 г. во время авиаразведки юго-восточного угла Устюрта, но мы тогда проследили ее только на несколько десятков километров. В 1950 г. отряд экспедиции под руководством М. А. Орлова прошел на автомашинах всю дорогу, обследовав многочисленные развалины раннесредневековых караван-сараев и других сооружений, существовавших на этом важном торговом пути.

Самым интересным из итогов уральского маршрута является результат обследования находящегося в низовьях р. Урала городища Сарайчик. Это городище упоминается в источниках монгольского периода и обычно относилось исследователями к монгольскому, золотоордынскому времени. Однако работы 1950 г. показали, что нижний слой городища Сарайчик является домонгольским и что по характеру археологического материала этот слой ничем существенно не отличается от хорезмских памятников XI в. н. э. (рис. 2). У нас есть теперь все основания считать, что название Сарайчик, присвоенное этому памятнику, не является его первоначальным названием; возможно, что это городище соответствует раннесредневековому Саксину. Город был, очевидно, построен в XI в., а может быть, и в X в., хорезмскими колонистами на нижнем Урале, на пути в Нижнее Поволжье.

Таким образом, выводы, к которым привели нас материалы предшествующих лет о крупной роли Хорезма в исторических событиях раннего средневековья на нижнем и среднем Поволжье¹, подкрепляются новыми данными.

Пройдя от Сарайчика по линии дороги, отряд экспедиции обследовал ряд расположенных на ней караван-сараев.

На речке Сагыз были обследованы развалины искусственного брода — каменной плотины и караван-сарая из крупного (28 × 28 × 6 см) обожженного кирпича. Здание караван-сарая было построено в форме прямоугольника (42 × 45 м) с рядами помещений вдоль стен и внутренним двором. Чрезвычайно интересным сооружением оказался караван-сарай Кос-кудук, стоящий над обрывами у места подъема дороги на плато Устюрт. Стены этого караван-сарая были сложены из крупных тесаных блоков песчаника. Удалось установить, что для перекрытия различных помещений здания применялось несколько вариантов сводчатых конструкций. Рядовые помещения перекрывались сводами типа «балхи», а парадные — куполами на трюпах. Кладка перекрытий из камня, обтесанного по форме кирпича, подчеркивает связь конструкций караван-сарая с исконно хорезмийскими традициями кирпичной кладки сводов.

Московского государственного университета (МГУ), Кара-Калпакского педагогического института П. Мадпаров; научные сотрудники Красведческого музея Кара-Калпакской АССР В. В. Никонова, Е. Д. Салтовская; художник Н. А. Юсов, фотограф Г. А. Аргипуло, реставратор О. А. Кирьянова, в этнографическом отряде — начальник отряда кандидат исторических наук Т. А. Яданко; аспиранты Института этнографии С. Камалов, Р. Косбергенов, Л. П. Сорокина; аспирант МГУ Г. П. Латышева; студенты-практиканты МГУ, художник Н. В. Савицкий. Сотрудники этнографического отряда принимали участие и в археологических работах экспедиции.

² См. С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 228—232, 241—265.

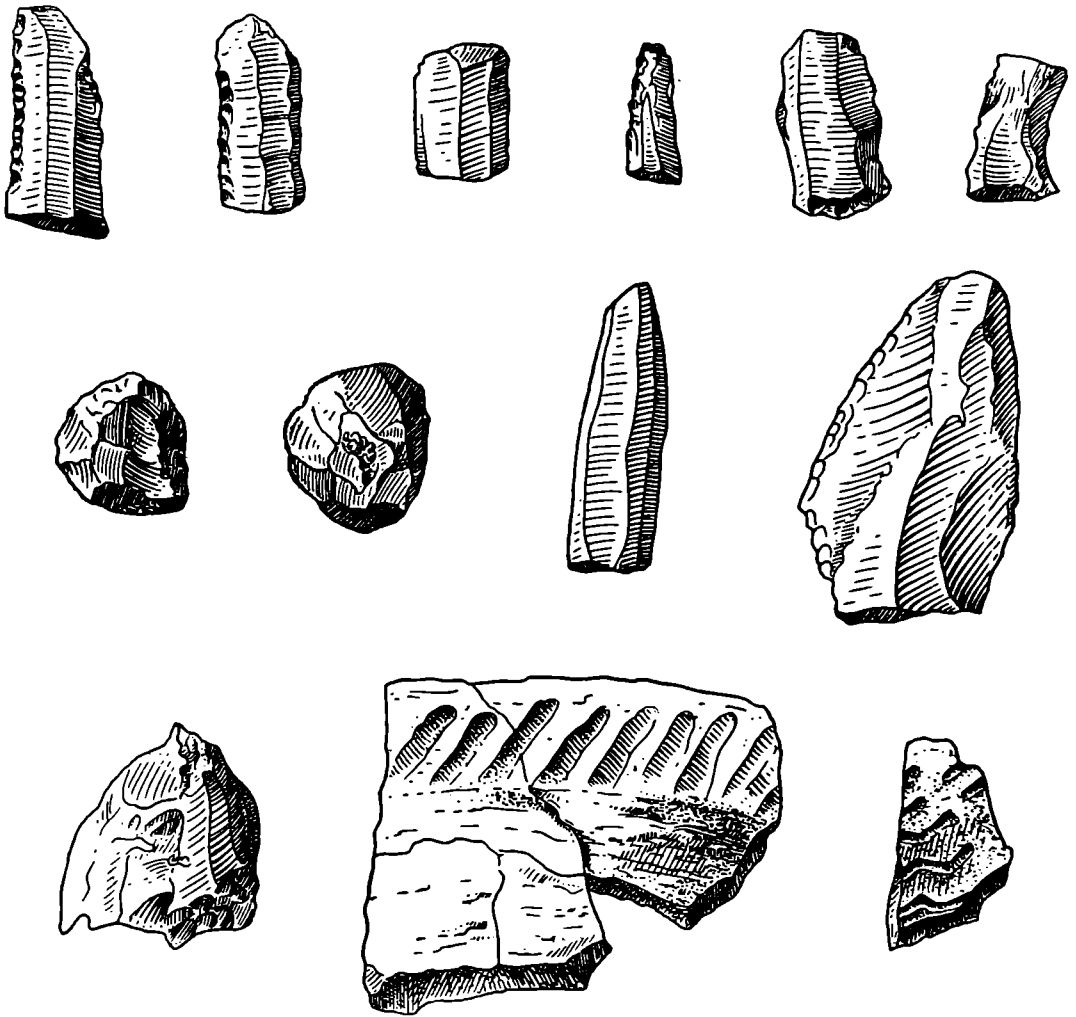

Рис. 3. Находки со стоянок бассейна р. Эмбы.

Обследованные далее караван-сарай Чурук, уже известный нам Белеули¹, караван-сарай Уч-кудук, Кос-булак позволили собрать материал, характеризующий сохраняющееся единство типа всех этих сооружений, при разнообразии строительных приемов и конструкций. Однотипность планировки, расположение и характер конструкций этих построек свидетельствуют об их сравнительно одновременном сооружении как единого комплекса оборудованной дороги.

Возникновение их, очевидно, относится ко времени начала подъема Хорезмийской империи в XI—XII вв., когда торговые и политические интересы Хорезма связывали его с Поволжьем и Восточной Европой.

Большой интерес представляют открытые во время этого маршрута первобытные стоянки в бассейне р. Эмбы (район Бакачи). Здесь в нескольких местах, на старых дюнных холмах, были обнаружены многочисленные фрагменты микролитических орудий и несколько мелких фрагментов керамики (рис. 3). Материал этих стоянок может быть связан с хорезмийской кельтеминарской культурой в несколько более позднем ее варианте².

¹ См. С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 248, 263—265.

² См. А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. «Вестник Казахского филиала АН СССР», 1945, № 2.

Открытие аналогичных стоянок в районе ключей Учукан (приблизительно 100 км к югу от Эмбы) подсказывает и направление этих связей.

Второй круг разведочных работ, связанный с археологическими исследованиями на юго-западной окраине Хорезма был проведен в конце экспедиции (см. ниже).

* * *

Остановимся на центральной части работы экспедиции — продолжении раскопок дворца Топрак-кала, памятника III в. н. э.

Уже в прошлом году нами была сделана попытка реконструкции планировки дворца Топрак-кала. Правда, эта реконструкция была построена еще на ряде допущений, потому что до конца здание дворца тогда не было расколано. Сейчас мы можем уже эту реконструкцию документировать. Завершение раскопок дало нам новый, во многом неожиданный материал, с новой стороны освещающий историю позднеантичной хорезмийской культуры и искусства.

Мы имеем сейчас возможность уже полностью восстановить план дворцового здания (рис. 4). Центральная часть этого здания представляла собой совокупность больших парадных помещений, торжественных зал, богато украшенных скульптурой и росписью (рис. 5). Раскопки зал со скульптурами велась нами уже с 1947 г. Тогда был открыт грандиозный «зал царей», ниши которого были украшены групповыми портретами хорезмских царей и цариц с их приближенными.

Культурный слой зала представлял собой сплошную массу завала из фрагментов сырцовых глиняных скульптур, поэтому каждый шаг при раскопке требовал величайшей осторожности; этот зал окончательно был раскрыт только в 1950 г. Несмотря на то, что в предшествующие годы был уже извлечен из него основной скульптурный материал, в этом году здесь обнаружен ряд новых и интересных находок, в том числе скульптурная рукоять меча (рис. 6).

Кроме «зала царей», в предшествующие годы был раскопан не менее великолепный зал, названный нами «залом побед», с горельефными группами, изображающими царей и цариц, венчаемых богиней победы.

Третьим парадным помещением был «зал воинов» с изображениями царей или богов, расположенными на стенах в нишах, между которыми были расположены скульптурные фигуры темнокожих воинов. В 1950 г. были открыты еще два зала со скульптурным оформлением — уже в западной части дворца. Это небольшой прямоугольный зал (8,80 × 5,10 м) и расположенный к северу от него большой (10,60 × 9,65 м) почти квадратный зал, — оба несколько необычные для хорошо уже известного строгого и торжественного стиля топрак-калинских парадных помещений.

Первый небольшой зал оказался очень интересным. Стены его были покрыты рельефными изображениями деревьев, обвитых виноградными листьями (рис. 7), а в нижней своей части украшены фризом, изображающим оленей. Целого изображения оленя не сохранилось, но найдены головы по меньшей мере пяти оленей, а также части корпуса и ног; эти фрагменты позволяют установить, что на барельефе были изображения пасущихся в свободных позах оленей, сделанные в размере, несколько меньшем натуральной величины (рис. 8).

Особенно хороши две головы: одна сохранилась полностью, но краска с нее осыпалась, и цвета изображения не могут быть восстановлены; другая более разрушена, но на ней прекрасно сохранилась раскраска. Коричневатая рельефная фигура оленя расположена была на синем фоне. Раскраска оленей, как и самый барельеф, выполнены в реалистической манере и свидетельствуют о тонкой наблюдательности художника.

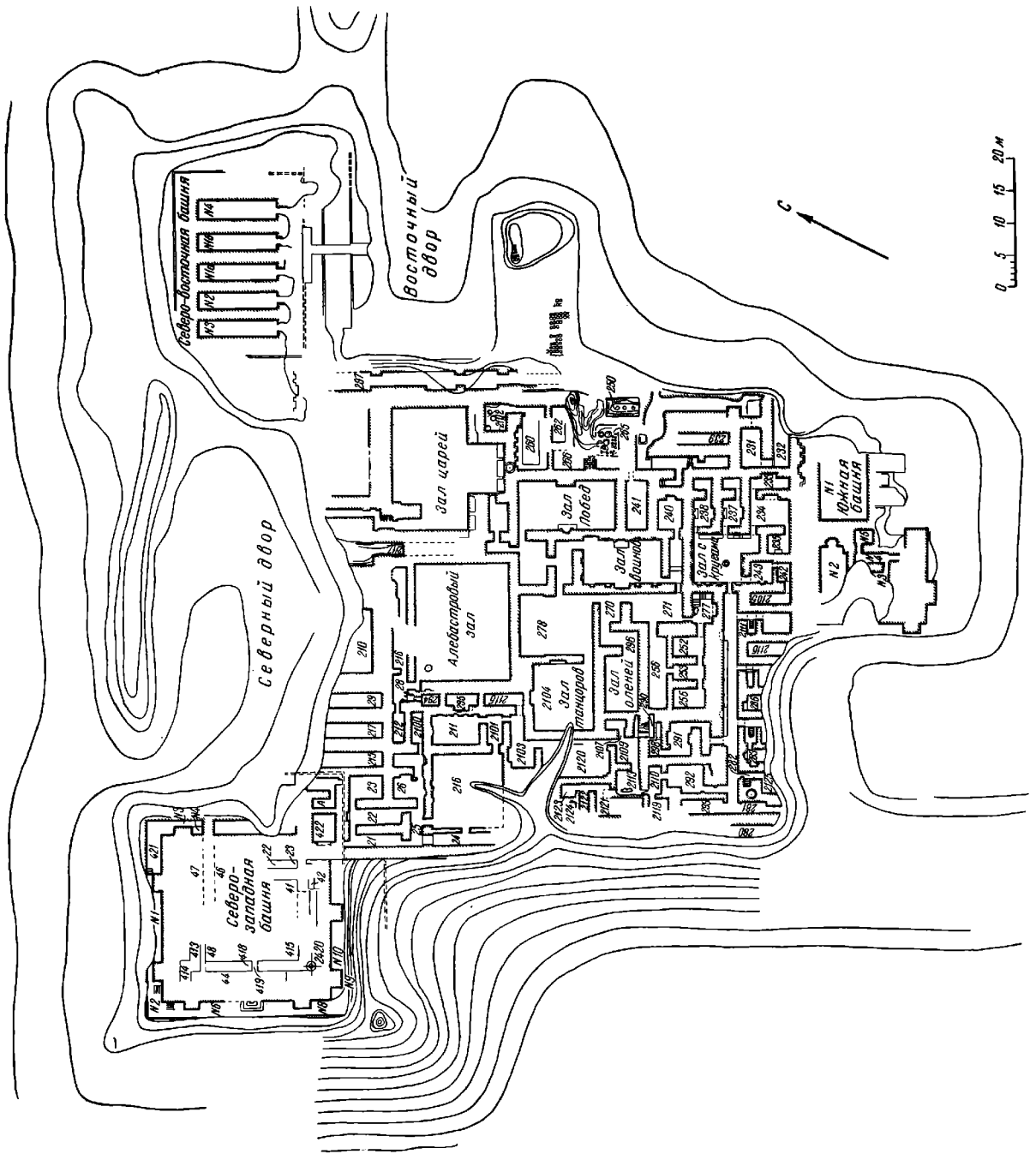

Рис. 4. План дворца Топраис-нала после завершения его раскопок в 1950 г.

Не оставляет никакого сомнения видовая принадлежность этих животных: перед нами разновидность лани — пятнистый олень.

Будучи реалистическими, изображения все же носят на себе некоторые следы определенной художественной традиции, сказавшейся на характерной трактовке отростков задней лопасти рогов. Трактовка изображения этих отростков рогов в виде правильных шариков, несомненно, уводит нас в мир художественных традиций скифо-сарматского искусства. Самый выбор

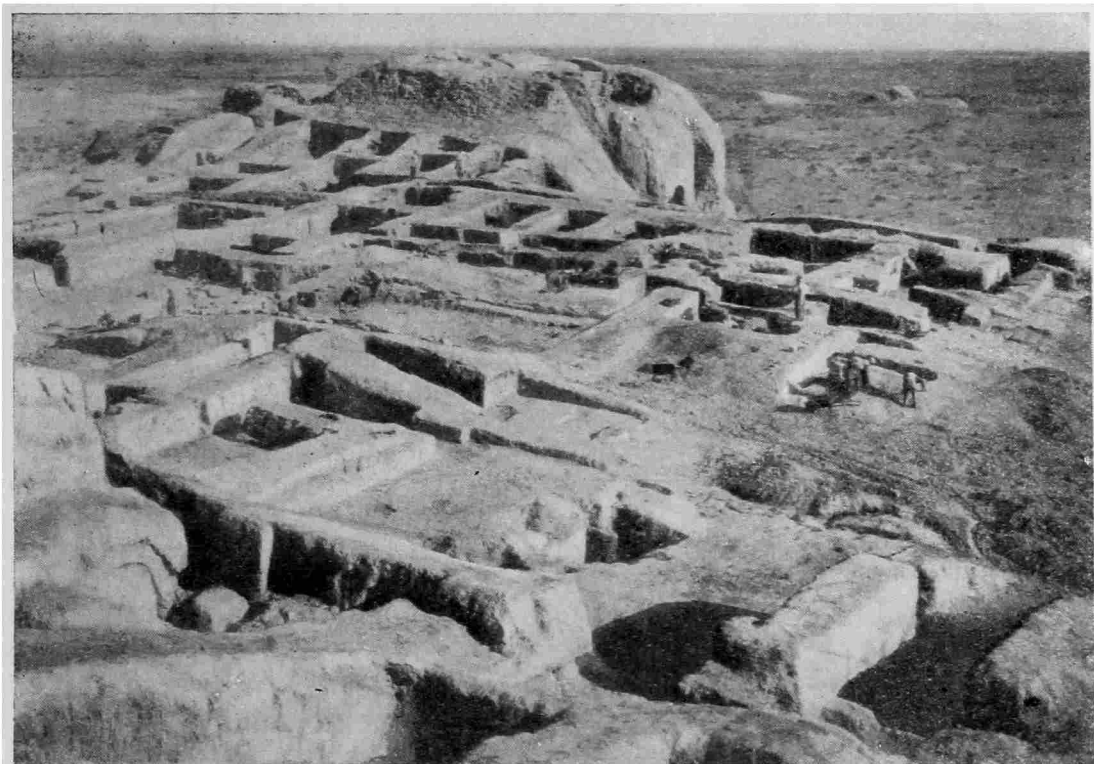

Рис. 5. Общий вид раскопок дворца с СЗ башни.

именно пятнистого оленя для изображения на стене является неожиданным, ибо в остеологическом материале, добытом при раскопках дворца Топрак-кала, этот вид оленя не обнаружен. Там мы нашли кости лишь одного из видов благородного оленя, и поныне существующего в бассейне Аму-Дарьи.

В связи с этой находкой следует напомнить другое изображение того же самого вида и разновидности оленя, получившее уже широкую известность в научном мире. Я имею в виду изображение оленей на кайме пазырыкского ковра, найденного в 1948 г. во время раскопок С. И. Руденко на Горном Алтае.

Уже тогда привлекла общее внимание необычайность для территории горного Алтая такого ковра. С. И. Руденко предполагал, что это произведение иранского искусства ахеменидского периода. Он датировал ковер V в. до н. э.¹

Я полагаю, что нет никаких оснований считать этот ковер произведением иранских мастеров. Если пойти по пути поисков в современном

¹ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952 г., стр. 76—77.

народном искусстве тех композиционных приемов и тех творческих методов, которые отражены в этом замечательном древнем образце ковроделия, то мы увидим, что живым носителем тех же приемов является туркменский ковер и с точки зрения колористики, и с точки зрения общего композиционного решения; наличие на нем типично туркменских «гулей», типично туркменского оформления, — позволяет считать, что этническая среда, породившая пазырыкский ковер, исторически связана с той этнической средой, на почве которой сложилась культура современного туркменского народа, т. е. массагетскими племенами.

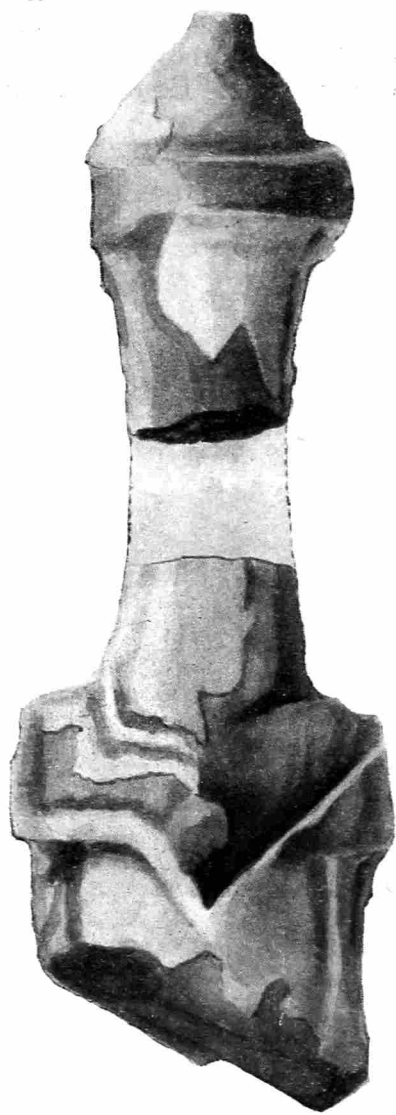

Рис. 6. Фрагмент скульптурной рукояти меча. Топрак-кала, «зал царей». 1950 г.

Находка идентичного (видоизмененного лишь в процессе применения к совершенно другому материалу) изображения оленя на хорезмском памятнике Топрак-кала еще более подкрепляет ту мысль, к которой мы пришли раньше, — что происхождение этого ковра массагетское. Можно предположить, что пазырыкский ковер является производением тех массагетских племен, которые в конце IV в. и в III в. до н. э., в результате больших политических событий, связанных с походами Александра Македонского, двинулись в Центральную Азию и вошли там в тесное соприкосновение с племенами Монголии и Алтая. Это заставляет нас не согласиться с датировкой С. И. Руденко и считать, что пазырыкский ковер может быть датирован временем не раньше конца IV в., а может быть, и III в. до н. э.

С другой стороны, все изложенное позволяет предполагать, что крупные скульптурные украшения дворца Топрак-кала также восходят к старым традициям массагетского искусства еще середины I тысячелетия до н. э., которые, таким образом, донесены до самого конца III в. н. э.

Над фризом из оленей располагался второй фриз, к сожалению, сохранившийся гораздо хуже. На нем находились изображения грифонов. Найдено только одно из

этих изображений: фантастическое животное представлено на нем с орлиным клювом, с большими крыльями и звериными лапами. Обломки подобных же лап найдены в ряде мест в этой и соседней комнатах: повидимому, количество грифонов было довольно значительно.

Когда начались раскопки соседнего, почти квадратного, последнего по счету зала со скульптурами и была расчищена полностью вся нижняя часть его северной стены, украшенной барельефными человеческими изображениями, — стало ясно, что оформление этого зала также совершенно отличается от того, которое мы привыкли считать характерным для Топрак-кала.

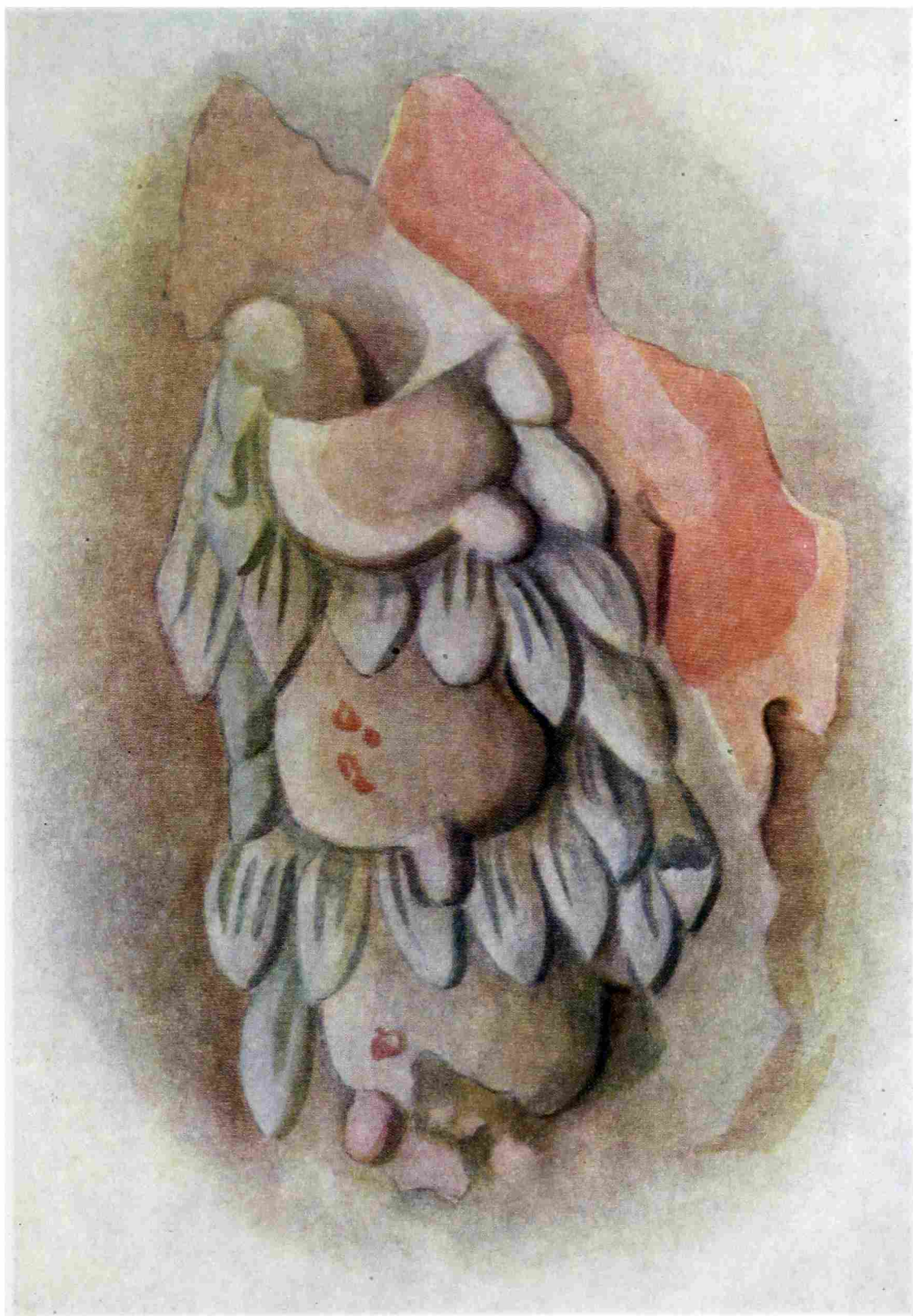

Рис. 7. Фрагмент барельефного фриза с изображением листьев и граната...
Топрак-кала, «зал оленей».

Рис. 8. Фрагмент барельефа с оленем. Топрак-кала, «зал оленей».

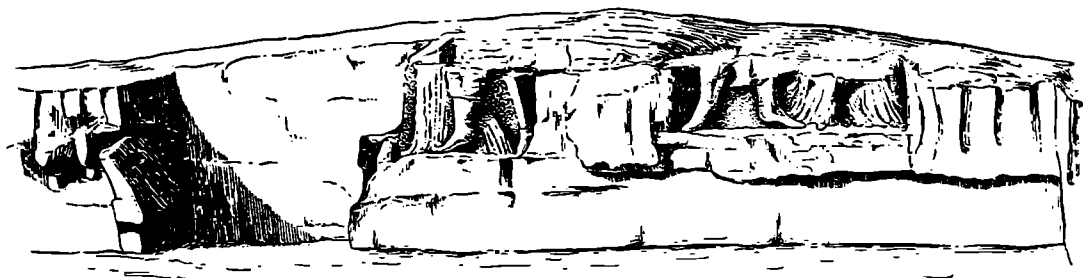

Рис. 9. Часть северной стены «зала танцующих масок». Топрак-кала.

Все человеческие фигуры (от которых, к сожалению, сохранились только ноги и нижняя часть туловища) были здесь расположены попарно — мужская и женская. Но сочетание этих фигур оказалось совсем иное, чем в «зале побед» или в «зале царей»; они все изображены танцующими (рис. 9).

Самым любопытным в этой находке оказались головы танцоров, фрагменты которых были обнаружены при расчистке пола. Одна из голов изображала узколицего человека с тонким носом, с длинной черной бородой и общим обликом, напоминающим архаическую ассирийскую скульптуру. Однако уши у этого человека — явно не человеческие, а звериные, более всего похожие на козлиные. При этом между ухом и лбом видна складка: повидимому, уши были частью головного убора; перед нами, таким образом, изображение танцующей замаскированной фигуры (рис. 10). Своеобразная остроконечная форма уха заставляет искать в оформлении зала проявления какого-то дионисийского культа, о существовании которого в древнем Хорезме есть свидетельства как в археологическом материале, так и в произведениях ал-Бируни. Еще в 1938 г., в работе, посвященной исследованию монет древнего Хорезма¹, мы установили хорезмийское происхождение нескольких серебряных чаш, хранящихся в Государственном Эрмитаже и изданных Я. И. Смирновым в атласе «Восточное серебро»², и в то же время обратили внимание на религиозную семантику украшавших некоторые из этих чаш изображений. На одной чаше (№ 45 по атласу Смирнова) мы видим стоящую фигуру божества с козлиной головой; с головы его спускаются развевающиеся сзади ленты — деталь, характерная для портретов царей на древних хорезмийских монетах.

В связи с затронутым вопросом я напомним также отрывок из «Хронологии» Бируни, посвященный хорезмийским праздникам: автор описывает один из этих праздников, называемый «Ночью Мины». Как он повествует, Мина была знатной женщиной, жившей в Хорезме. Однажды она вышла из своего замка после пира сильно опьяневшая, упала и замерзла, — в это время был сильный мороз. И вот в память этой аристократки, погибшей в результате пристрастия к вину, был установлен в Хорезме обычай ежегодно праздновать «Ночь Мины». Обычай этот существовал, по свидетельству Бируни, еще в XI в.

Перед нами, несомненно, уже приобретший анекдотический характер, совершенно непонятный для мусульманского населения Хорезма XI в. обычай, связанный с отголосками какого-то вакхического культа.

¹ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4.

² Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб., 1909.

Рис. 10. Голова замаскированной фигуры из «зала танцующих масок». Топрак-кала.

Этот фрагмент древних религиозных представлений, донесенный до XI в., зафиксированный в повествовании хорезмского ученого раннего средневековья, вместе с археологическими фрагментами голов танцующих масок во дворце Топрак-кала, позволяет предполагать, что вновь открытый зал был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера. В пользу такого предположения говорят и другие обломки изображений человеческих голов, найденные в зале; в частности, один из них изображает переносье и глаза, причем кожа лица на этом фрагменте черная, а глаза — совершенно круглые, выпяченные, видимо, принадлежавшие какому-то фантастическому существу. Несколько таких же круглых глаз было найдено в других частях помещения. Можно думать, что в зале вдоль всех стен находились изображения замаскированных людей.

Рис. 11 Алебастровая голова в скифском головном уборе.
Топрак-кала.

Я должен здесь напомнить одну любопытную деталь, на которую обратил мое внимание болгарский археолог Н. Мавродинов, когда я делал сообщение о работах Хорезмской экспедиции в Софии, во время моей поездки в Болгарию: это — распространение в раннесредневековом искусстве кочевников Центральной Азии и Восточной Европы, вплоть до Венгрии (в том числе в знаменитом кладе в Надь-Сент-Миклош), изображений, близко напоминающих замаскированную голову из дворца Топрак-кала. Действительно, переключка между хорезмским прототипом III в. и памятниками степных племен очень значительна, и не исключено, что здесь мы имеем свидетельство о влиянии древней среднеазиатской культуры на религиозные представления этих раннесредневековых центральноазиатских и восточноевропейских кочевников.

Из остальных находок, обнаруженных в 1950 г. во дворце, самой интересной является мужская алебастровая голова, примерно в полтора раза больше натуральной величины, найденная в одной из комнат южной группы помещений (рис. 11). Голова была в свое время раскрашена, но от краски остались лишь слабые следы. Хорошо сохранился «скифский» головной убор с наушниками, встречающийся и в других памятниках хорезмийского искусства. На лице видны остатки усов.

Это первая находка монументальной алебастровой скульптуры на Топрак-кала. В 1946 г. здесь была найдена небольшая алебастровая обнаженная женская статуэтка, причем не во дворце, а в одном из помещений стены города. Кроме того, встречались несколько раз фрагменты алебастровой орнаментики, в частности алебастровые листья. Однако находка большой алебастровой монументальной скульптуры была совершенно неожиданной и послужила основой для новых заключений по поводу

характера архитектурного оформления дворца. Комната, где была найдена эта скульптура, представляла собой одно из небольших помещений, расположенных вдоль коридора, тянувшегося в южной части дворца с востока на запад, где, видимо, жила привилегированная часть дворцовой челяди; ничем особенным не отличаясь от других, соседних, комната имела довольно скромную роспись на стенах, но никаких скульптурных украшений в ней не было. Голова найдена в завале посередине помещения, на довольно значительной высоте над полом. Других частей этой скульптуры в комнате обнаружить не удалось. Учитывая все обстоятельства, сопровождавшие находку, мы сделали предположение, что это фрагмент одной из статуй, украшавших верхнюю часть фасада дворца. Только так можно объяснить неожиданное появление алебастровой головы в развалинах скромной комнаты крайнего ряда помещений дворца. Тогда объясняется и своеобразие материала этого изображения, так как, конечно, сырцовая скульптура не могла быть выставлена на открытом воздухе и предоставлена влиянию атмосферных осадков.

Повидимому, наше первоначальное представление о внешности дворца не совсем соответствует действительности. Нам казалось, что, как нередко бывает на Востоке, в то время, как внутренние помещения были богато украшены скульптурой и росписями, экстерьер дворца был решен чрезвычайно просто, в виде простых прямых линий, вертикальных пилястров и т. п. Никаких внешних скульптурных украшений мы тут не предполагали. Сейчас есть основания полагать, что верхняя часть стен была украшена снаружи рядами больших статуй. Поскольку задняя сторона найденной головы несколько уплощена, вероятно, что фасад украшала не круглая скульптура, а скорее горельефы, находившиеся, возможно, в нишах, расположенных в верхней части наружной стены дворца. В пользу новой гипотезы оформления фасада говорит и то, что во время шурфовки северного двора в 1950 г. нами найдено довольно большое количество фрагментов алебастровой облицовки или алебастровой скульптурной орнаментировки, плохо, правда, сохранившихся. Следовательно, вполне возможно, что снаружи дворец был довольно богато декорирован разнообразными алебастровыми украшениями, в том числе и статуями.

В 1950 г. нам удалось, наконец, решить вопрос о входе во дворец — вопрос, заставлявший нас в течение всего периода раскопок памятника обсуждать много разнообразных гипотез, возникавших по мере выяснения планировки здания.

В этом году впервые, благодаря применению транспортеров, оказалось возможным начать раскрытие внутренних дворов дворца, засыпанных мощным слоем песка (от 7 до 14 м глубины). Почти полностью был расчищен восточный двор, через который, как мы предполагали, вел вход в здание дворца. Оказалось, однако, что этот двор замыкался с трех сторон глухими стенами. Анализ коридора восточной стены дворца и расположение башен заставили нас придти к заключению, что вход шел через пандус, перпендикулярный к восточной стене дворца, остатки которого обнаружились во время земляных работ. Почти на середине пандуса, в центре его, была расположена башня. Пандус вел к началу коридора, опоясывавшего северо-восточный угол дворца, причем этот коридор представлял собой анфиладу узких помещений, соединявшихся арками; стены его были украшены богатой росписью.

Сейчас, в итоге работ 1950 г., уже все внутренние помещения дворца раскрыты. Мы можем дать полное описание и самого дворца, и каждого отдельного помещения. Раскопки дворца Топрак-кала, этого первоклассного памятника позднеантичного Хорезма, окончены; они дали нам воз-

можно на основании богатейших коллекций археологического материала всесторонне охарактеризовать хозяйственную жизнь, культуру и быт хорезмийцев III в., начиная от сельскохозяйственного и ремесленного производств и кончая военным делом, формами художественной культуры и письменности. Топрак-кала, конечно, представляет собой памятник, который подлежит дальнейшему изучению. Предстоит еще осуществить раскопки в городе, необходимо исследовать большой комплекс храма, находящегося в непосредственной близости к городищу, к северу от него, а также произвести раскопки отдельных небольших усадеб, расположенных в нескольких километрах от дворца. Но все это представляет уже следующий, второй этап наших работ в Топрак-кала.

* * *

В конце полевого сезона экспедиция совершила свой второй в этом году разведочный автомаршрут, пройдя путь от Нукуса до Красноводска.

Археологические работы в этих районах Хорезмская экспедиция начала еще в 1939 г., когда был проведен большой маршрут на верблюдах от Ташауза через развалины средневекового города Змухшира и дальше на запад по линии большого древнего канала Чермен-яб, а затем — на юго-запад, вплоть до расположенной около верховьев Узбоя, в самом центре Кара-кумов, крепости Дэв-кала. Во время маршрута 1939 г. впервые здесь было открыто большое количество археологических памятников, античных и средневековых.

Вторично мы вернулись к работе в этом районе в 1946 г. во время авиационной разведки Устюрта; тогда был обследован ряд городищ, расположенных по юго-восточному краю плато, и начато изучение развалин Дэв-кескен, в прошлом — города Вазира, крайнего западного пункта средневекового Хорезма и одного из наиболее живописных памятников хорезмийского зодчества.

В 1947 г. были снова проведены большие авиаразведочные работы в Сарыкамьшской котловине, на Устюрте, на землях древнего орошения Ташаузской области, обследованных впервые еще в 1939 г., и в верховьях Узбоя.

Все перечисленные работы дали нам возможность сформулировать те выводы, которые опубликованы в книге «По следам древнехорезмийской цивилизации», и сделать попытку археологически решить проблему Узбоя¹.

Работы были продолжены и после этого — в 1948 г., когда мы провели рекогносцировочные раскопки Шемаха-кала — прекрасного памятника позднесредневекового Хорезма.

9 октября 1950 г. экспедиция вышла в составе 10 научных сотрудников из города Нукуса на трех автомашинах².

Работа началась с Куня-Ургенча, откуда мы направились на юг, пересекли русло Дарьялыка и обследовали запустевшие культурные земли XIX в., которые были покинуты заселявшими их туркменскими племенами в результате варварской политики хивинских ханов, закрывавших оросительные каналы в порядке возмездия за частые восстания угнетенного туркменского населения. Затем мы вышли на сухое русло Даудан,

¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, гл. XII, «Тайна Узбоя».

² В работе принимали участие С. П. Толстов — начальник экспедиции, заместитель начальника экспедиции М. А. Орлов, старший научный сотрудник Института этнографии Т. А. Жданко, младшие научные сотрудники того же института О. А. Вишневская и Н. Н. Вактурская, аспирант Д. Дурдыев, студенты МГУ и архитектор А. А. Сипко.

на берегу которого расположена ранее не обследованная нами античная крепость Мангыр. От крепости Мангыр мы двинулись к расположенному на юг от ДAUDANA средневековому городищу Ярбекир и провели тщательное обследование этого городища, обмер и сбор подъемного археологического материала. Наиболее интересным здесь оказалось открытие гончарных мастерских, давших исключительно богатый набор средневековой керамики и различных орудий производства, среди которых особо следует отметить формы для изготовления рельефной художественной керамики.

На Ярбекире мы впервые столкнулись с чрезвычайно своеобразным явлением. Оказалось, что стены городища построены из сырцового кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см, характерного для античных памятников Хорезма, причем это не было лишь случайным использованием античных стен для возведения средневекового города, что довольно часто встречается в истории Хорезма: выяснилось, что из такого же кирпича сложена верхняя часть стен, отличающаяся так называемой «елочной» кладкой, — строительный прием, типичный исключительно для средневековья и не существовавший ранее. Между тем сырцовый кирпич, как известно, может быть использован в строительстве лишь один раз. Таким образом, оказалось, что кирпич античного размера здесь изготовлялся в средние века. Это подтверждает и еще один факт: на ярбекирском кирпиче нет характерной для античного детали — родовых знаков, тамг.

Второй особенностью памятника является его планировка, которая поражает необычайным для средневековья расположением жилых помещений, главным образом внутри стен в виде идущего между двумя стенами коридора или же в виде расположенных вдоль стен в несколько рядов помещений.

Подобная планировка характерна для античных городищ, именно для раннеантичных «городищ с жилыми стенами». Но в то же время несомненно, что Ярбекир — памятник средних веков, датируемый XIII—XIV вв.; вся строительная техника и все содержание памятника оказались средневековыми. После установления этого любопытного факта в архитектурном комплексе Ярбекира получило объяснение и другое не понятное нам прежде явление, а именно: наличие в крепости Шах-Сенем (расположенной в этой же зоне земель древнего орошения и также средневековой) бойниц, имитирующих античные.

Дело в том, что бойницы для средних веков не характерны; вследствие изменения техники обороны в это время используются взамен бойниц зубцы, идущие по верхнему краю стены. Наоборот, для античного Хорезма характерны бойницы, расположенные посередине стены, иногда в два яруса. Между тем стены Шах-Сенем характеризуются типичными для античного Хорезма стреловидными бойницами, выложенными из сырцового кирпича; как и на Ярбекире, кирпич — античных размеров. Эти наблюдения заставили нас поставить вопрос о том, что термин, который в свое время был введен в оборот в нашей книге «Древний Хорезм» по отношению к средневековой культуре Хорезма эпохи расцвета в XII в. — начале XIII в., — «хорезмийский ренессанс», — имеет гораздо более прочное основание, чем это нам казалось. Речь идет действительно о «ренессансе» (в первоначальном, узком значении этого слова), т. е. о попытке возрождения античных традиций в эпоху средневековья. Воскресить эти традиции в Хорезмийском государстве было не труднее, чем в античном Средиземноморье, потому что многочисленные античные памятники, сохранившиеся здесь и до сих пор, были гораздо лучшей сохранности в те времена и могли служить прекрасными образцами для хорезмийских зодчих.

После Ярбекира мы двинулись дальше на юг, пересекли старое русло еще одного из протоков Сарыкамьшской дельты Аму-Дарьи и остановились у городища Акча-Гелин, которое ранее нами не обследовалось. Оказалось, что это городище принадлежит к одному из наиболее ранних периодов античности (так называемый «кангюйский период», IV—I вв. до н. э.); оно являлось крайним западным форпостом античного Хорезма. От Акча-Гелин мы повернули прямо на восток для того, чтобы повторно обследовать, на этот раз уже с шурфовкой, памятники, обследованные нами в 1939 г., а именно Куня-Уаз и так называемые «городища с жилыми стенами» — Калалы-гыр и Кюзели-гыр¹.

В зоне орошения старого арыка Шамурат нами было открыто античное городище Турпак-кала. Оказалось, что это городище характеризуется крайне интересной круглой планировкой. Круглые городища античного времени были до того нам известны в районе Джеты-Асара на Сыр-Дарье, в Хорезме же они очень редки: два таких городища имеются в районе земель древнего орошения Кара-Калпакской АССР на правом берегу (Кой-Крылган-кала и Малый Кырк-кыз) и одно — на Аму-Дарье близ Чарджоу (городище Устык).

Интересный материал дали обследование и последующая шурфовка городища Куня-Уаз. Это городище, как выяснилось, было населено дважды. В нем явно обнаруживаются античный и раннесредневековый слои, причем раннесредневековый слой хорошо датируется временем IX в. — начала XI в.

Памятники с такой хронологией слоев в Хорезме до сих пор не были известны. Из раннесредневековых памятников здесь одни окончили свое существование в VIII в. (эпоха арабского завоевания), а другие — в XIII в. (эпоха монгольского завоевания); Куня-Уаз, на котором жизнь прекратилась в XI в., является памятником, представляющим исключительный интерес, так как он дает возможность впервые осветить культуру Хорезма периода IX—XI вв.

После Куня-Уаза мы направились на юг, к линии раннеантичных городищ верховьев Чермен-яба. Исследование этой группы памятников было начато с городища Калалы-гыр № 2 (Айртам).

Рекогносцировочные раскопки на этом городище дали очень интересный материал. В частности, удалось обнаружить, что памятник датируется примерно IV—III вв. до н. э. и что культура его совершенно тождественна культуре наиболее древних городищ восточного Хорезма — Джанбаскала и Кой-Крылган-кала.

Городище характеризуется богатством расписной керамики, прекрасными терракотовыми статуэтками и круглым зданием ритуального, погребального назначения. Это так называемый наус, т. е. зороастрийское могильное сооружение, внутри которого были поставлены погребальные костехранилища — оссуарии. Раскопки, произведенные в наусе, показали, что оссуарии здесь были совершенно неизвестного нам до сих пор в Средней Азии типа. Если на правом берегу Аму-Дарьи известны оссуарии прямоугольной формы на высоких ножках, сделанные из обожженной глины или алебаstra, то здесь перед нами оказался оссуарий круглой формы на трех ножках, сделанный из сырой глины и обмазанный изнутри и снаружи алебастром (рис. 12).

Передвинувшись затем на восток на городище Калалы-гыр № 1, мы произвели там также рекогносцировочные раскопки. В 1939 г. при

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77 и сл., 114—118.

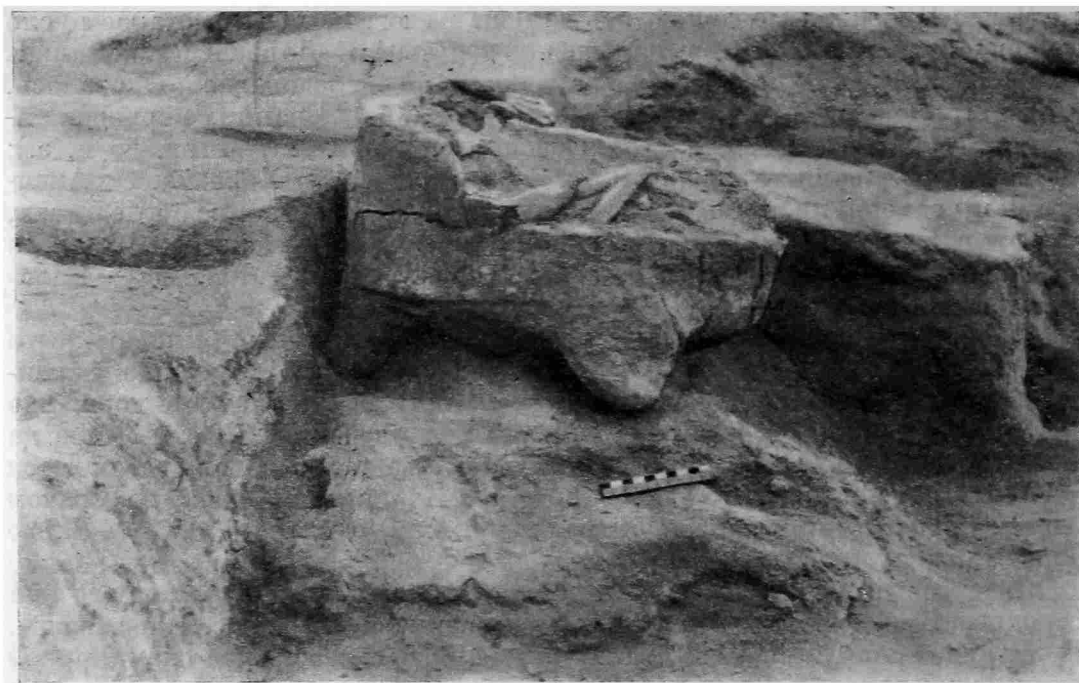

Рис 12. Осуарий из науса в Калалы-гыр № 2 (Айртам).

рекогносцировочной шурфовке здесь были обнаружены нами погребения в хумах (пифосах). Два года назад одна из геологических инженерных партий обнаружила на этом городище осуарные погребения. По вызову геологов сюда выезжал из Ашхабада археолог Вязигин, извлекавший найденные ими осуарии¹. В 1950 г., идя по следам этих находок, мы заложили раскоп вдоль западной стены внутри городища. В результате выяснилось, что вдоль всей этой стены шла непрерывная цепь осуариев, поставленных на специально вырубленную в стене ступень. При этом осуарии оказались разнообразной формы: и глиняные, и каменные, на ножках и без ножек — в виде своеобразного каменного корытца (рис. 13). Каждый из осуариев был коллективным захоронением, содержащим до 7 черепов; к черепакам добавлялось небольшое количество костей.

Единственное большое здание, расположенное внутри стен городища, которое мы шурфовали в 1939 г., а теперь исследовали более подробно, оказалось многокомнатным наусом. Полы в нем были выложены своеобразным кирпичом, до сих пор неизвестным ни в античном, ни в средневековом Хорезме: этот кирпич сделан из великолепно пережженного и размолотого тончайшего алебастра, в античном размере, но не квадратный, а прямоугольный: в длину 40 см, в ширину 20 и около 8 см в толщину. Однако наиболее интересной находкой была обнаруженная на этом памятнике дахма, т. е. «башня молчания». В Средней Азии такие памятники вообще неизвестны; мы знаем о них либо по литературным источникам, либо по современным дахмам парсов в районе Бомбея. Здесь же мы открыли древнейшие из известных дахм, видимо, датируемые первыми веками до н. э.

Дахма Калалы-гыра № 1 оказалась построенной на одной из башен городской стены.

¹ См. С. А. Вязигин. Осуарии с городища Калалы-гыр № 1 Ташаузской области Туркменской ССР. ВДИ, 1948, № 3, стр. 150—155.

Рис. 13. Осуарий у западной стены Калалы-гыр № 1.

На вершине башни была сооружена круглая цистерна около 2 м в диаметре, в которой обнаружена вся загрузка этой дахмы, т. е. скелеты тех трупов, которые когда-то были положены сюда, чтобы птицы очистили их от мяса перед укладкой костей в осуарии. Видимо, какое-то событие прервало совершение этого обряда и костяки остались на месте. Там было обнаружено около 8 костяков, расположенных по радиусу; кости лежали более или менее в порядке (рис. 14).

Конструкция этой дахмы оказалась довольно сложной, в полу ее были отверстия с тщательно отделанными краями. Эти отверстия вели вниз и открывались в вентиляционные ходы, выходившие в бойницу башни. Таким образом, отверстия в полу цистерны имели двойное назначение: по ним осуществлялся сток продуктов разложения трупов и в то же время происходила вентиляция, ускорявшая этот процесс (рис. 14а).

В связи с этой серией находок, связанных с погребальными обрядами древнего Хорезма, нельзя не коснуться еще одной находки, также сделанной в 1950 году, но на памятнике, находящемся на правом берегу Аму-Дарьи, а именно — на античной крепости Кой-Крылган-кала. В Кой-Крылган-кала, во время авиаразведки, произведенной в период раскопок на Топрак-кала, нами были открыты погребальные сооружения IV—III вв. до н. э., т. е. того же времени, что в Калалы-гыр № 2, но совершенно другого типа и большой художественной ценности. Как оказалось, осуарии здесь представляли собой квадратные ящики без ножек, на которых помещалась сидящая фигура в половину человеческого роста.

В найденном нами оссуарии статуя изображала женщину; нижняя часть фигуры в платье с пышными складками сохранилась полностью; от верхней части остались крупные фрагменты головы и плеч (рис. 15 и 15а). Такой своеобразный тип оссуария, увенчанного сидящей статуей, не был известен на территории Средней Азии и Ирана. Можно полагать, что статуи были скульптурными портретами покойников, останки которых находились в оссуариях. Интересно, что фрагменты пустотелой скульптуры сходного типа были нами обнаружены при обработке материала с Мангыр-кала.

Кроме оссуария со статуей, во время археологической разведки на Кой-Крылган-кала в 1950 г. были найдены и другие образцы древнего хорезмийского искусства: терракотовые статуэтки, рельефное изображение всадника с копьём на обломке стенки крупного сосуда (рис. 16) и др. В обходной галлерее здания были открыты хумы, запечатанные глиняными печатями с разнообразными родовыми знаками. Среди последних особенно интересно изображение древнего хорезмского корабля до сих пор нам не известного типа (рис. 17).

Таким образом, мы видим огромное разнообразие типов оссуариев, причем большая часть из них до сих пор была вообще неизвестна науке. Кроме того, весьма важным является то, что нам удалось датировать оссуарии и дахмы на территории Хорезма временем IV—III вв. до н. э. и позднее. Надо сказать, что до сих пор на территории Средней Азии не было сделано находок оссуариев, относящихся к более раннему времени, чем V в. н. э., причем и эта их датировка вызывает весьма серьезные сомнения. Оссуарии с точной датировкой относятся к VII—VIII вв. н. э., т. е. к концу зороастризма. В Иране оссуарный обряд появляется только при парфиях. В итоге работ 1950 г. для Хорезма установлена наиболее ранняя дата существования оссуарного обряда.

Этот факт имеет большое значение, поскольку он подкрепляет гипотезу о среднеазиатском и даже, точнее, о хорезмийском происхождении зороастризма, развивавшуюся в свое время Марквартом и Бартольдом: но они высказывали эту гипотезу в очень осторожной форме, так как основанием для нее служили главным образом толкования некоторых текстов Авесты. Сейчас мы можем это предположение подкрепить уже объективным археологическим материалом. Обследование стен Калалы-гыра позволило установить, что эта огромная крепость осталась недостроенной (был возведен лишь фундамент «жилых стен») и затем на протяжении ряда веков использовалась как гигантский некрополь.

После Калалы-гыр экспедиция произвела небольшие раскопки на Кюзели-гыр, где раскрыто было несколько жилых помещений между двойными стенами, впрочем сильно разрушенных. Однако это дало возможность внести существенное уточнение в наше представление о конструкции «жилых стен» этого городища, точно датируемого теперь V в. до н. э. Следующими пунктами маршрута были Кзылча-кала, Шах-Сенем, Гяур-кала (№ 1 и 2), а затем между возвышенностями Тарым-кая и Канга-гыр дошли до конца сухого русла древнего арыка Чермен-яб, теряющегося в протоках близ юго-западного мыса Тарым-кая, и, выйдя в урочище Еды-хауз — лишенный следов культуры район, прошли затем к колодцам Чарышлы. Отсюда была сделана попытка пройти на машинах к двум близлежащим безымянным памятникам, обозначенным на топографической карте, но не найденным во время авиаразведки 1948 г. Попытка проехать на машинах к ним, однако, не увенчалась успехом. Мы были вынуждены обогнуть этот район с востока и вышли к крепости Дэв-кала, а затем к колодцам Екидже, откуда сделали пешком тяжелый 15-километровый переход через ячеистые пески к указанным двум памятникам.

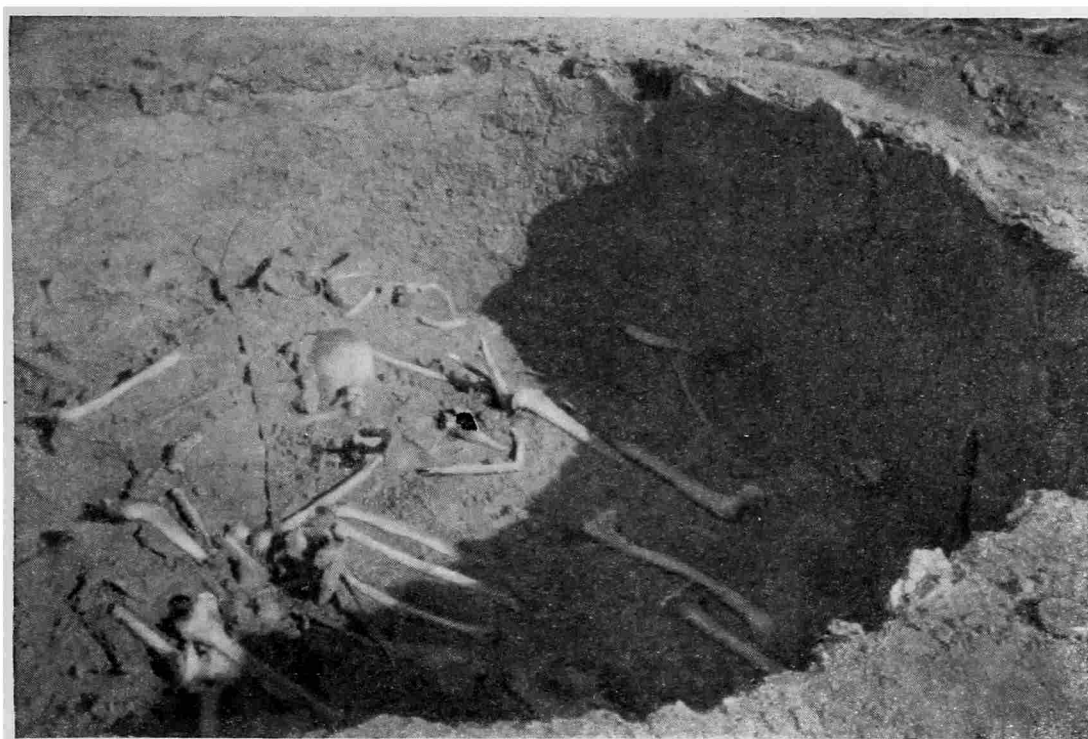

Рис. 14. Дахма на Калалы-гыр № 1.

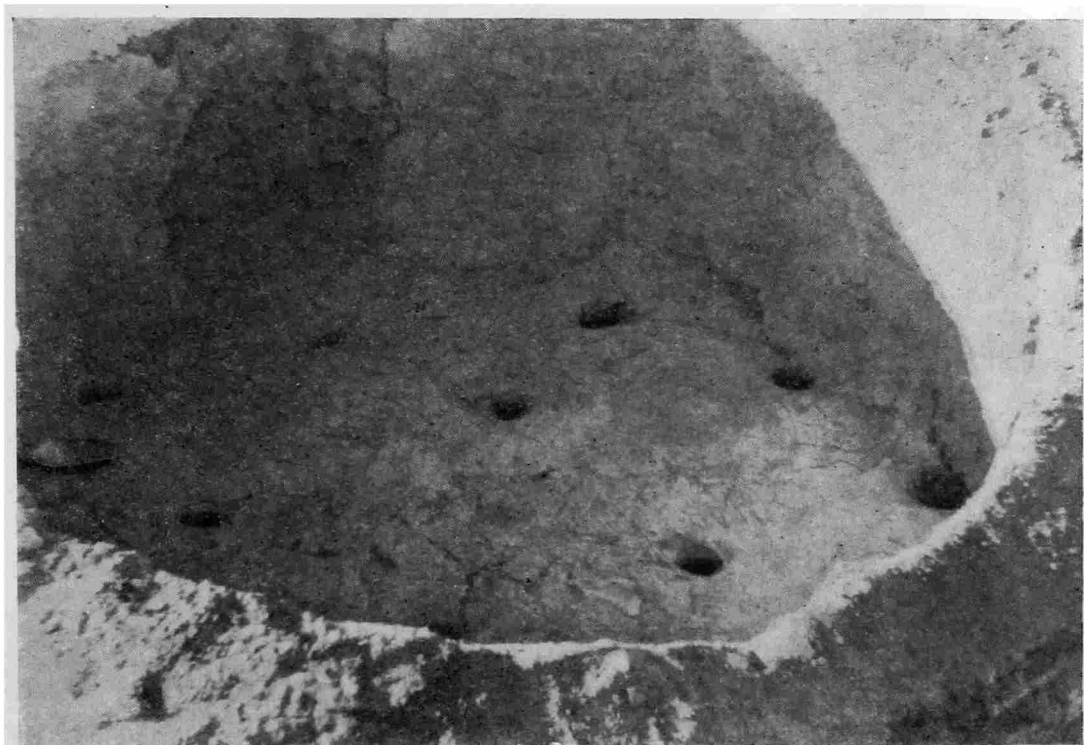

Рис. 14а. Дахма на Калалы-гыр № 1.

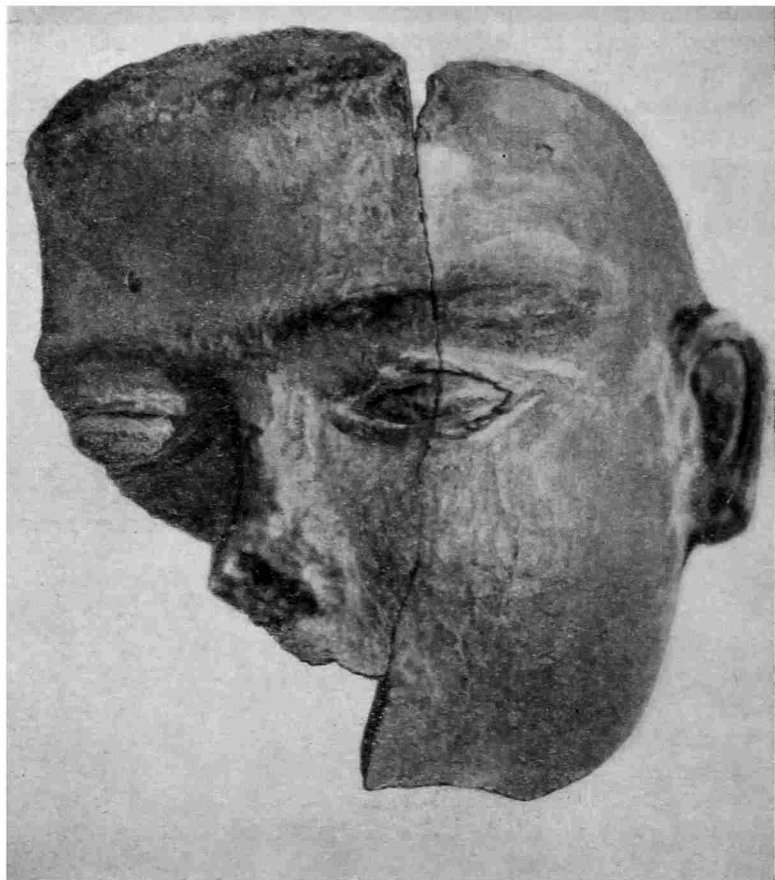
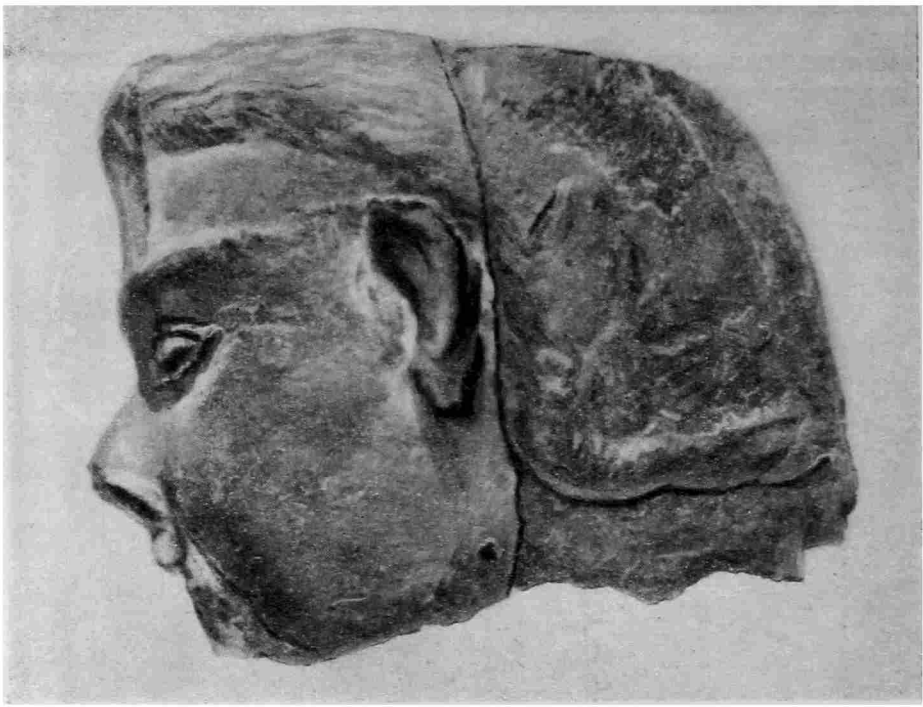

Рис. 15. Осуарий со статуей на крышке. Кой-Крылган-кала.
1950 г. (Фрагмент головы статуи, профиль и фас.)

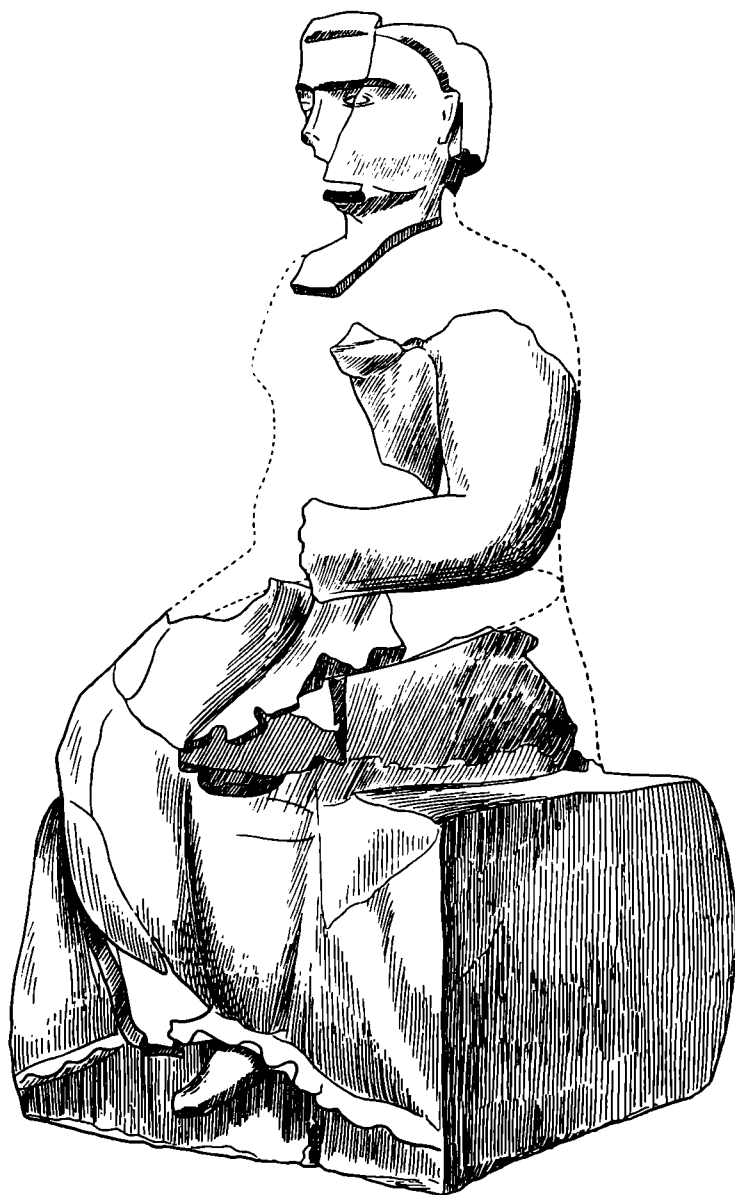

Рис. 15а. Осуарий со статуей на крышке Кой-Крылган-кала (Реконструкция).

Выяснилось, что это маленькие мазары XVI—XVII вв.; один из них — очень интересной восьмигранной формы. Ничего, что свидетельствовало бы о какой-то заселенности вокруг них, обнаружено не было. Мазары были названы нами «Кош-Гумбез» («пара куполов»).

Убедившись в невозможности пройти на наших машинах к Узбою тропой, проложенной через тяжелые пески, окружающие колодцы Орта-Кую, мы решили достигнуть русла кружным путем, через окраину плато Устюрт.

Во время этого объезда одна из машин потерпела аварию, в результате чего пришлось наш небольшой отряд разделить на три части: одна осталась со сломанной машиной, другая отправилась за технической помощью в Куня-Ургенч; на Узбой мы пошли лишь с одной машиной — в обход

Рис. 16. Изображение всадника с копьем на фрагменте сосуда. Кой-Крылган-кала. 1950 г.

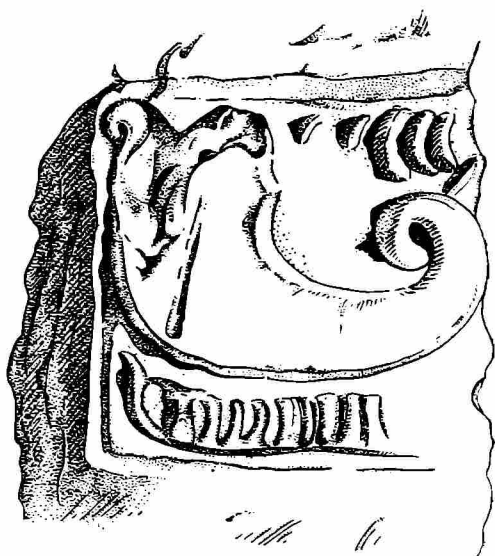

Рис. 17. Печать на глине с изображением корабля. Кой-Крылган-кала. 1950 г.

песков Верхнего Узбоя по чинку Каплан-гыр. Войдя на край этого огромного обрыва, тянувшегося на 100 км с лишним с запада на восток, мы были поражены дикой красотой простирившегося перед нами пустынного, мертвого ландшафта. Внизу, на трехсотметровой глубине сверкал обширный солончак, простирившийся под совершенно отвесными скалами обрыва и причудливо нагроможденными каменными глыбами, рухнувшими на его дно. Противоположный край обрыва казался призрачным в туманной дали величественного пейзажа. Мы прошли путь вдоль Каплан-гыра, обследовали расположенные на нем укрепления и могилы и вышли на Узбой к урочищу Ак-яйла. Здесь были произведены рекогносцировочные раскопки так называемого Ак-яйлинского водопровода (рис. 18 и 18а): заложены 4 шурфа и сделана нивелировка по линии километрового кирпичного желоба — до водоема, находящегося на самом берегу русла Узбоя.

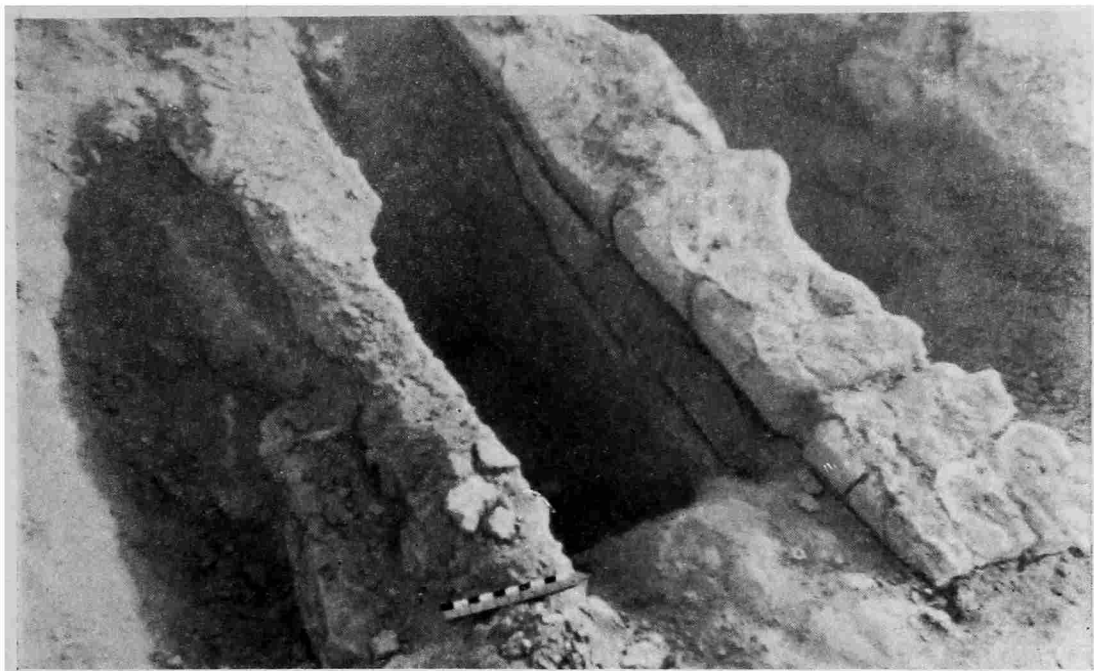

Рис. 18. Ак-яйлинский водопровод (деталь жолоба).

По вопросу об этом средневековом памятнике в литературе была полемика. В. А. Обручев, лично посетивший этот район в 1888 г., считал, что это остатки ирригационного сооружения, снабжавшего водой из Узбоя примыкавшие к берегу поля, и полагал соответственно, что этот водопровод имеет наклон в сторону от Узбоя¹. Другой исследователь конца XIX в., Коншин, считал, что водопровод имеет наклон в сторону Узбоя. Точка зрения Коншина подтвердилась: как показала нивелировка, кирпичный жолоб имеет уклон 7,5 м на 990 м длины водопровода в сторону Узбоя. На берегу Узбоя находятся развалины круглого сооружения, к которому подводилась вода. Сам жолоб обложен жженым квадратным кирпичом довольно низкого качества, производившимся на месте, о чем свидетельствуют груды шлака, обнаруженные поблизости. Никаких следов ирригации кругом нет. Ни авиаразведкой, ни аэрофотосъемкой, ни наземным обследованием не установлено в непосредственной близости водопровода и вокруг цистерны никаких следов земледельческой культуры. Перед нами, несомненно, лишь водосборное сооружение типа широко распространенных в Туркмении «хаков» или «каков», однако «инженерно», если так можно выразиться, оборудованное. Построен был «водопровод», несомненно, в домонгольский период, ибо весь керамический материал, который там собран, датируется XI в., самое позднее — XII в. Ни одного фрагмента керамики монгольского времени здесь найдено не было. Таким образом, можно считать дискуссионный вопрос об Ак-яйлинском водопровode окончательно решенным: перед нами водяная цистерна, специально оборудованная «дождевая яма», в которую проведен водосборный канал².

¹ См. об этой дискуссии: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 305.

² Во время наших работ 1951 г. удалось установить, что Ак-яйлинское сооружение, как и Талай-хан-ата, имевший такую же систему водоснабжения, было караван-сараем. См. ВАН, 1952, № 4, стр. 53 сл.

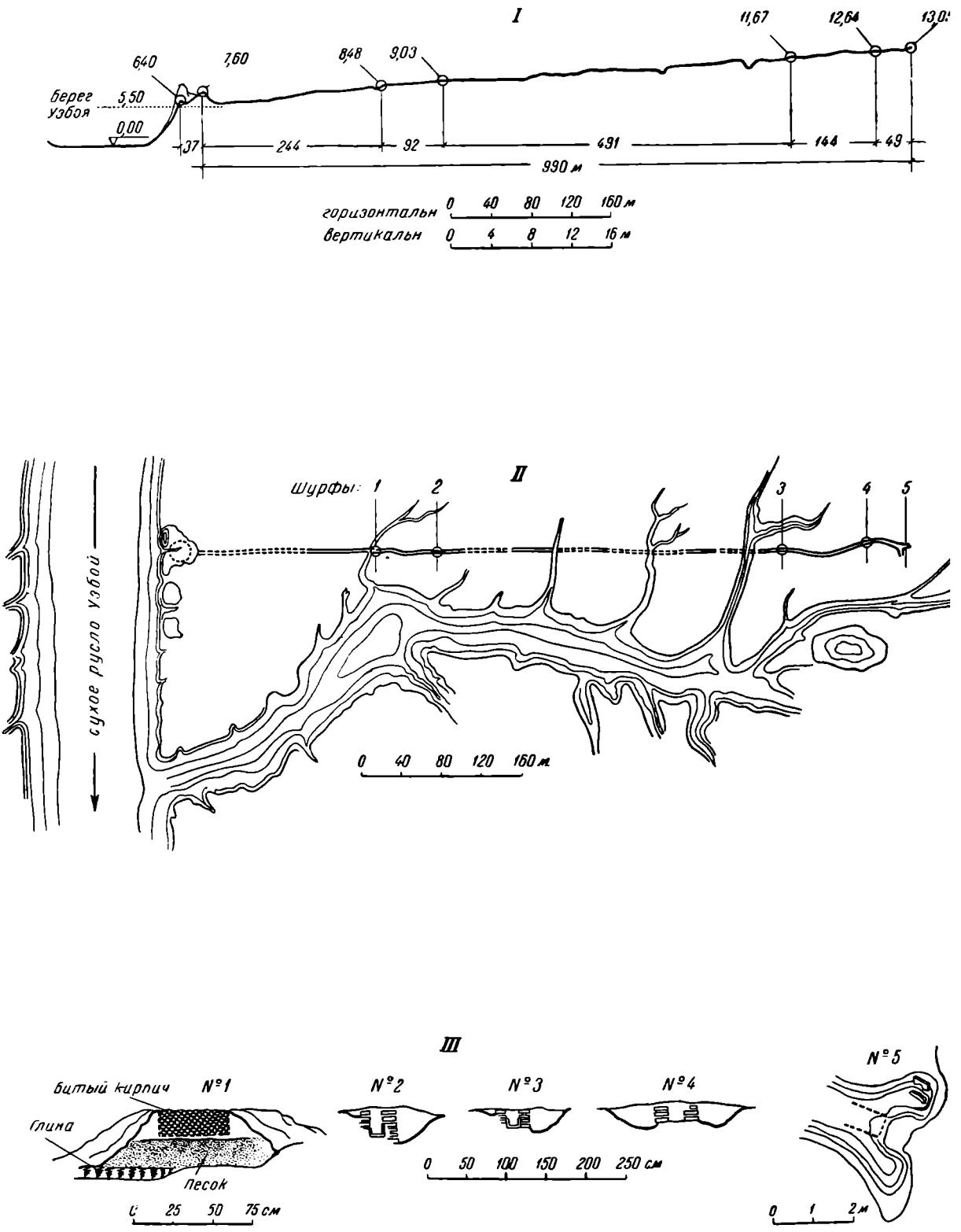

Рис. 18а. Ак-яйлинский водопровод (чертежи).

После обследования этого памятника мы прошли некоторое расстояние вдоль русла Узбоя, сперва — на юго-запад в район колодцев Игды, а потом — в обратную сторону, к колодцам Бала-ишем.

Обследование всего этого района подтвердило полностью выводы, сделанные нами раньше на основании авиаразведки. Никаких следов ирригации здесь нет, за исключением упоминавшихся мной в свое время отмеченных авиаразведкой следов полей в самом русле Узбоя, на его дне.

Развалины Талай-хан-ата, также часто упоминавшиеся в специальной литературе, представляют собой остатки средневекового караван-сарая, функционировавшего как в домонгольское, так и в золотоордынское время.

Более северная Дэв-кала — также караван-сарай раннего средневековья — хорезмшахского времени, торговый пункт на пути, ведущем из Хорезма в Иран до XIII в.

Из наших наблюдений 1950 г. можно заключить, что в монгольский период в районе Узбоя хозяйственная жизнь не только не получила особого развития, но, наоборот, произошло даже затухание торговых путей, идущих вдоль русла. Это и неудивительно, потому что, как известно, в этот период Хорезм тяготел к Золотой Орде, в то время как Хорасан оказался втянутым в систему влияния Ирана, между которым и Ордой на всем протяжении монгольского времени были враждебные отношения, конечно, мало способствовавшие развитию торговли.

После обследования излучины между колодцем Бала-ишем и Ак-яйла мы возвратились через Каплан-гыр к месту аварии. Прибытие туда самолетов дало нам возможность провести авиаразведку юго-западного побережья Сарыкамышской котловины и впервые зарегистрировать здесь наличие многочисленных и весьма своеобразных ирригационных сооружений, в виде часто расположенных валов, идущих по радиусам от древнего озера в сторону обрыва Устюрта. Судя по сохранившемуся рельефу сооружений, они должны быть датированы поздним средневековьем. Наземное обследование их мы вынуждены были отложить¹ и «верхней дорогой» через Дахлы и Чагыл вышли на Красноводск.

¹ Описание грандиозной ирригационной системы Сарыкамыша, датированной нами XV—XVI вв. на основании работ экспедиции 1952 г., см. ВДИ, 1953, № 2, стр. 181—184.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1954

С. П. ТОЛСТОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1951 ГОДУ¹

Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г. производились в трех районах:

1. В западной и северной части пустыни Кара-Кум, на территории Туркменской ССР — археологическая разведка берегов древнего русла Узбой. Работа осуществлялась под непосредственным руководством автора.

2. В юго-западной части пустыни Кзыл-Кум, на территории Кара-Калпакской АССР — раскопки раннеантичного памятника IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-кала. Работа была начата под руководством автора и завершалась под руководством Н. Н. Вактурской.

3. В северо-восточной части пустыни Кзыл-Кум, на территории Кзыл-Ординской области Казахской ССР — раскопки двух античных памятников первых веков до н. э. и I—VII вв. н. э. в урочище Джеты-асар, на среднем отрезке древнего русла Куван-дарья. Работа осуществлялась двумя отрядами: первый, по раскопкам Алтын-асара, — под руководством М. А. Орлова и Ю. А. Рапопорта и второй, по раскопкам нового объекта наших работ, городища Джеты-асар № 9, — под руководством Т. А. Жданко и Н. Н. Вактурской.

Общая продолжительность полевых исследований экспедиции в 1951 г. была около 5,5 месяца (с 18 апреля по 1 октября). В работах принимали участие 35 научных и научно-технических сотрудников (в том числе научные сотрудники и аспиранты Института этнографии АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН КазССР и Гос. музея КК АССР, студенты-практиканты исторического факультета МГУ, 3 архитектора, художник, фотограф, геодезист-аэросъемщик), 2 пилота, 5 шоферов, 7 человек административно-технического персонала и в среднем около 50 рабочих землекопов.

Этнографические работы экспедиции осуществлялись в этом году одним туркменским отрядом под руководством Г. П. Васильевой. Основным объектом работ здесь явился колхоз «Большевик» Куныя-Ургенчского района Туркменской ССР, где изучался социалистический быт туркмен-колхозников.

¹ Отчетный доклад на сессии Отделения истории и философии АН СССР, март 1952 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ВДОЛЬ РУСЛА УЗБОЯ

Археологические изыскания в левобережье нижней Аму-Дарьи, помимо общих задач изучения истории хозяйственной жизни, культуры и быта древнего и средневекового населения левобережного Хорезма и прилегающих к нему с запада территорий пустынь Туркмении, имели своей целью: участие в разрешении целого ряда научных проблем, имеющих значение для хозяйственного освоения земель этой зоны, в первую очередь — изучение динамики изменений древней ирригационной сети земель древнего орошения (в Ташаузской области Туркменской ССР) и разрешение проблемы Узбоя — как времени возникновения Узбоя, так и времени прекращения течения вод Аму-Дарьи по его древнему руслу, а также выявление водных источников, снабжавших население, оставившее следы культуры по берегам русла.

Исследования в этом районе были начаты нашей экспедицией еще в 1939 г., когда, впервые обследовав древние ирригационные земли между современной культурной полосой (Тахтинский и Куля-Ургенчский районы) и Сарыкамышской котловиной, она открыла многочисленные античные и средневековые памятники юго-западной окраины древних хорезмских земель¹.

В 1946—1947 гг. экспедиция вернулась в эту область для обследования при помощи самолетов; путем аэрофотосъемки и археологических «авиандесантов» на ряде памятников были более детально исследованы как эта область древней культуры, так и юго-восточная окраина плато Устюрта, Сарыкамышская котловина и верховья русла Узбоя, вплоть до урочища Ак-яйла².

Наконец, в 1950 г. экспедиция выехала на трех грузовых автомашинах в разведочный археологический маршрут в этот район. На этот раз экспедиция охватила работой земли древнего орошения Ташаузской области и русло Узбоя — до колодцев Игды. Впервые был обследован ряд памятников, открытых во время авиаразведок, на некоторых были произведены шурфовки; собран богатый подъемный материал, производились архитектурные обмеры и детальная фотофиксация. Общее число памятников, открытых экспедицией до 1951 г. на юго-восточном Устюрте, в бассейне Дарьялыка, Даудана, сухих арыков Шамурат и Чермен-яб, а также на Верхнем и Среднем Узбое и на плато Каплан-гыр — свыше тридцати³.

27 апреля 1951 г. экспедиция на 5 автомашинах вышла в маршрут из Красноводска по берегу Каспийского моря, дошла до протока Актам и солончака Келькор — некогда озера, расположенного в районе впадения Узбоя в Каспий, произвела разведку в горах Большие Балханы, где обследовала развалины крепостей Таш-арвата и Дюйнек (последняя расположена на самой высокой точке Больших Балханов — около 2 километров над уровнем моря), вышла на русло Узбоя и прошла по нему, с детальным обследованием берегов, до колодца Чарышлы. Наличие в составе экспедиции двух легковых автомобилей полевого типа (ГАЗ-67) дало возможность археологическому отряду продвигаться в полном отрыве от троп, непосредственно по руслу и его берегам, поднимаясь на возвышенности коренного берега и преодолевая непроходимые для остальных машин пески.

В составе экспедиции во время Узбойского маршрута работал 21 человек.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 30—31, 114—118, 164—167.

² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 296—316.

³ С. П. Толстов. Хорезмская экспедиция 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 313—325.

В течение полутора месяцев, в трудных условиях бездорожья, безводья и жары было пройдено от Красноводска до Куны-Ургенча свыше 2500 километров. Особенно тяжел был переход через Орта-Куинские пески, где грузовики пришлось тащить на руках свыше 50 километров. На этом пути было проведено сплошное обследование берегов Узоя — 226 археологических поисков со сборами подъемного материала; открыто 115 местонахождений кремневых орудий и произведены раскопки и шурфовки на 4 памятниках (караван-сарай и могильники) близ русла.

Собранный материал, над которым ведет камеральную работу наш коллектив, позволил в основных чертах восстановить абсолютную хронологию использования Узоя человеком как в первобытные, так и в исторические времена.

Наиболее богато на Узое представлены памятники первобытной культуры — новый каменный и бронзовый век. Нет никакого сомнения в том, что в эту эпоху — вплоть до начала первого тысячелетия до нашей эры — Узбой был живой, текущей рекой; об этом убедительно свидетельствует характер расположения первобытных памятников вдоль русла. За исключением тех участков Нижнего Узоя, где долина достигает наибольшей ширины и где в первобытную эпоху она, вероятно, заливалась паводковыми водами, вынуждая первобытное население держаться по краю коренного берега, вдалеке от русла, — стоянки неолита расположены непосредственно по берегам русла, концентрируясь в узкой зоне — от нескольких метров до нескольких десятков метров от берега.

Степень концентрации неолитических и относящихся к бронзовому веку находок, в особенности кремневых орудий, настолько велика, что на значительной части русла почти не было случая, чтобы поиск на любом участке берега не давал результатов. Особенно изобиловали такими находками русло Актам, связывающее бывшее озеро, ныне солончак Келькор, в который впадает Узбой, с Балханским заливом Каспия, северное побережье Келькора и на самом Узое — участок между урочищами Калан-Кую и Декча, район Аджикуинской луки и далее вверх, вплоть до урочища Тоголак, и, наконец, верхний отрезок Узоя — от урочища Бала-Ишем до Чарышлы — места выхода Узоя из Сарыкамьшской котловины. Сравнительно редкими оказались находки между Тоголаком и Бала-Ишемом. На вопросе о причинах этого мы остановимся ниже. Почти на каждом произвольно взятом отрезке берега неизменно находились то изолированные кремневые орудия — скребки, проколки, острия, наконечники стрел и дротиков, ножевидные пластинки и т. д., то целые их скопления, с несомненностью свидетельствующие о том, что перед нами первобытное поселение, разбросанные стоянки неолита или бронзового века. Неолитические поселения не ограничиваются только руслом Узоя. Они широко распространены в зоне озер, образованных разливами Узоя, в особенности у его истоков. Особенно обильными являются неолитические находки по берегам древних узбойских озер в районе горы Кугунек, а также урочищ Орта-кую и Якидже.

Наша разведка не обнаружила памятники палеолитического и мезолитического времени. Можно сказать с большой долей вероятности, что в палеолитическое время русло Узоя еще не существовало.

Неолитические памятники Узоя довольно отчетливо подразделяются территориально на две группы, из которых внутри каждой могут быть намечены, — пока, конечно, весьма ориентировочно, — хронологические подразделения. Это, во-первых — **н и ж н е у з б о й с к а я** культура (рис. 1), руководящими формами которой являются очень крупные и высокие подпрямоугольные скребки, меньших размеров подтреугольные

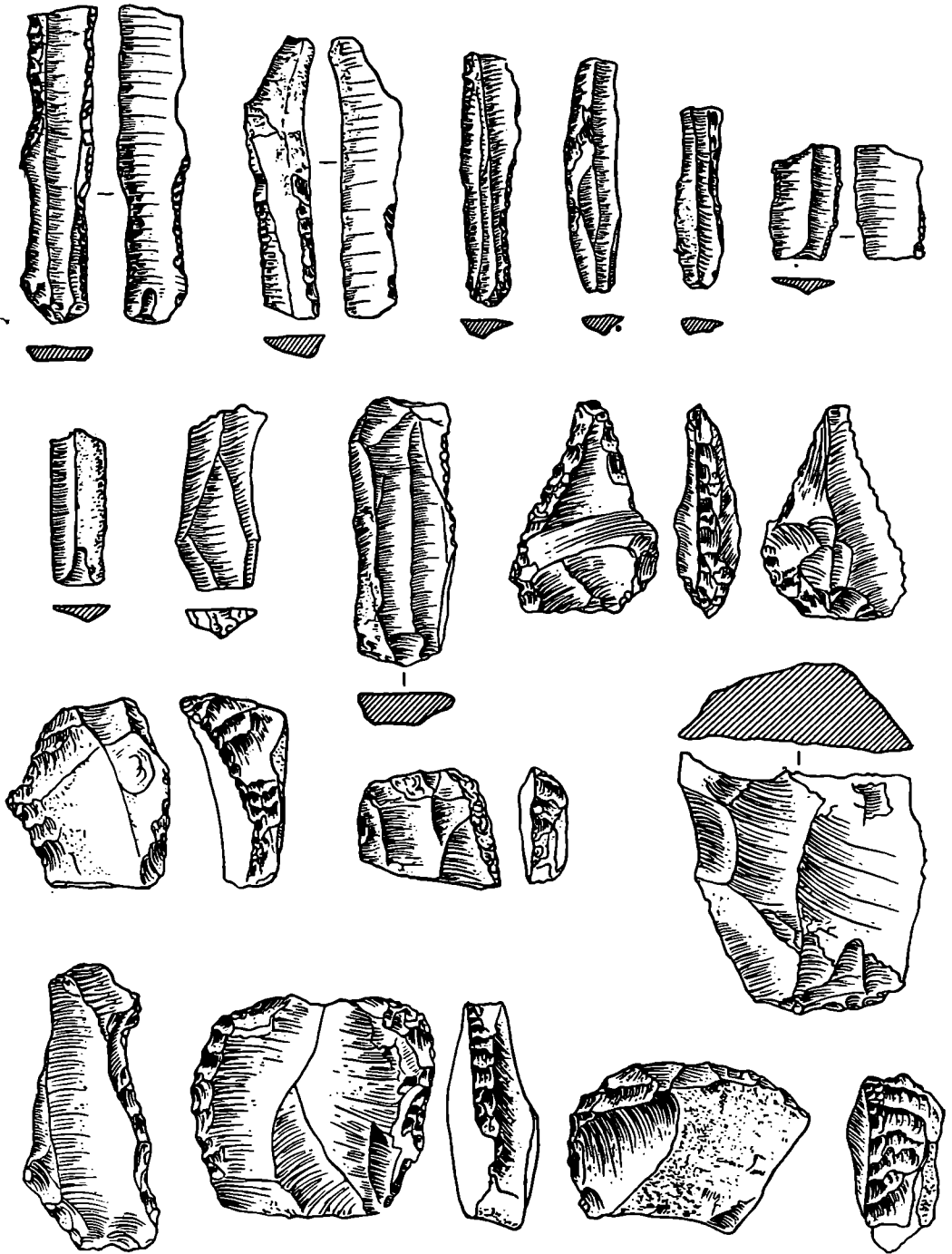

Рис. 1а. Кремневые орудия нижнеузбойской культуры (стоянка 114). Около $\frac{2}{10}$ нат. вел.

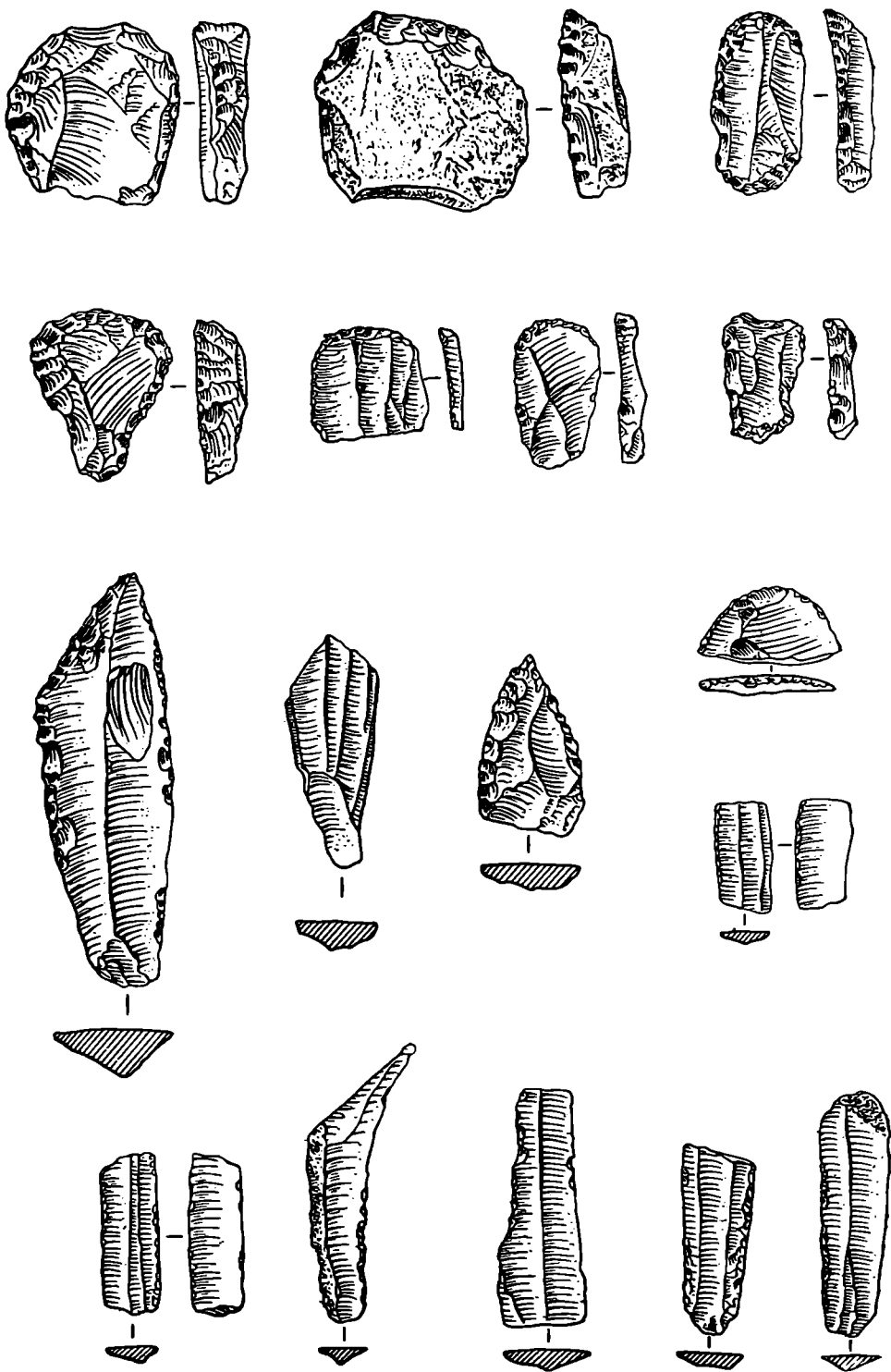

Рис. 16. Кремневые орудия нижнеузбойской культуры (поиск 110).
Около $\frac{9}{10}$ nat. вел.

скребки на отщепах и очень архаического типа остроконечники, видимо, использовавшиеся в качестве наконечников стрел и дротиков.

Многочисленные стоянки этой культуры зарегистрированы нами в песках по обоим берегам русла от урочища Калан-кую до урочища Тоголак; в этом последнем обнаружены две наиболее интересные стоянки этой культуры — № 110 и 114; последняя имеет более архаический облик.

Во-вторых, это верхнеузбойская культура (рис. 2), руководящими формами которой являются одношпильные наконечники стрел и разнообразные формы микролитовидных скребков — на конце пластинки, дисковидных и др., скобелей, пластинок с затупленной спинкой и т. д. Эти памятники явно тяготеют к кельтеминарской неолитической культуре Хорезма¹ и родственным ей культурам Западного Казахстана², Приуралья, Прикамья³. Есть, впрочем, серьезные основания для предположения, что узбойские памятники, — во всяком случае, часть их, — старше Хорезмского кельтеминара, датируемого рубежом четвертого — третьим тысячелетием до нашей эры и еще более поздних памятников Казахстана и Приуралья, датируемых концом третьего и даже может быть началом второго тысячелетия.

Основной центр распространения стоянок верхнеузбойской культуры — от района к северу от Бала-Ишема до отрезка русла к северу от Орта-кую, а также район горы Кугунек и колодцев Орта-кую.

Вдоль русла от Бала-Ишема до Тоголака находки кремневых орудий гораздо реже. Это преимущественно отдельные находки предметов верхнеузбойской неолитической культуры, а затем более поздних орудий энеолита и бронзового века. Этот комплекс находок продолжается и далее вниз по Узбою, в области нижнеузбойской культуры.

Локализация верхне- и нижнеузбойской культур представляет, мы думаем, большой интерес в связи с новой теорией о генезисе Узбоя, высказанной известной исследовательницей этого старого русла А. С. Кесь.

По мнению А. С. Кесь⁴, «первоначальный Узбой (время возникновения которого она относит к верхнечетвертичному времени. — С. Т.) имел свой исток несколько севернее Бала-Ишема, откуда он двигался вдоль южного клина Устюрта, используя его общий уклон на юг... Устье Узбоя располагалось в районе Тоголак — Бургун»⁴.

Чрезвычайно характерно, что сплошное неолитическое заселение Узбоя начиналось за пределами этого его древнейшего русла; мы видели, что верхнеузбойская культура начиналась несколько севернее Бала-Ишема, а стоянки нижнеузбойской культуры — от Тоголака вниз по руслу.

Процесс заселения нижнего и верхнего Узбоя разворачивается, как нам представляется, — одновременно и, с геологической точки зрения, — очень поздно, в пятом — третьем тысячелетиях, причем из различных центров. Повидимому, с севера идет движение древнекельтеминарских племен, из зоны озер и разливов выходящих на вновь образующееся верхнее русло.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 59—66, табл. 8—16.

² А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, XXXIX 1951.

³ С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 63.

⁴ А. С. Кесь. Происхождение Узбоя. Изв. АН СССР, сер. географ., № 1. М., 1952, стр. 22.

С юга и, может быть, с юго-востока движутся и оседают на берегах вновь образующегося нижнего русла предгорные праанаусские племена. Если вопрос о верхнеузбойской волне не вызывает сомнения, то выдвинутый нами тезис о происхождении нижнеузбойской культуры носит весьма

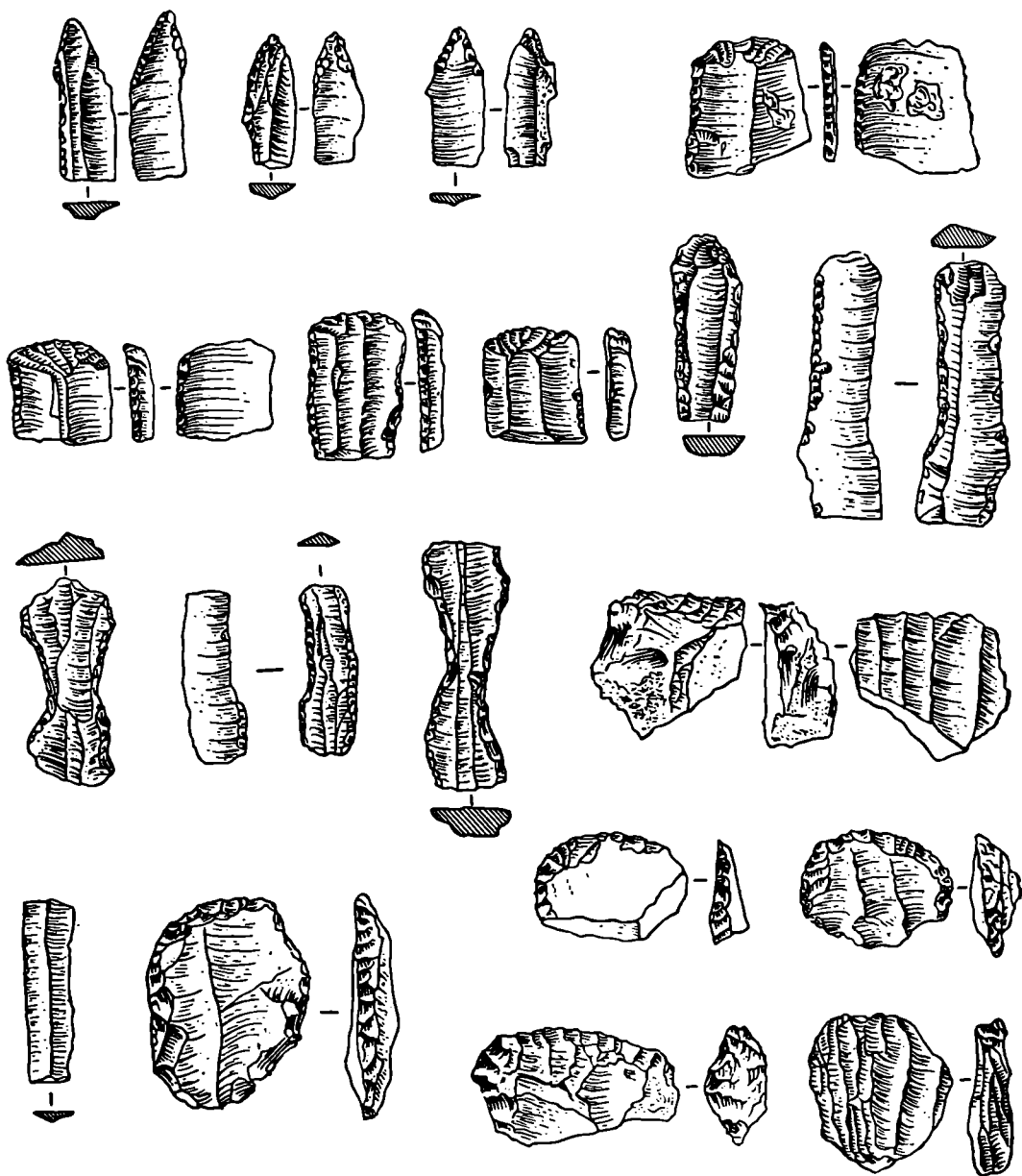

Рис. 2. Кремневые орудия стоянок верхнеузбойской культуры (район Бала-Ишема, Кугунек, Орта-кую). Около $\frac{9}{10}$ нат. вел.

гипотетический характер ввиду крайне слабой изученности праанаусских культур предгорий, да и вообще неолита Южной Туркмении и Северо-восточного Ирана. В пользу южных связей нашей культуры говорит нахождение обсидиановой ножевидной пластинки в Тоголаке № 114 и шаровидного сосуда с окрашенной поверхностью явно анаусского облика в районе стоянки 110 (рис. 3).

Открытие советскими географами в 1951 г. торфяников на озерах верхнего Узбоя, анализ пыльцы которых рисует перед нами совершенно неожиданный состав лесных зарослей долины Узбоя и приузбойских озер, позволило выявить, что в состав их входили пихта, сосна, береза, ольха, дуб, граб, бук и орешник¹. Сейчас пока неясно отношение этих торфяников к археологическому материалу, но многочисленность неолитического населения указывает, с большей долей вероятности, на то, что эта флора характерна для периода заселения Узбоя кельтеминарскими племенами;

Рис. 3. Сосуд, найденный близ стоянки Тоголак (№ 110). Высота 35 см

это дает возможность датировать ее временем пятого — четвертого тысячелетия до нашей эры.

Эпоха энеолита и бронзового века представлена прежде всего несколькими стоянками, из которых наиболее интересны стоянки к югу от Бала-Ишема и в урочище Чуйрик-баш, датируемые, видимо, рубежом третьего — второго тысячелетий до нашей эры, а также рядом находок, датируемых этим временем, — наконечников стрел, вниз по всему Узбою, и далее — рядом находок керамики бронзового века, из которых отметим находки в Тоголаке и на Актаме керамики, несомненно, тазабагьябского облика² (рис. 4 и 5).

Анализ материала энеолита и бронзового века показывает, что в третьем и во втором тысячелетиях идет передвижение вниз по Узбою, — сперва позднекельтеминарских, а затем тазабагьябских племен. Об этом говорит, в частности, характер находок в раскопанной А. П. Окладниковым пещере близ Джебела, материал которой, с нашей точки зрения, должен быть датирован в основном третьим тысячелетием до нашей эры. 1—4 слой Джебела несут следы сильного влияния неолитической кельтеминарской культуры и культуры энеолита и ранней бронзы. Более ранние слои близки к поздним вариантам нижеузбойской культуры.

Характер материала этой пещеры, соединяющей признаки верхнеузбойской и нижеузбойской культур, позволяет говорить о сильном смешении населения в третьем тысячелетии.

¹ А. С. Кесъ. Ук. соч., стр. 21.

² С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 66—68, табл. 17.

Во втором тысячелетии, как можно судить по нашему, пока еще очень недостаточному материалу, тазабагьябско-андроновский этнический элемент приобретает окончательное господство на всем протяжении Узбоя, вплоть до берегов Каспия.

С началом античного времени, — с первых веков первого тысячелетия

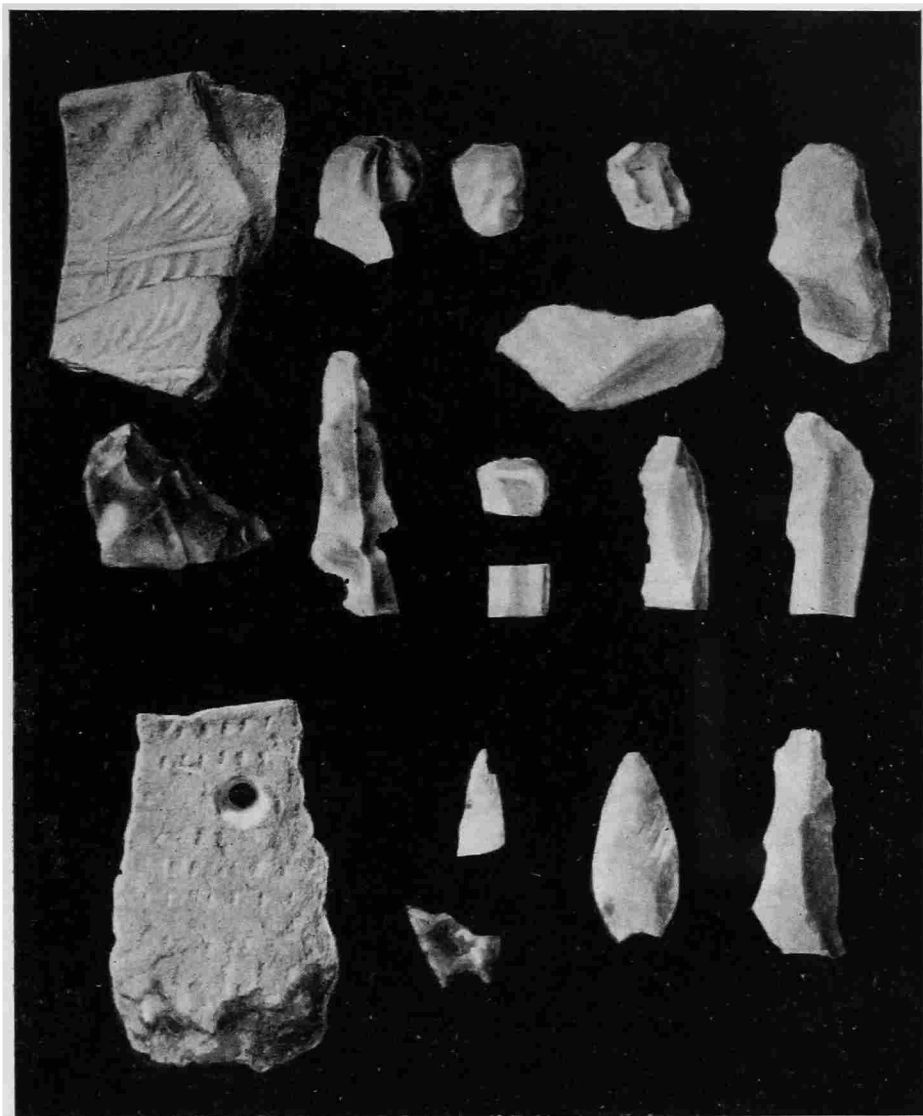

Рис. 4. Узбойский энеолит. Верх—стоянка к северу от Талай-хан-ата (поиск 171); низ—Чуйриқбашская стоянка (поиск 107). Около $\frac{2}{3}$ нат. вел.

до нашей эры, — картина заселенности Узбоя резко меняется. Собственно античных памятников — памятников оседлости земледельческой культуры, в частности, следов ремесленного гончарного производства, являющегося наиболее массовым материалом любого района античных поселений, — на всем протяжении Узбоя, от Чарышлы до Келькора, практически нет совершенно, если не считать двух-трех случайных находок.

Только на Актаме, в районе переправы, мы нашли несколько фрагментов краснолаковой античной керамики. В нескольких пунктах на

северном берегу Келькора, близ колодцев Джайрык и Декча (северная) и к северу от горы Кугунек были найдены одиночные обломки такой же керамики. Наконец, близ колодца Орта-кую был найден единственный целый сосуд — хум (пифос) VI—V вв. до н. э. (рис. 7, а), тождественный тем, которые характерны для Хорезмских «городищ с жилыми стенами»

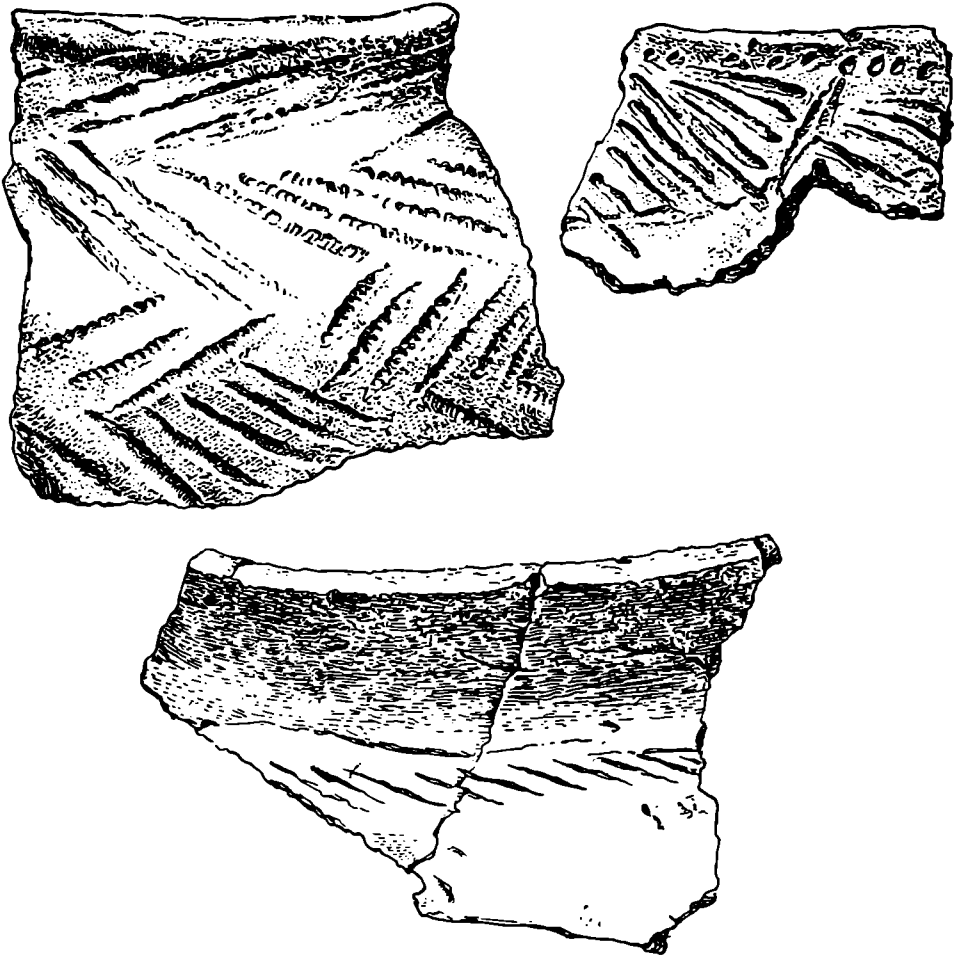

Рис. 5. Тазабагъябская керамика Актама (поиск 8) и верхнего Узбоя (поиск 171)

(Кюзели-гыр)¹. Находки античной эпохи на Узбое сводятся в основном к встречаемым повсеместно фрагментам примитивной, сделанной без гончарного круга «варварской» керамики с отпечатками грубой ткани на дне, слегка напоминающей керамику племен Семиречья той же эпохи (рис. 7, б), и к нескольким находкам бронзовых двухперых и трехгранных втульчатых наконечников стрел скифского типа.

Находки эти сосредоточены в песчаных котловинах, в полосе примерно 100—200 метров вглубь плато коренного берега, там же, где сосредоточены гораздо более обильные находки средневековой и современной керамики. Характерная деталь: глубокие котловины, своего рода песчаные ячейки между высокими грядами песков, тянущихся вдоль края плато

¹ См. С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 77—78.

верхней террасы коренного берега, становятся местом обитания кочевников на всем протяжении исторического времени — от раннежелезного века, античной эпохи, до совсем недавнего прошлого. В одних и тех же котловинах, прочно защищенных от жестоких ветров высокими песчаными барьерами, ставили свои легкие жилища и «варварские» племена античного времени, и средневековые туркменские племена и, наконец, туркменские кочевники начала нашего века. Почти в каждой котловине мы находим груды камней — остатки кочевых очагов, вокруг которых расположены скопления обломков керамики — «варварской», поливной средневековой и, наконец, современной — осколки фарфоровых чайников и пиал. Обломки чугунных котлов и кувшинов производства русских заводов, задолго до присоединения Туркмении к России массами ввозившихся в туркменскую степь через гавани Каспийского побережья, находятся рядом с фрагментами античной бронзы и бронзовыми наконечниками скифских стрел.

Почти полное отсутствие остатков античной ремесленной керамики на всем протяжении Узбоя — бесспорное доказательство того, что вдоль русла не было не только оседлого населения, но не было и торгового пути из Хорезма в Южную Туркмению, — резкая противоположность средневековой, как мы увидим ниже. Любая караванная тропа, любой водный путь с местами причала судов, а тем более совершенно необходимыми на порожистом Узбое местами перегрузок или волоков, — неизбежно должен быть засвидетельствован находками разбитой античной посуды. Полное отсутствие этого материала свидетельствует о бесспорном отсутствии караванного пути по Узбою и вместе с отсутствием следов оседлых поселений служит прочным доказательством того, что античное время было временем усыхания Узбоя, из живой первобытной реки ставшего мертвым руслом античного времени. Античные письменные источники — произведения греко-римских авторов V в. до н. э. — IV в. н. э. дают о зоне Узбоя путаные сведения. Но только в самых ранних из них содержатся смутные сведения о функционировании Узбоя, видимо, восходящие к местным народным преданиям, более ранним, чем середина первого тысячелетия до нашей эры. Более поздние источники — Помпоний Мела (I в. н. э.), Аммиан Марцелин (IV в. н. э.) говорят определенно об Аральском устье Аму-Дарьи.

Что же касается показаний Страбона и Плиния о водном пути из Каспия в Индию, то это, несомненно, восходящая к общему источнику времен Александра версия, связанная с поисками водного пути в Индию и опирающаяся на предания доирригационной эпохи.

Видимо, важной причиной полного прекращения течения воды по Узбою, подготовленного, повидимому, прорывом вод Аму-Дарьи в Арал, имевшим место на рубеже II—I тысячелетий до н. э.¹, явилось создание грандиозной ирригационной сети античного Хорезма. Каналы античного времени, построенные руками огромных масс рабов, имели размеры, намного превосходящие средневековые каналы, и весьма примитивный характер, определявший чрезвычайно высокий, непроизводительный расход воды на сброс, фильтрацию и испарение. Результатом этого были полное прекращение стока излишков вод в Сарыкамышское озеро, окончательное усыхание его и, соответственно, прекращение питания Узбоя.

Смутные указания на это можно найти уже у Геродота (V в. до н. э.) в сказании о реке Акес — название Аму-Дарьи, в позднейших греческих источниках звучащее, как Окс².

¹ С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 349.

² С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 43.

В средневековый период картина меняется. Становится значительно более многочисленным кочевое население, и вместе с тем, несомненно, вдоль русла пролегают караванные тропы, связывающие Хорезм с Южной Туркменией и Ираном. Все современные караванные тропы, большие и малые, восходят к средневековой эпохе. Вдоль самых значительных троп по верхнему и среднему Узбою в X—XII вв. н. э. были построены большие укрепленные

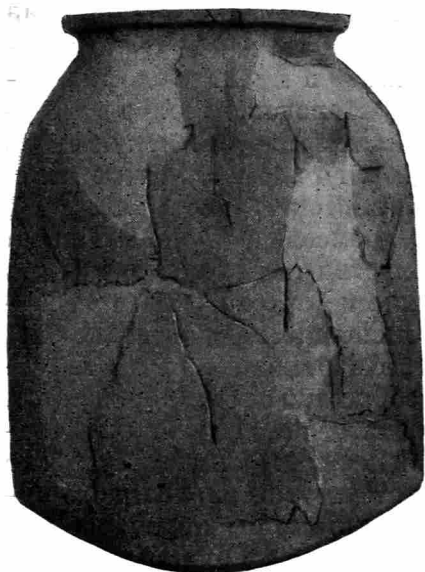

Рис. 7а. Античный архаический (VI—V в. до н. э.) сосуд (хум) из Орта-кую. Высота 43 см

Рис. 7б. Сосуд типичный для кочевников античного периода. Высота 23 см

караван-сарай. Цепь их представлена на северо-восточных подступах к Узбою каменной круглой крепостью — караван-сараем Дэв-кала (видимо, Рабат-и-Сархенг — «Рабат военачальника» маршрута автора XIV в. Хамдаллаха Казвини); затем — впервые нами открытыми в 1951 г. развалинами огромного (около 100 метров в диаметре), также круглого] караван-сарая из жженого кирпича близ колодцев Орта-кую (рис. 8; Караван-гах — «Место караванов» Хамдаллаха Казвини); далее, в урочище Талайхан-ата (Рабат Тамгач — «Китайский Рабат» Хамдаллаха Казвини), к югу от колодца Бала-Ишем и караван-сарая XI—XIII в. на Ак-йялинской излучине (в XIV в. уже не существовал).

Все эти караван-сарай имеют однотипную круглую планировку. Все они были построены в домонгольский период — в X—XII вв., и только часть из них, расположенная на Верхнем Узбое, к северу от Куртышского водопада, функционировала и в послемонгольское время. Характерно, что караванный путь домонгольского времени проходит вдоль всего Узбоя, в то время как послемонгольская дорога идет через Орта-кую до Куртыша, а затем прямо на юг, по направлению к Кызыл-Арвату. Этот факт, подтверждаемый и средневековыми литературными источниками (его отмечает и академик В. В. Бартольд в своей работе 1902 г.¹), находится в реши-

¹ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и Аму-Дарье. Ташкент, 1902, стр. 54.

тельном противоречии с теорией академика В. В. Бартольда¹, базирующейся на четырех смутных показаниях средневековых литературных источников — Хамдаллаха Казвини (XIV в.), Захираддина-ал-Мараши, Хафиз-Абру (XV в.) и Абуль-гази (XVII в.), согласно которой Аму-Дарья после нашествия монголов якобы повернула по Узбою в Каспийское море, в которое и текла будто бы до второй половины XVI в.

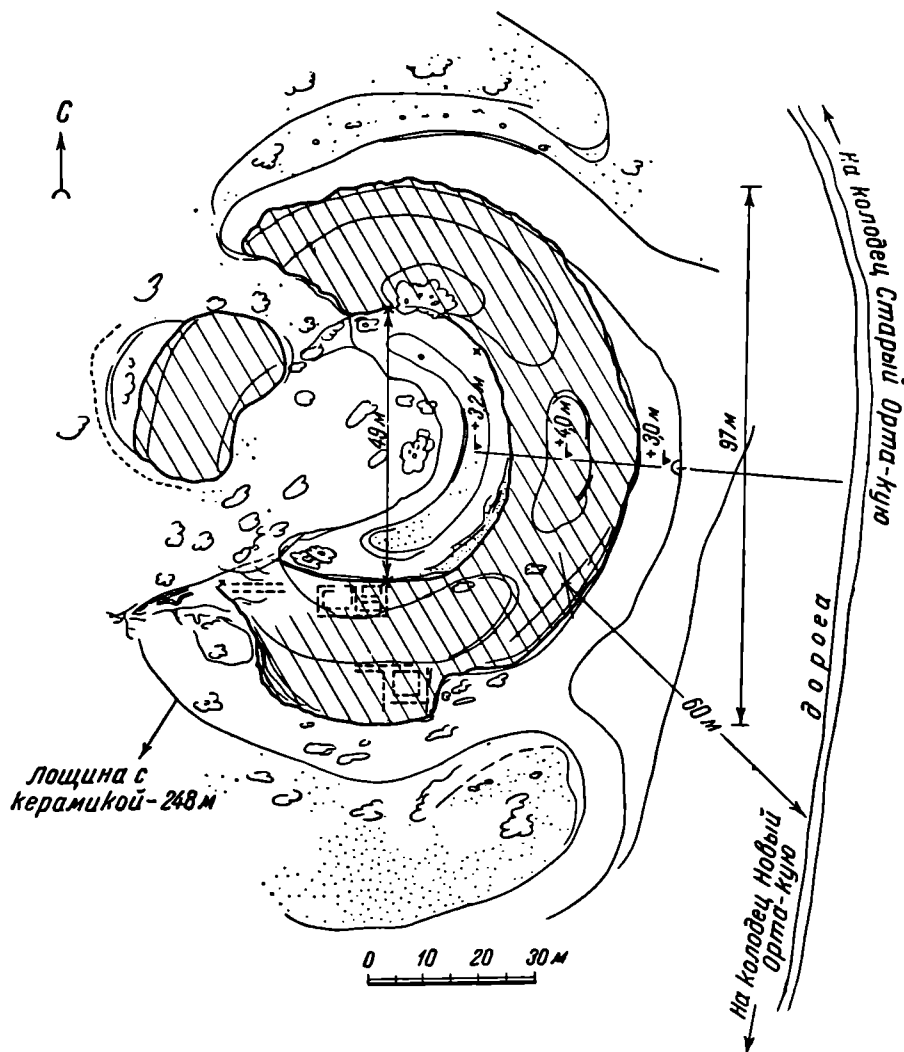

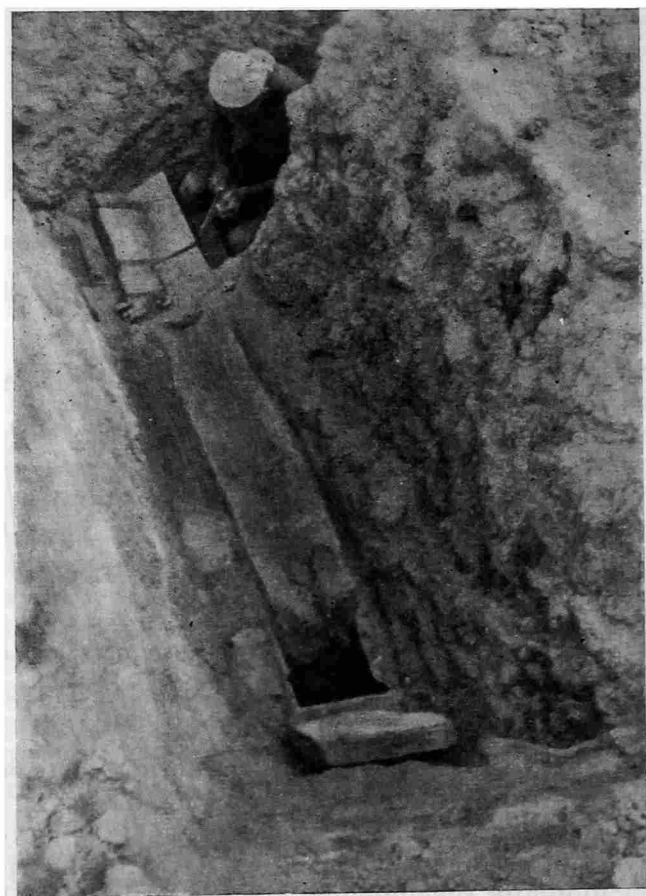
Рис. 8. План Орта-кую. (Штриховкой показаны остатки постройки, пунктиром — выходы стен на поверхность. Высоты указаны от уровня дороги.)

В остальных литературных источниках, — в частности, в сочинениях жителя юго-западной Туркмении Джурджани, и бакинца Бакуви (XV в.), и, особенно, хорошо осведомленного географа XIV в. Омари, — настойчиво подчеркивается, что Аму-Дарья впадает попрежнему в Арал, а Омари прямо полемизирует со сторонниками «каспийской теории», говоря: «Джейхун (Аму-Дарья) поворачивает в соленое озеро..., в которое впадает и река Шашская (Сыр-Дарья). Кто же полагает, что Джейхун впа-

¹ Там же, стр. 47 и след. См. также ЗВО, т. XIV, вып. 1, 1908, стр. 4 и след. (статья В. В. Бартольда «К вопросу о впадении Аму-Дарья в Каспийское море»).

1

2

Рис. 9. Ак-Яйла.

1 — начало расчистки здания караван-сарая; 2 — жолоб, подводящий воду с тапиров в водоем

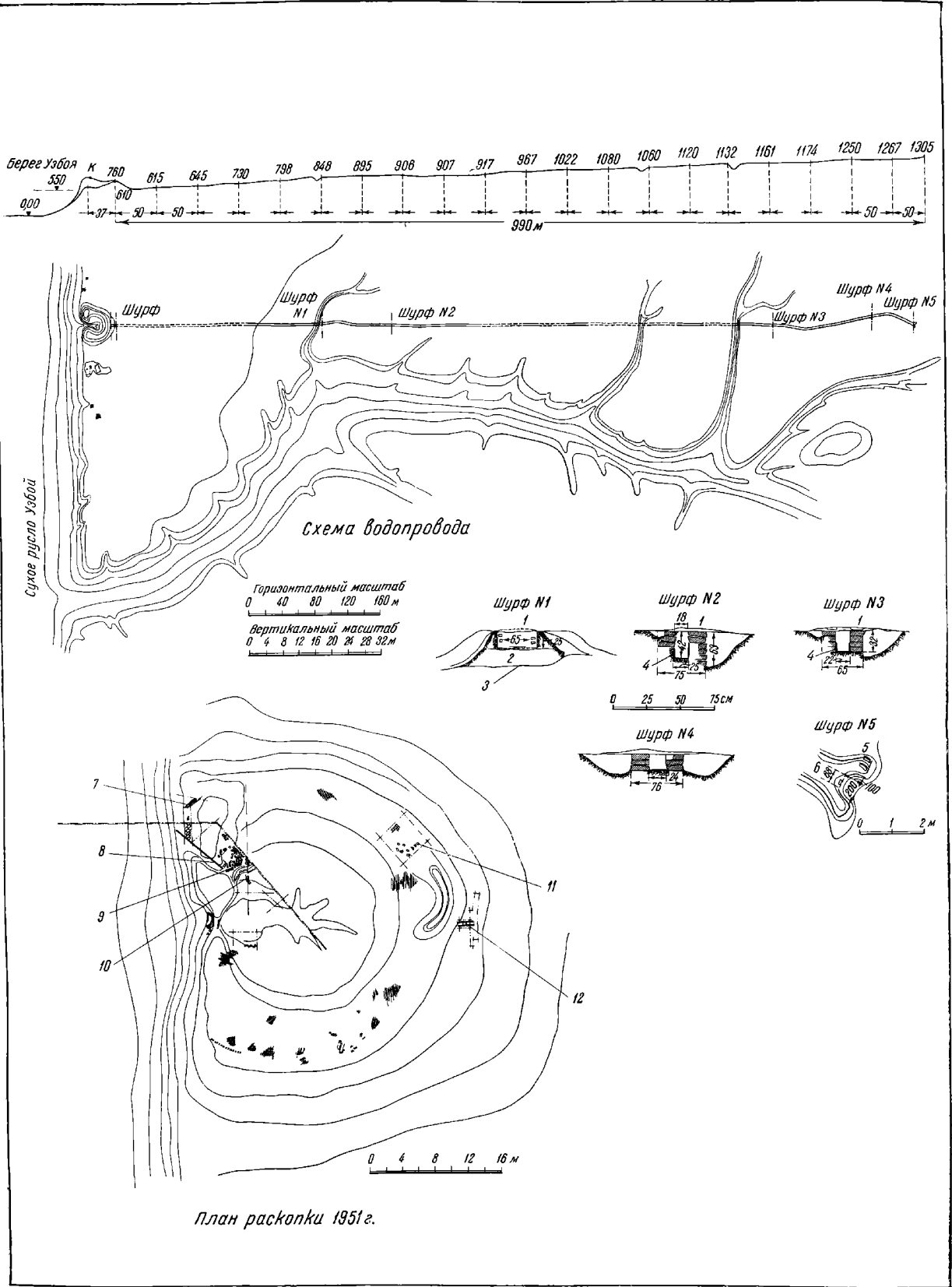

Рис. 10. План Ак-яйлы

да ет в море Кользумское (Каспийское), тот ошибается: ему показалось это только так, вследствие величины этого озера»¹.

Возрождение раннеантичного предания о впадении Аму-Дарьи в Каспий объясняется двумя фактами: 1) действительным прорывом в середине XIII в. части вод Аму-Дарьи по старым руслам в Сарыкамышское озеро в результате разрушения монголами оросительных сооружений Хорезма и прекращения на некоторый срок ремонта береговых плотин нижней Аму-Дарьи в связи с тем же событием и 2) падающей, видимо, на XIV в. трансгрессией Каспия, приведшей к затоплению Нижнего Узбоя каспийскими водами.

Конечно, не исключено, что в период затопления Сарыкамышского озера эпизодически мог иметь место в годы максимальных паводков на Аму-Дарье сброс части паводковых вод в Узбой — этот вопрос не может быть, конечно, разрешен одними археологами. Этот могло быть дополнительным стимулом к укреплению Узбойской легенды. Однако бесспорным является факт, что в жизни приузбойского населения между X—XII и XIII—XV вв. не произошло никакого изменения, даже больше того — следы домонгольского периода обильнее, гуще и шире распространены по Узбою, чем следы послемонгольского, что решительно противоречит гипотезе Бартольда. Никаких следов оседлых поселений и базирующегося на Узбое ирригационного земледелия, о котором рассказывает Абуль-гази, ни при авиаразведках 1947 г., ни при наземных маршрутах 1950 и 1951 гг. нам обнаружить не удалось — его, бесспорно, не существовало. Зато в районе Бала-Ишема и Куртыша удалось обнаружить следы примитивного земледелия в самом русле реки и на такырах нижней береговой террасы, основанного на использовании дождевых вод, задерживаемых на такырах специальными валами и отводимых по небольшим арыкам на поля. Судя по находкам, такое земледелие существовало еще в XIII—XIV вв., а по данным, собранным среди туркмен А. С. Кесъ² и В. Н. Куниным³, аналогичные поля существовали в этом районе еще в начале XX в. На Нижнем же Узбое, в районе колодца Джамал, такие поля, используемые животноводческими колхозными бригадами под бахчевые культуры, существуют и в русле, и в пойме по сей день — мы наблюдали их в 1951 г.

Существование этого типа примитивного орошения в XIII—XIV вв. с несомненностью опровергает гипотезу о течении в это время пресных вод по Узбою. Характерно, что и стоящий на берегу Узбоя и функционировавший в послемонгольское время караван-сарай Талайхан-ата снабжался дождевой водой с такыров, как и домонгольский караван-сарай Ак-ййла (рис. 9 и 10), при помощи водосборных, обложенных кирпичом канав, подводивших воду к цистерне, расположенной внутри караван-сарая.

Это подтверждается также условиями нахождения обильной, весьма оригинальной керамики XV—XVI вв., названной нами по первому месту находки «актамской» (рис. 11 и 12), видимо, оставленной туркменскими племенами. По Абульгази, в XVI—XVII вв. на Узбое жили племена адаклы-хызыр (сверху — до Карры-кичита, к востоку от урочища Джамал), али-эли (от Карры-кичита до западного края Больших Балханов), тиверджи (ниже, до впадения Узбоя в море). Свообразная, очень

¹ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб., 1884 стр. 237.

² А. С. Кесъ. Русло Узбой. М.—Л., 1939, стр. 45—46.

³ В. Н. Кунин. Чаракумские записки. М., 1950, стр. 143.

архаического облика, в значительной степени сделанная на круге, эта туркменская керамика во многом сохраняет традиции поздней античности (форма кувшинов; см. рис. 12) и раннего — «саманидского» — средневековья (поливные чаши). Эта же керамика была найдена нами на развалинах каменной крепости Дюйнек в районе высшей точки Больших Балханов, в месте подъема на Балханское плато единственной тропы с севера. Судя по данным того же Абульгази, эта крепость, как, вероятно, и другие крепости Больших Балханов, принадлежала или тиверджи, или эрсари. Нигде в местах распространения этой керамики нами не было сделано никаких находок ирригационных сооружений, базирующихся на русле Узбою. Это, как мы не раз отмечали, отнюдь не исключает возможности кратковременных прорывов сарыкамышских вод по Узбою, что могло содействовать возрождению легенды о недавнем течении реки. Рассказ Абульгази верен, но он относится не к Узбою, а лишь к зоне Дарьялыка и Сарыкамыша.

Таким образом, Узбой был мертвым руслом на протяжении почти трех тысячелетий; только различные кочевые племена — предки нынешних туркмен, а затем сами туркмены, базируясь на немногочисленных пресных озерах и колодцах, да в средние века караваны купцов и военные отряды частично использовали это мертвое русло, возникшее в доирригационный период как сброс излишка аму-дарьинских вод.

Мечта народа о воскрешении исчезнувшей доисторической реки, в русле которой как будто вчера только прекратила свое течение пресная аму-дарьинская вода, сменявшаяся стоящими еще и сейчас на протяжении значительной части русла солеными озерами, тянущимися на десятки километров и внешне как две капли воды похожими на настоящую реку, — эта мечта сопровождает историю Узбою на протяжении по крайней мере двух с половиной тысячелетий. Эта мечта живет в рассказе Геродота о жителях запустевшего Узбою, умолявших персидского царя открыть дорогу водам, якобы прегражденным шлюзами в проходах через горы; в рассказах Страбона и Плиния, отразивших мечту жителей Прикаспия о создании водного пути в Индию по Узбою и Аму-Дарье, почти на два тысячелетия опередившую смелую идею Петра I, стоившую головы Бековичу-Черкасскому; в рассказах, многократно вновь и вновь всплывавших на страницах средневековых литературных источников, упорно говорящих о недавнем течении воды по Узбою. Осуществление этой мечты было незаслуженно приписано величайшему разрушителю раннесредневековой цивилизации — Чингис-хану. Известие о связанном с разрушением монгольскими полчищами ирригационных сооружений Хорезма прорыве части вод Аму-Дарьи в Сарыкамыш было истолковано некоторыми восточными мудрецами, вроде иранца Хамдаллаха Казвини и придворного историографа тимурида Шахруха, гератца Хафиза Абу, как поворот реки в «Каспийское море».

Эта легенда вошла и в научную традицию, отразившись в гипотезе В. В. Бартольда.

Внимательно читая труды этого выдающегося русского ученого, видишь, насколько он оказывается во власти предвзятой концепции, связанной с общей переоценкой им исторической роли Чингис-хана. В. В. Бартольд прекрасно известно, что представление о течении воды по Узбою жило рядом с показаниями об отсутствии такого течения и на протяжении всей античности, и в раннем, домонгольском средневековье. Но здесь он строго держится на почве фактов. Он видит, что версия о живом Узбое восходит к древней традиции, что она противоречит показаниям наиболее осведомленных исследователей — таких, как Му-

Рис. 11. Актамская керамика (неполивная с лощением, поливная с гравировкой)

каддаси, Якут и, особенно, великий Бируни. Но при анализе событий XIII—XVI вв. он забывает, что и здесь картина та же, что и здесь борются между собой две противоположные традиции, и здесь наиболее осведомленные авторы,— в первую очередь О м а р и, — категорически отвергают легенду о существовании в их время каспийского устья Аму-

Рис. 12. Актамский сосуд.

Дарьи. Ни Чингис-хан, ни любой другой завоеватель древности и средневековья не могли повернуть воду Аму-Дарьи в Узбой. И никакие хивинские правители не были бы, конечно, в состоянии повернуть эти воды обратно в Аральское море.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА IV—III ВВ. ДО Н. Э.— КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛА

Земли древнего орошения Турткульского и Шаббазского районов Кара-Калпакской АССР, в силу исключительного обилия, разнообразия и богатства памятников, являются с первых лет работ нашей экспедиции их центром. В 1950 г. был закончен первый цикл послевоенных раскопок дворца хорезмшахов III в. н. э. в мертвом городе Топрак-кала. Мы предполагаем вернуться к раскопкам этого первоклассного памятника после завершения обработки добытых здесь материалов и подготовки их к публикации.

Центральным объектом раскопок на ближайшие два-три года мы избрали античное городище, относящееся к раннекангюйской эпохе,— к IV—III вв. до н. э.,— Кой-Крылган-кала¹.

Работы на Кой-Крылган-кала, впервые открытой в 1938 г., были возобновлены в 1950 г. и продолжены в 1951 г.

¹ См. С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 99—100.

В 1950 г., во время раскопок на Топрак-кала, нами был высажен в Кой-Крылган-кала археологический авиадесант, который вел здесь рекогносцировочные раскопки в течение двух дней. Раскопки были продолжены в 1951 г., когда сюда был переброшен почти в полном составе отряд, работавший до того на Узбое. Работы этих лет показали, что Кой-Крылган-кала представляет собой памятник гораздо более сложной структуры, чем можно было предполагать раньше. Пространство между центральной башней и внешней стеной оказалось заполненным несколькими рядами помещений, в одном из которых, раскопанном в 1950—1951 гг., были обнаружены большие

Рис. 13. Фрагмент хума с надписью.

пифосы-хумы с росписью на поверхности спиральным орнаментом красного цвета. На одном из хумов была открыта надпись знаками арамейского типа (рис. 13). Надпись читается довольно ясно '(Y?) SPBR(D?)K, причем начертание «B», палеографически весьма архаическое, более архаично, чем шрифт документов из Нисы I в. до н. э.; это подтверждает датировку нашей надписи IV или III вв. до н. э., т. е. позволяет рассматривать ее как древнейшую пока известную надпись на территории Средней Азии. *Aspabarak* или *aspabadak* — несомненно личное имя с иранской именной основой *aspa* — конь и глагольной *bar* „ехать“ или *bad* „сидеть“ и аффиксом *k*, т. е. „едущий на коне“ или „сидящий на коне“ — „наездник“, „всадник“.

Во внешней галлерее центральной башни (рис. 14), открывающейся наружу бойницами, еще в 1950 г. были также открыты хумы, запечатанные глиняными пломбами с разнообразными печатями, из которых самой интересной является печать с изображением античного корабля¹. Весьма интересен установленный раскопками факт наличия нижнего этажа помещений центральной башни, над которым расположен сильно разрушенный верхний этаж. В нижний этаж ведет узкое окно, расположенное на

¹ См. СА, XVIII, 1953, стр. 322.

внешней стороне башни ниже бойниц. Этот целиком сохранившийся этаж здания, оставшийся пока не раскопанным, сулит ценные открытия по истории раннеантичного Хорезма, относящегося к периоду, на 400—500 лет более древнему, чем Топрак-кала¹. Однако уже и сейчас эти находки исключительно интересны. Среди них должны быть упомянуты многочисленные фрагменты оссуариев и один, найденный в 1950 г., целый оссуарий, представляющий собой квадратный ящик из обожженной глины, увенчанный женской фигурой в половину натуральной величины. Мно-

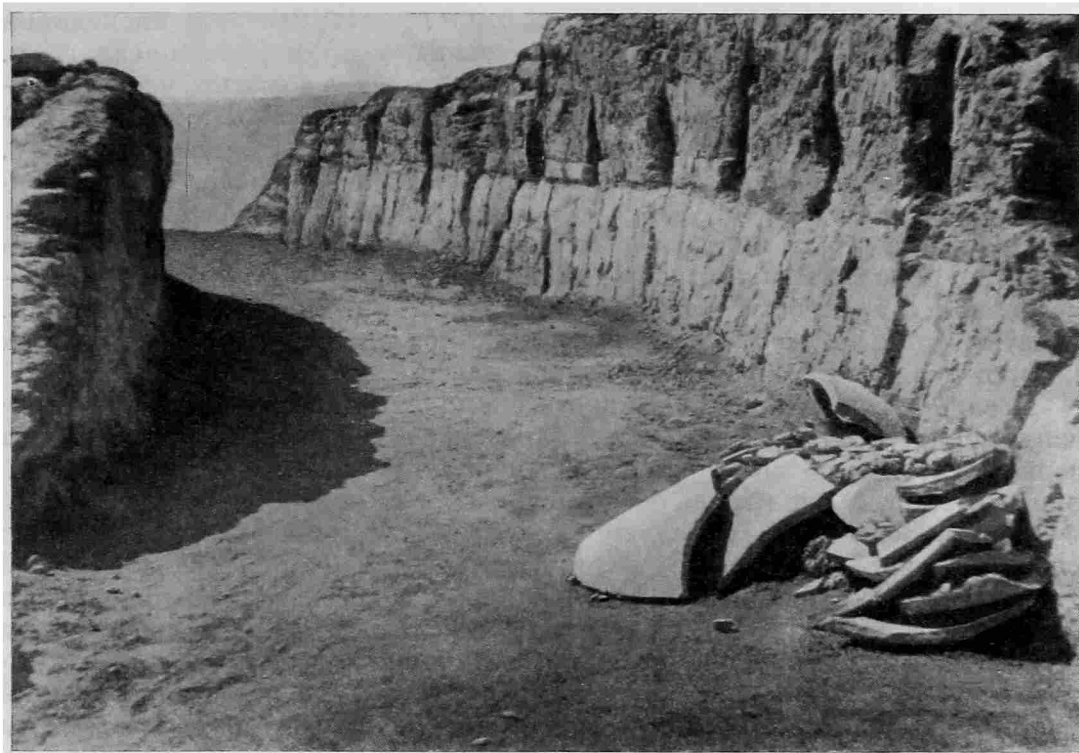

Рис. 14. Обходный коридор на центральной площадке Кой-Крылган-кала

гочисленные фрагменты аналогичных оссуариев были найдены в Кой-Крылган-кала в 1951 г. Фрагменты оссуариев этого типа найдены на городище Мангыр и, повидимому, в Джанбас-кала².

На такырах близ Кой-Крылган-кала и Ангка-кала собран разнообразный подъемный материал, разносторонне освещающий, в частности, раннеантичное искусство Хорезма; упомянем сосуды со сливом, украшенным скульптурной головой быка, статуэтку музыканта с домброй в руке, статуэтку, расположенную на фоне колонны с капителью, напоминающей ионическую, и многие другие. Многие из этих находок обнаружены на хорошо сохранившихся раннеантичных усадьбах, разбросанных к востоку от Кой-Крылган-кала.

Наряду с этими памятниками, датируемыми IV—III вв. до н. э., этот район изобилует остатками культуры более раннего периода, в частности, здесь нами собран большой новый материал по культуре амирабадской³.

¹ Раскопки нижнего этажа Кой-Крылган-кала успешно развернулись в 1952 г. Предварительное сообщение см. ВДИ, 1953, № 1.

² См. С. П. Толстов. Ук. соч., табл. 76, рис. 8.

³ Там же, стр. 68—70.

Раскопки этого раннеантичного памятника, богатого находками предметов искусства, погребального зороастрийского культа и, повидимому, памятниками древнейшей хорезмийской письменности, предполагается продолжить в ближайшие годы.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ РУБЕЖА И ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В УРОЧИЩЕ ДЖЕТЫ-АСАР

Раскопки комплекса памятников античной эпохи Джеты-асара, начатые в 1948—1949 гг.¹, были возобновлены в 1951 г.: 2 отряда экспедиции работали над исследованием городищ Алтын-асар и Джеты-асар № 9.

Работы 1951 г. в Алтын-асаре были в основном сосредоточены в юго-западной части большого общинного дома, где было вскрыто в общей сложности 1400 кв. метров. Раскопаны 19 помещений на различную глубину, причем установлено наличие примерно шестнадцати слоев, общей мощностью свыше 10 метров.

Как мы отмечали в нашем отчете о раскопках 1949 г.², специфический характер ремонта и перестройки помещений городища привел к исключительной сохранности комнат всех слоев этого замечательного здания. Остатки комнат засыпались рыхлым строительным мусором, поверх которого на высоте 0,5 метра и больше настилались новые полы.

Десять слоев, в общей сложности около 7 метров, относятся к «горизонту зернотерок». Деление культурных слоев Джеты-асара на «горизонт зернотерок» и «горизонт жерновов» было нами установлено в 1948 г.³ Нижние три слоя, — пока мало исследованные, так как они открыты только в одном помещении, — характеризуются наличием расписной керамики; слои, расположенные выше, датируются временем около начала нашей эры, охватывая также первые ее века. Верхние шесть слоев, относящиеся к «горизонту жерновов», характеризуются появлением нового типа планировки — место пристенных каминов занимает центральный открытый очаг, со всех сторон окруженный суфой в виде каре, лишь в одном месте прорезанный входом в комнату (рис. 15, 1). Чрезвычайно интересны открытые впервые в 1949 г., но представленные обильными и весьма яркими находками, глиняные конструкции основы для жерновов (рис. 15, 2, 3). В верхних слоях этого горизонта, при сохранении того же типа планировки, появляются своеобразные «длинные очаги».

Особенно интересный материал дали раскопки в Джеты-асаре № 9, где ярко выступает спиральная планировка⁴. При раскопках был вскрыт ряд комнат, соответствующих «горизонту жерновов» Алтын-асара, с суфой в виде каре и центральным очагом, в которых найдены остатки плоских перекрытий из глины и жердей. Кроме этих комнат, во внешней стороне спирали были обнаружены сводчатые комнаты, перекрытые узкими коробовыми сводами. Находки, как и на Алтын-асаре, были исключительно обильны (рис. 16). Как наиболее интересные должны быть отмечены:

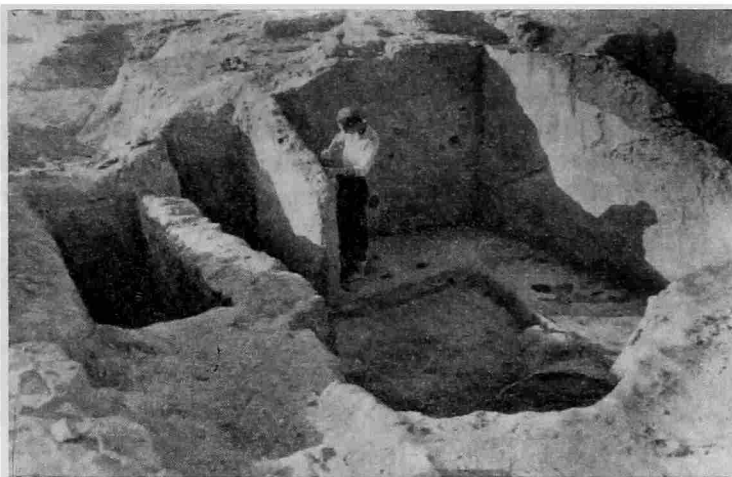
¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 125—140; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1949 г. ИАН, серия истории и философии, 1950, № 6, стр. 521—529.

² С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1949 г. ИАН, серия истории и философии, 1950, № 6.

³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1948 г. ИАН, серия истории и философии, 1949, № 3, стр. 247.

⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1949 г. ИАН, серия истории и философии, 1950, № 6.

1

2

3

Рис. 15. Раскопки на Алтын-асаре

1 — одна из комнат Большого дома, слева — зерновая яма после расчистки; 2 — одна из комнат Большого дома с хозяйственными приспособлениями; 3 — приспособления для мукомольных жерновов

прекрасный черный орнаментированный сосуд с плоским боком, напоминающий сосуды из гуннского могильника начала нашей эры в Кенколе¹, а также в кушанских слоях Каунчи-тепе², Аяз-кала (дом № 1)³ и Беграме (в Афганистане)⁴; плоская бронзовая подвеска с изображением слона; железный кинжал, медная монета хорошей сохранности, типа, известного среди случайных находок в Средней Азии, но неопределенного происхож-

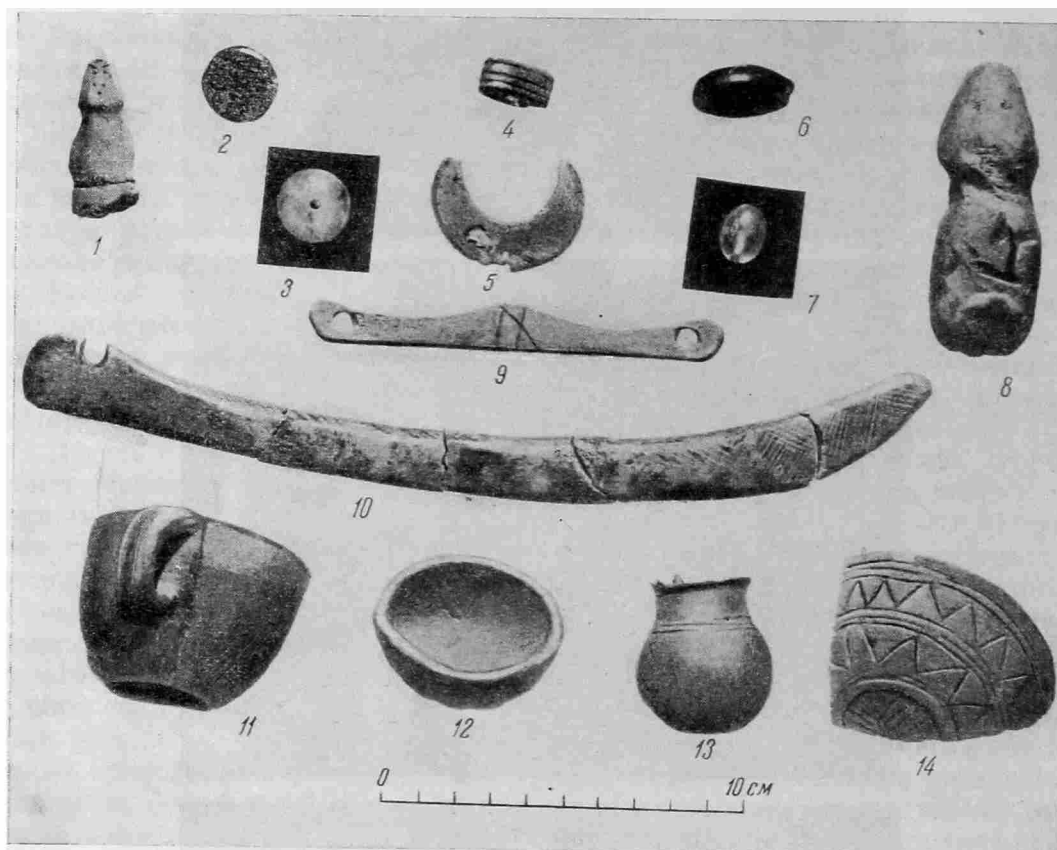

Рис. 16. Находки на Алтын-асаре и Джеты-асаре № 9

1 — идольчик из необожженной глины с Алтын-асара; 2, 3 — бусы с Джеты-асара № 9; 4 — кольцо с Алтын-асара; 5 — лунница с Джеты-асара № 9; 6, 7 — бусы с Алтын-асара; 8 — глиняный идол с Алтын-асара; 9 — костяной псалий с Алтын-асара; 10 — костяная обкладка лука с Алтын-асара; 11, 14 — миниатюрные сосудики с Джеты-асара № 9; 12, 13 — миниатюрные сосудики с Алтын-асара

дения, датируемая, вероятнее всего, III—IV вв. Это одна из групп так называемых «туранских монет», которую Друэн, а затем Аллот де ля Фюи считали хорезмийскими. После того, как нами было доказано полное отсутствие этих монет среди сотен домусульманских монет Хорезма⁵, эти монеты подвергались исследованию М. М. Явич⁶ и были отнесены этим

¹ МИА, № 14, табл. XIV, рис. 100.

² Г. В. Григорьев. Краткий отчет Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 23, рис. 20.

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 109, рис. 49.

⁴ R. Ghirshman. Bégram. Caire, 1946, табл. XV, рис. 3.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 175—176.

⁶ М. М. Явич. Замечания о не исследованном среднеазиатском алфавите. ТОВЭ, IV. Л. 1947, стр. 205—222.

автором к раннебухарской чеканке, предшествовавшей появлению так называемых монет Бухар-Худатов.

Раскопки курганов, расположенных вблизи Алтын-асара, проводившиеся под руководством Ю. А. Рапопорта, позволяют сейчас классифицировать эти сооружения на 4 типа: 1) курган с прямоугольной камерой из сырцового кирпича; 2) курган с круглой камерой из сырцового кирпича; 3) ямное погребение с пахсовой пробкой; 4) ямное погребение с покрытием из камыша.

В кургане последнего типа, раскопанном в 1951 г. и датируемом II—IV в.в. н. э., были найдены фрагменты лука с костяной обкладкой в кожаном налучье и железный нож. В другом погребении был обнаружен обоюдоострый клинок меча (рис. 17, 1), длиной 39 сантиметров, и сосуд с плоским боком (рис. 17, 2) отмеченного выше типа, сделанный на гончарном круге.

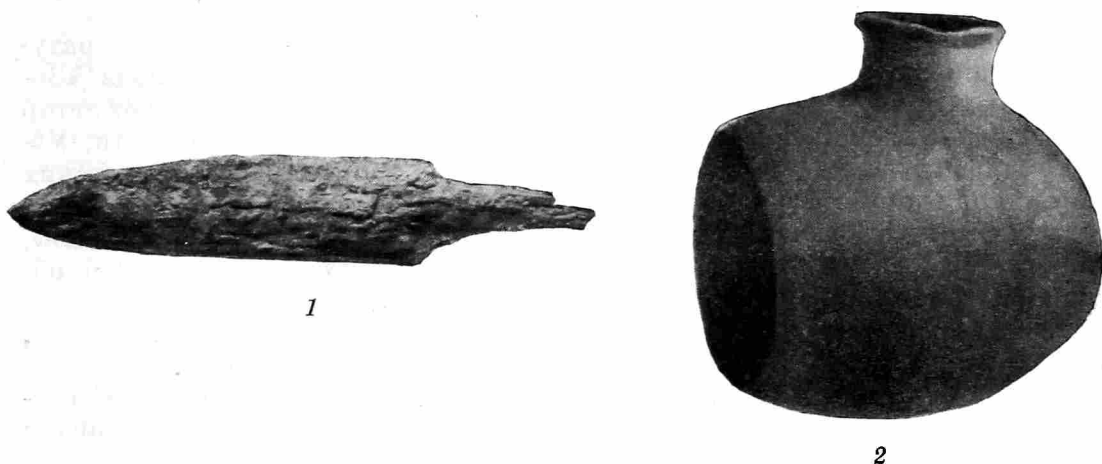

Рис. 17. Находки из кургана в районе Джеты-асара
1 — меч железный, длина 39 см; 2 — выючная фляга, выс. 28 см

Итоги работ 1948—1951 гг. позволяют уточнить позднюю хронологическую грань наших памятников. Судя по находкам отдельных фрагментов раннеафригидской керамики в слое с «длинными очагами» Алтын-асара, этот слой может быть датирован V—VI вв. н. э. Самые нижние пока исследованные слои — «горизонта зернотерок» уходят в первые века до нашей эры. Исследованный материал Джеты-асара № 9 позволяет датировать этот памятник III—IV вв. н. э.

Культура на протяжении всей тысячелетней ее истории отличается большой устойчивостью. Видимо, тохарские племена, заложившие основу джеты-асарской культуры, как и племена аугасиев нижней Сыр-Дарьи¹, подвергались в III—IV вв. влиянию гуннской культуры (и языка) и явились одним из составных элементов белых гуннов (эфталитов).

В пользу этого говорит пока очень немногочисленный краниологический материал по курганам Алтын-асара, исследованный Т. А. Трофимовой. В то время как два мужских черепа принадлежат к европеоидному мезокранному и длинно- и узколицему типу, связанному с восточно-средиземноморским, — женский череп, видимо, относящийся к первым векам на-

¹ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 57 п след.; е го ж е. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, 1950, № 4, стр. 50 (карта против указанной страны).

шей эры, несет на себе отпечаток метисации вышеописанного типа с типом монголоидным, долихокранным, североазиатского облика, характерного для гуннов. Аналогичный метисированный тип выступает, как известно, в Кенкольском могильнике¹.

* * *

Археологические работы, развертывающиеся параллельно исследованиям разнообразных естественноведческих экспедиций, работающих сейчас в зоне Приаралья и древних русел Окса и Яксарта, позволят обогатить наши знания по истории этого района, проблемы которого приковывали к себе внимание ряда поколений исследователей.

Нерешенность этих проблем не только тормозила развитие наших знаний об этом районе, но и открывала широкий простор для безответственных спекуляций, столь характерных для буржуазной науки, особенно последнего времени.

Любопытно, что в последнем двутомном произведении известного натурализованного в Америке немецкого археолога Эрнста Герцфельда «Зороастр и его мир», вышедшем в Принстоне в 1947 г.², в котором этот автор превосходит свойственную ему и раньше степень безответственности, Узбою отводится немалое место. Полностью игнорируя работы советских историков и археологов, без всякой попытки доказательств, автор утверждает, что на Узбое находилась Арьянем Вэджо — «прародина арийцев», якобы отсюда, по мере усыхания Узбоя, расхившихся по всей обширной территории расселения иранских племен.

Уже сейчас в свете наших материалов становится ясно, что эта, с позволения сказать, концепция не имеет ни тени основания.

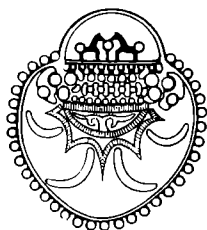
Работы ближайших лет, вне всякого сомнения, не оставят никакой возможности для возникновения этой и подобных ей «теорий», лопающихся в буржуазной литературе, как мыльные пузыри.

¹ В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. Антропологический материал из Кенкольского могильника. Сборник МАЭ, X, 1949, стр. 264.

² E. Herzfeld. Zoroaster and his world. Princeton, 1947, II, стр. 688—703, особенно стр. 692 и след.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1958

ПУБЛИКАЦИИ

С. П. ТОЛСТОВ

ХОРЕЗМСКАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1955 — 1956 гг.¹

Если центральной научной проблемой Хорезмской экспедиции за первые полтора десятилетия ее работ (1937—1950) была остро дискуссионная тогда проблема общественного строя древней Средней Азии, то после того как эта проблема была в основных своих чертах разрешена, в центре внимания экспедиции стала проблема истории древних русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и базирующихся на этих руслах первобытных, древних и средневековых ирригационных систем. Сейчас разработка этой центральной проблемы наших работ пятой и начала шестой пятилетки также близится к концу. Нами сдана в печать коллективная монография «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (история формирования и заселения)», подготовленная коллективом экспедиции, в состав которого на данном этапе входят не только археологи и этнографы, работники Института этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая, но и геоморфологи, сотрудники Института географии АН СССР.

На первое место выдвигается еще крайне слабо разработанная большая новая проблема истории окружающих Хорезмский оазис древних и средневековых степных племен, тесно связанных с Хорезмом и игравших крупную роль в его истории. Разработка этой проблемы уже сейчас позволяет по-новому осветить ряд оставшихся неясными вопросов истории самого Хорезма.

Длительные маршрутные исследования акча-дарьинской дельты, самой восточной и самой древней из северных дельт великой среднеазиатской реки, протекающей в пустыне к востоку от современной приаральской дельты, начатые в 1954 г. и продолженные в 1955—1956 гг., дали исключительно богатый материал (рис. 1). Кроме известных памятников кельтеминарской культуры неолита и энеолита и тазабагъябской культуры бронзового века, обнаруженных в предшествующие годы в южной части акча-дарьинской дельты и в 1955 г. в так называемом Акча-Дарьинском коридоре, соединяющем северную и южную части дельты, нами в 1955 и 1956 гг. в центральной части северной дельты открыты многочисленные поселения нового варианта культуры бронзового века, которая получила название камышлинской, по имени колодца, расположенного в месте разветвления протоков северной части дельты.

Эта культура (частью более ранняя, частью синхронная тазабагъябской культуре, датируемой временем не позднее середины II тысячелетия до н. э.) характеризуется окрашенными в красный цвет сосудами с лошадиной поверхностью со штампованным и нарезным елочным орнаментом (рис. 2) и обильными кремневыми и кварцевыми орудиями, формы которых восходят к первой половине и даже к началу II тысячелетия до н. э.

¹ Доклад, прочитанный на сессии Отделения исторических наук АН СССР 1957 г.

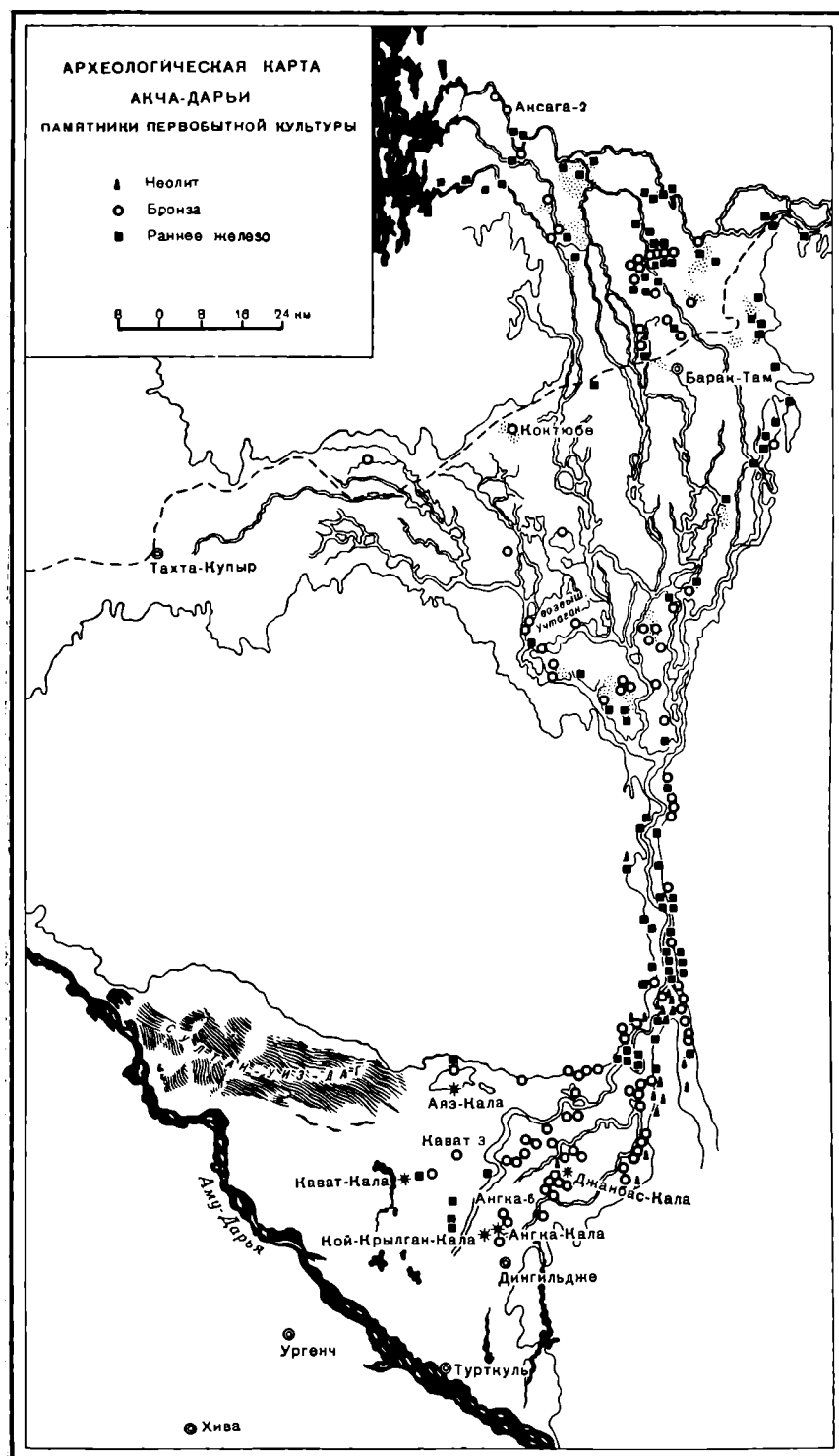

Рис. 1. Археологическая карта Акча-Дарьи

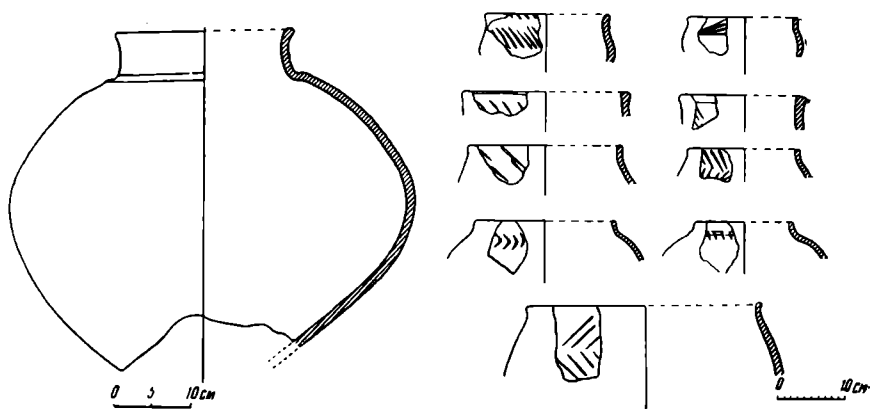

Рис. 2. Камышлинская культура. Керамика

Особенно интересна одна стоянка близ северного мыса возвышенности Уч-Таган, где было найдено в одном месте 10 прекрасно обработанных кварцитовых наконечников стрел, большой кривой нож и обломок крупного копья из того же материала (рис. 3 и 4). Эта культура очень близка к раннему этапу суярганской культуры (я думаю, что можно даже говорить об одной камышлинско-раннесуярганской культуре). И камышлинская и суярганская культуры, несомненно, имеют южные связи, ведущие в Иран и Закавказье, где близкие формы керамики характерны для времени от середины III до середины II тысячелетия до н. э. Однако в центральной части северной дельты эта культура продолжает сохраняться и тогда, когда на юге начинает доминировать тазабагьябская культура. К северу от этого района, уже близ Аральского моря, там, где встречались воды Акча-Дарьи и древнего южного русла Сыр-Дарьи (известного ныне под названием Жаны-Дарья), были также открыты единичные стоянки энеолита (времени позднекельтеминарской культуры) и многочисленные поселения бронзового века; однако культура бронзового века здесь оказалась отличной от камышлинской. Она должна быть отнесена к тазабагьябской культуре, характерной для южной дельты Акча-Дарьи, где эта культура частью приходит на смену, частью сосуществует с раннесуярганской культурой. Таким образом, камышлинская культура, зани-

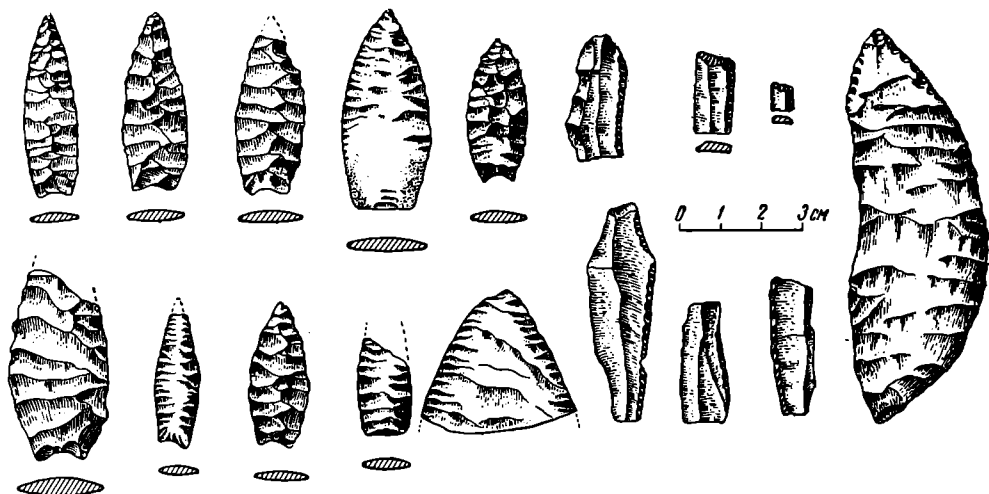

Рис. 3. Стоянка Уч-Таган. Изделия из кварцита

мая южную и центральную части дельты, разделяет на две части ареал тазабагъябской культуры на Акча-Дарье. Видимо, связь между южными и северными, приаральскими тазабагъябскими племенами осуществлялась в обход Султануиздагских гор с запада, вдоль широтных западных протоков северной акча-дарьинской дельты и по восточным берегам древнего Хорезмийского озера.

Ввиду того, что по руслу Жаны-Дарьи до сих пор не открыто памятников бронзового века, можно предполагать, что древние связи между тазабагъябскими и западноандроновскими племенами осуществлялись

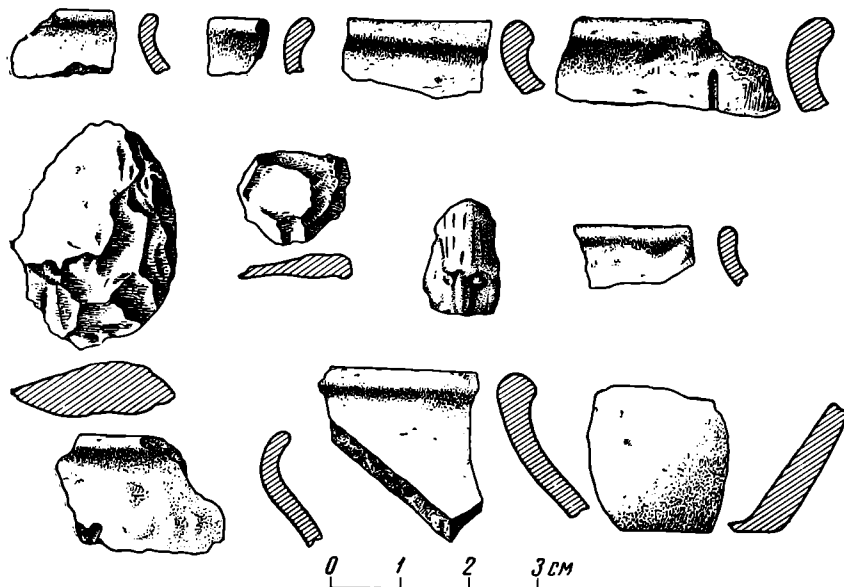

Рис. 4. Барактамская культура. Керамика

через восточное побережье Арала, где зарегистрирован ряд меридиональных русел, связывающих Сыр-Дарью с низовьями Жаны-Дарьи и Акча-Дарьи. Эти русла не подвергались еще археологическому исследованию; это одна из очередных задач наших работ.

Весь собранный материал свидетельствует об исключительно густой заселенности зоны Акча-Дарьи в неолите и особенно в бронзовом веке, а также о разноплеменности этого населения.

Совершенно новым открытием в 1955—1956 гг. была находка многочисленных стоянок полукочевых племен раннежелезного века (середины II тысячелетия до н. э.), расположенных на песчаных островах между протоками дельт Акча-Дарьи и Жаны-Дарьи, вплоть до Аральского взморья. Эти стоянки дали крайне оригинальный набор инвентаря; керамику с орнаментом, сохраняющим традиции бронзового века, очень грубые кварцитовые и шлифованные песчаниковые орудия, бронзовые раннескифские стрелы и остатки железодельного производства — шлаки и крицы. Перед нами впервые предстает примитивная культура приаральских племен раннеантичной эпохи, которые греческий географ Страбон называет «массагетами болот и островов» и которые, по-видимому, тождественны с упоминаемым другими античными источниками большим союзом племен апасиаков, что в переводе значит «водные саки (скифы)». Эта своеобразная культура, впервые обнаруженная нами в 1955 г. на побережье древних озер (ныне солончаков) Кокча-Тенгиз и Акча-Тенгиз, расположенных на левобережье Нижней Жаны-Дарьи, названа нами кокчатенгизской культурой.

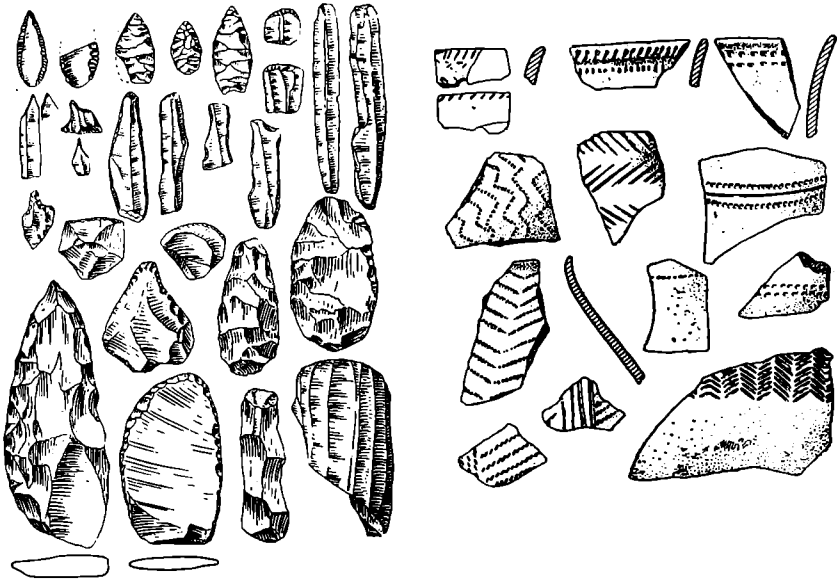

Рис. 5. Стоянка Беш-Булак (кремнь и керамика)

Исследования 1956 г. показали, что позднее, на рубеже нашей эры и в первой половине I тысячелетия н. э., традиции кокча-тенгизской культуры продолжают жить в культуре «варварских» племен низовьев Акча-Дарьи, современной культуре античного Хорезма периода его расцвета. Как установлено экспедицией, варварские поселения этого района базировались на водах уже не Акча-Дарьи (в это время уже прекратившей свое существование), а на водах Жаны-Дарьи. Эти воды заполнили нижние отрезки акча-дарьинских русел, превратившихся, таким образом, в многочисленные озера. Частично поселения базировались также на водах восточных протоков современной приаральской дельты, заполнивших вышеупомянутые широтные западные протоки древней Акча-Дарьи.

Многочисленные поздние апасиакские поселения и питавшие их ирригационные системы сочетают варварскую, сохраняющую еще традиции бронзового века керамику и даже кварцитовые и песчаниковые орудия с классической хорезмийской кангюйской керамикой. Любопытна находка в одном из таких поселений варварского сосуда с львиноголовой раннекангюйской ручкой.

Одним из объектов наших раскопок был позднеантичный (IV—V вв. н. э.) памятник Барак-там, расположенный в низовьях Акча-Дарьи. Материальная культура этого памятника также продолжает в еще более позднюю эпоху кокча-тенгизские, апасиакские традиции. Но на этом памятнике мы остановимся ниже.

Подводя итоги, отметим, что комплексные археолого-географические работы экспедиции показали, что Акча-Дарья имеет сложную историю. Как установил геоморфолог экспедиции А. С. Кесь, к востоку от Акча-Дарьи протекает относящееся, видимо, к нижнечетвертичному времени мощное так называемое Чакалакское русло, которое, вероятно, было одним из протоков древней Сыр-Дарьи, протекавшей некогда через центральные Кзыл-Кумы. Позднее, примерно одновременно с прорывом в верхнечетвертичный период вод Аму-Дарьи на север к Аральскому морю, русло Сыр-Дарьи также передвинулось к северу. Параллельно древнему брошенному рекой руслу Сыр-Дарьи, частично используя его, и расположилась наиболее древняя из приаральских дельт Аму-Дарьи — ачкадарьинская. Еще позднее, в конце четвертичного периода, уже на грани исторического времени, основное русло Аму-Дарьи передвинулось

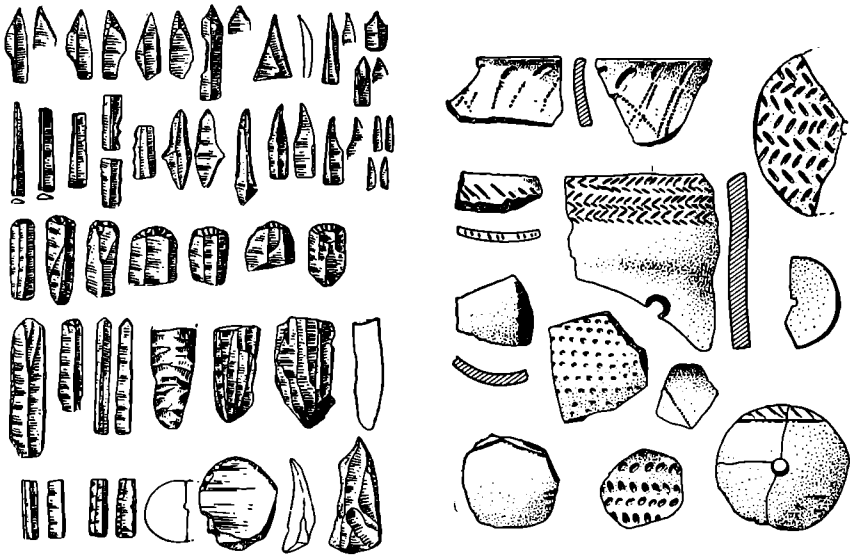

Рис. 6. Стоянка Лявлякан (кремень и керамика)

к западу, и река образовала обширную присарыкамышскую дельту со стоком вод Аму-Дарьи из Сарыкамыша в Каспий по Узбою. В связи с заносом русел присарыкамышской дельты аллювиальными отложениями и начавшимся новым поворотом реки к востоку, Акча-Дарья в эпоху неолита и особенно бронзового века была вновь частично обводнена.

В неолитическую эпоху были заполнены водой древние протоки южной, верхней, дельты Акча-Дарьи, на окраинах которой и на внутريدельтовых возвышенностях густо расположены стоянки кельтеминарской культуры.

Надо отметить зарегистрированное Южно-Кызылкумским маршрутом нашей экспедиции 1955 г. (А. С. Кесь, Н. Н. Вактурская) распространение памятников кельтеминарской культуры далеко на юго-восток: кельтеминарские стоянки были открыты у колодцев Беш-Булак, в районе одного из древних озер в староречье Прасыр-Дарьи, к северу от гор Тамды-Тау (рис. 5) и в древнем оз. Лявлякан, питавшемся древними северо-западными протоками р. Зеравшана (рис. 6).

Лишь в начале бронзового века (или в конце энеолита) происходит прорыв вод Акча-Дарьи по Акча-Дарьинскому коридору и обводнение северной, нижней, дельты. С этим связано дренирование южной дельты, которая густо заселяется суярганскими и тазабагьябскими племенами, создающими здесь в XIII—XII вв. до н. э. древнейшие памятники первобытной ирригации Хорезма. В северной, нижней, дельте, не обводненной и почти не заселенной в неолите, теперь создается водный режим, напоминающий то, что было на юге в эпоху неолита. Поэтому и расселение племен бронзового века здесь напоминает расселение неолитических племен юга. Поселения концентрируются преимущественно на внутريدельтовых грядах коренных песков. Лишь в конце бронзового века появляются отдельные поселения на такырах в северной части дельты, что связано, несомненно, с начавшимся новым затуханием дельты, вызванным происшедшим на рубеже II и I тысячелетий до н. э. прорывом основной массы аму-дарьинских вод по современному руслу².

² С. П. Толстов и А. С. Кесь. История первобытных поселений на протоках древней дельты Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Вопросы географии. Сборник статей для XVIII Международного географического конгресса. М., 1956.

Поэтому, когда в эпоху ранней античности, около VII—VI вв. до н. э., начали создаваться крупные ирригационные системы правого берега, они не могли уже базироваться на таком неверном источнике, как постоянно пересыхающие и вновь возобновляющиеся протоки затухающей Акча-Дарьи; головы античных каналов были перенесены на Аму-Дарью, к истокам крупных протоков акча-дарьинской дельты. Возможно, что именно создание ирригации правого берега явилось одной из причин окончательного затухания Акча-Дарьи.

* * *

В южной дельте Акча-Дарьи в 1955 г. продолжались под руководством М. А. Итиной и автора настоящей статьи успешно начатые в 1954 г. раскопки большого могильника бронзового века близ стоянки Кокча 3, расположенного к югу от горы Кокча, являющейся одним из восточных отрогов хребта Султан-Уиз-даг, к востоку от которого проходит основное русло Акча-Дарьи. Как уже отмечалось, могильник принадлежит к позднему этапу тазабагьябской культуры и датируется последней третью II тысячелетия до н. э., точнее — XII—XI вв. до н. э. За два года вскрыто 76 погребений, из них 15 парных, 29 одиночных погребений взрослых и подростков, 25 детских. Начаты раскопки расположенного рядом с могильником и, по-видимому, синхронного ему поселения.

Раскопки дали богатый археологический и антропологический материал, который вновь подтвердил важный вывод, сделанный в итоге первого сезона. Керамические изделия — многочисленные горшки (всего в нашей коллекции сейчас 60 сосудов), обнаруженные во всех погребениях, — по форме и орнаменту ближе всего напоминают керамику бронзового века степей Западного Казахстана (западноказахстанский вариант андроновской культуры), хотя и имеют некоторые черты, общие со срубной культурой Поволжья. Однако бронзовые украшения отличаются от казахстанских и указывают на тесные связи с Поволжьем и Кавказом. Могут быть выделены два антропологических типа, один из них близок к типу носителей андроновской и срубной культуры, а другой — к физическому типу населения неолита и бронзового века Южного Узбекистана, Таджикистана и Северного Ирана, связи которого ведут нас еще дальше на юг, в Индию, в область распространения дравидоидного типа экваториальной расы³.

Таким образом, раскопки на могильнике Кокча 3 в еще большей мере, чем результаты исследований в северной дельте Акча-Дарьи, показывают сложность этнического состава древнего населения Хорезма, его разнообразные связи с отдаленными странами. Хорезм и впоследствии являлся центром этнических и культурных связей между Средней Азией, Ираном, Индией, Восточной Европой и Сибирью. На основании последних работ, эти связи отодвигаются в еще более отдаленное прошлое.

Кокча 3, первый раскопанный нами погребальный памятник бронзового века Хорезма, подтвердил основные выводы, сделанные нами в результате рекогносцировочных работ прошлых лет, и вместе с тем позволил значительно расширить материал для исторических обобщений. В 1956 г. мы впервые приступили к систематическим раскопкам поселений бронзового века южной дельты, результаты которых уже сейчас дают много нового для характеристики хозяйства и быта носителей тазабагьябской культуры.

Нами начаты раскопки двух поселений. Первое из них, Ангка 5, было открыто еще в 1953 г. во время сплошного обследования зоны древнего

³ Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма. СЭ, 1957, № 3.

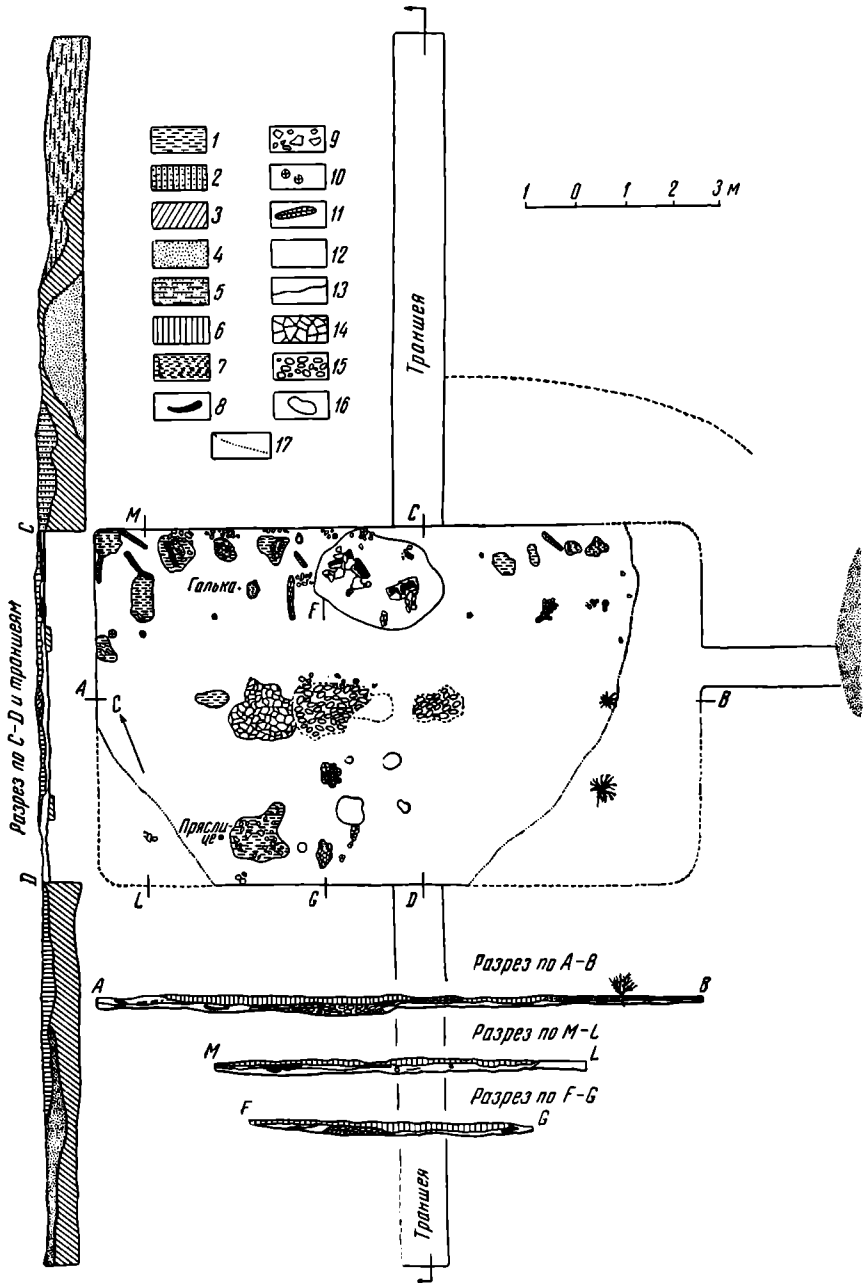

Рис. 7. Стоянка Ангка 5 а (план и разрез)

1 — белый слоистый суглинок; 2 — слоистый песок с железистыми включениями; 3 — плотная комковатая супесь с железистыми включениями; 4 — коричневый бархан-ный песок; 5 — плотный коричневый спекшийся песок; 6 — коричневый слоистый суглинок; 7 — золистое пятно; 8 — золистая линза; 9 — керамика; 10 — камни; 11 — остатки дерева; 12 — культурный слой; 13 — поверхность пола; 14 — вымостка; 15 — очаг; 16 — яма; 17 — граница обжитого поля

канала Кельтеминар археолого-топографическим отрядом нашей экспедиции (рук. Б. В. Андрианов). В 1954—1955 гг. поселение оказалось закрыто мощной движущейся песчаной грядой, что не дало нам возможности начать здесь раскопки уже в 1954 г., как мы намечали. В 1956 г. благодаря передвижению песков стоянка вновь вышла на дневную по-

Рис. 8. Стоянка Ангка 5. Раздавленные сосуды

верхность, что дало нам возможность приступить к раскопкам, осуществившимся под руководством М. А. Итиной.

Ангка 5 представляет собой часть большого поселения, отдельные пункты которого были зарегистрированы ранее в качестве стоянок Ангка 1, 3, 4. Ангка 1 была зарегистрирована еще в 1940 г., материал из нее вошел, как наиболее характерный тазабагъябский комплекс, в мою книгу «Древний Хорезм».

Поселение Ангка 1—5 тянется более чем на 2 км вдоль южного берега сильно разрушенного широтного отрезка одного из главных протоков Акча-Дарьи, огибающего с севера крепость Ангка-кала, примерно в 1,5 км от нее. В 1956 г. был раскопан один из двух хорошо заметных на поверхности такыра прямоугольных домов, зарегистрированных на Ангка 5 (дома а и б).

Жилище Ангка 5 а (рис. 7) представляет собой заглубленную в такырную поверхность постройку $12,2 \times 7,4$ м, вытянутую с юго-запада на северо-восток, с расположенным на северо-восточной стороне длинным коридорообразным входом. Сейчас заглубление стен жилища по сравнению с современным уровнем такыра не превышает 10—15 см, но, учитывая интенсивный процесс разрушения такыра, продолжающийся и сейчас, надо полагать, что это заглубление было первоначально значительно больше. Поэтому постройку, возможно, следует отнести к категории полуземлянок. В пользу этого говорит и длинный коридорообразный вход. Стены были обмазаны глиной. Об этом свидетельствуют найденные близ стен следы обожженной обмазки. Конструкция стен неизвестна, так как они выше заглубленной части жилища не сохранились. Дом имел перекрытие из жердей; хорошо сохранились, особенно вдоль северо-западной стены, обожженные жерди толщиной в 1,2—1,5 см, лежащие поперек постройки. Никаких следов столбовых ям не обнаружено.

Жилище имело плотный, слегка обожженный глинобитный пол (около 1 см толщиной), подстилаемый супесью.

В центре жилища находился очаг, представляющий собой расположенную в центральном углублении большую линзу спекшегося пепла размером $1,6 \times 0,9$ м при толщине около 25 см, подстилаемую пятисантиметровую

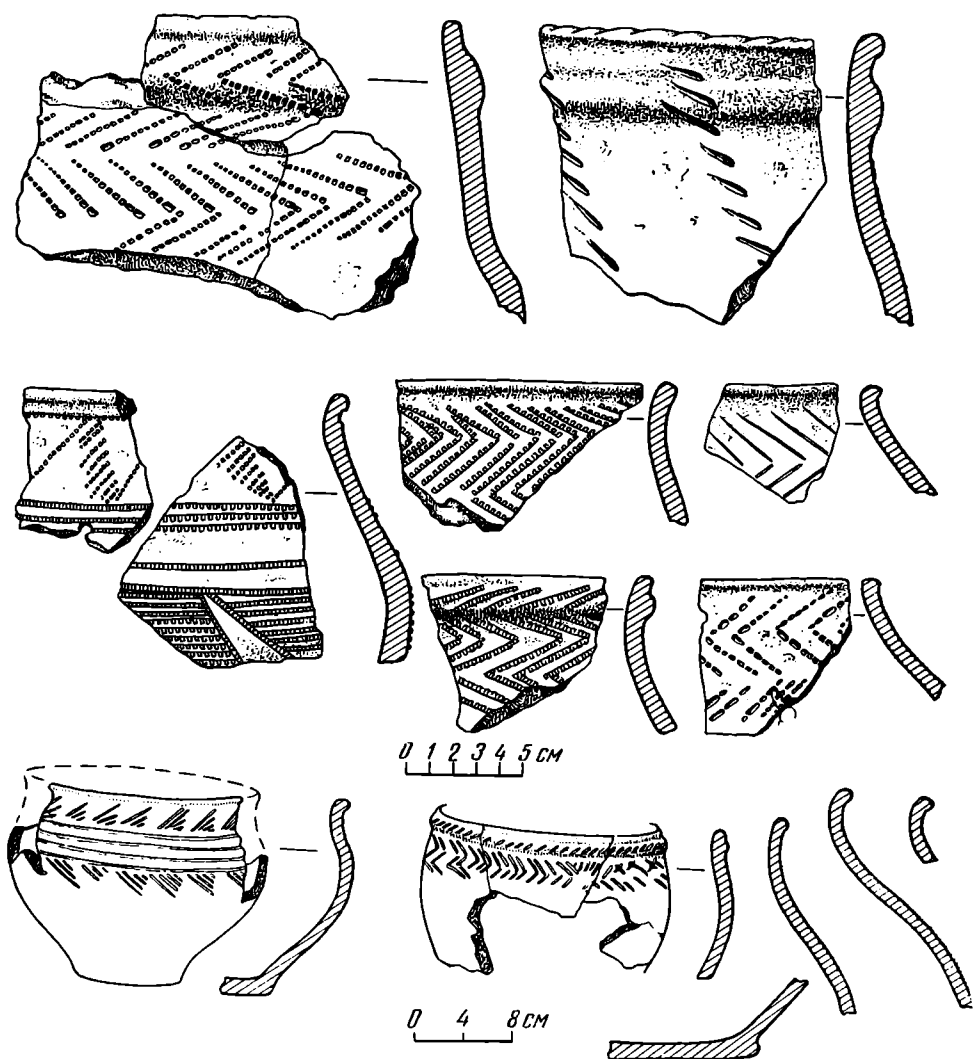

Рис. 9. Стоянка Ангка 5. Керамика

вым слоем прокаленного красного песка. По своему характеру очаг чрезвычайно напоминает центральный очаг неолитического жилища стоянки Джанбас 4. К юго-западу от очага располагались глиняные углубления и вымостка размером $1,3 \times 1,2$ м. Вдоль стен (особенно у северо-западной стены) обнаружено большое количество преимущественно крупных сосудов, по-видимому, раздавленных рухнувшей кровлей и стенами (рис. 8 и 9).

Отсутствие обычных в культурном слое костей и других кухонных остатков, обломков керамики, втопанных в землю, наполнение очага белым пеплом, а не типичными для кухонных очагов продуктами неполного сгорания (прослойками золы и сажи) — все это свидетельствует, вероятно, об особом назначении постройки. Об этом же говорит резкое отличие жилища Ангка 5 а от открытого в минувшем году одного из жилищ стоянки Кават 3, раскопки которого были начаты А. В. Виноградовым. Это жилище, найденное в сходных условиях с жилищами Ангка 5, представляет также прямоугольник, но больших, чем Ангка 5 а, размеров (12×15 м), с коридорообразным входом и сходной стратиграфией. Однако

характер слоя оказался весьма отличным от Ангка 5 а. Слой был заполнен многочисленными разнообразными фрагментами керамики и многочисленными костями мелкого и крупного рогатого скота. На раскопанной части жилища обнаружено несколько кухонных очагов и столбовых ям. Все это показывает, что перед нами жилище другого характера, чем дом Ангка 5 а.

Так как оба поселения почти синхронны (оба они датируются третьей четвертью II тысячелетия до н. э., предположительно XIV в. до н. э.; лишь некоторые признаки позволяют видеть в Кават 3 памятник несколько более поздний), то есть все основания полагать, что в обоих поселениях можно встретить сходные варианты жилища. Поэтому следует ожидать, что раскопки всех сохранившихся домов обоих поселений позволят окончательно решить вопрос о назначении своеобразного дома Ангка 5 а, столь отличного от обычного жилого дома Кават 3 а.

В 1955—1956 гг. во время работ археолого-топографического отряда было открыто несколько новых поселений амирабадской культуры раннего железного века. Среди них отметим исследованную А. В. Виноградовым в 1955 г. стоянку Уй-кала 1 и особенно открытую в 1956 г. стоянку Кават 2, обследованную В. Ягодиным.

* * *

Изучение памятников античной эпохи Хорезма в зоне древнего канала Кельтеминара ознаменовалось открытием в 1955 г. в урочище Дингильдже нового поселения архаического периода, так называемой эпохи «городов с жилыми стенами». Раскопки этого памятника были начаты в 1956 г. под руководством М. Г. Воробьевой. Поселение синхронно с верхним слоем Кюзели-гыра и может быть датировано временем не ранее середины V в. до н. э.

Это большое многокомнатное здание размером около 2600 м² (53×50 м), подквадратное в плане (рис. 10). Планировка здания хорошо прослеживается на такыре. Стены помещений сохранились над полом на высоту от 5—10 до 50 см. Соответствующую мощность имеет и хорошо сохранившийся культурный слой внутри помещений. Здание окружает

Рис. 10. Дом на архаическом поселении близ Дингильдже (аэрофото)

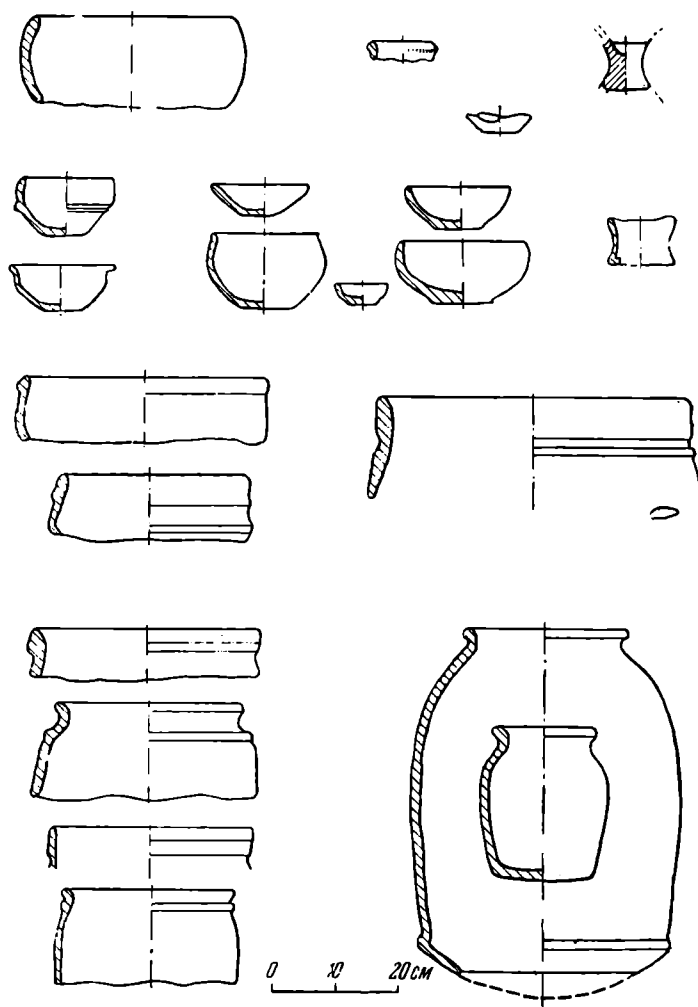

Рис. 11. Керамика из раскопок дома на поселении близ Дингильдже

внешняя стена мощностью свыше 2 м. Вдоль северной стены идет внешний трехметровый коридор — возможно, пережиток внутренних коридоров «жилых стен». Перпендикулярно к нему идет внутренний коридор, делящий здание на две части, — далекий прототип далиса в современной народной архитектуре Хорезма. Здание делится на 17 прямоугольных жилых, хозяйственных и производственных помещений различной величины с разнообразными квадратными и прямоугольными выкладками из квадратных сырцовых кирпичей, типичных для верхнего слоя Кюзели-гыра размеров и пропорций (42—44×42—44×10—11 см). Вероятно, это очаги и суфы: некоторые из них, возможно, служили базами колонн, на которые опиралась плоская кровля здания. Обильный материал, особенно керамический, добытый раскопками в трех раскопанных помещениях большого дома в Дингильдже, позволяет достаточно разносторонне охарактеризовать позднекюзелигырский комплекс, который мы пока очень недостаточно знали по сильно разрушенному верхнему слою Кюзели-гыра. Анализируя его, мы можем проследить появление ряда форм, намечающих переход к классическим типам раннекангюйской керамики — хумчей с росписью, новых форм красноангобированных чаш и кувшинов и др. (рис. 11) при сохранении архаического облика большинства типов сосудов.

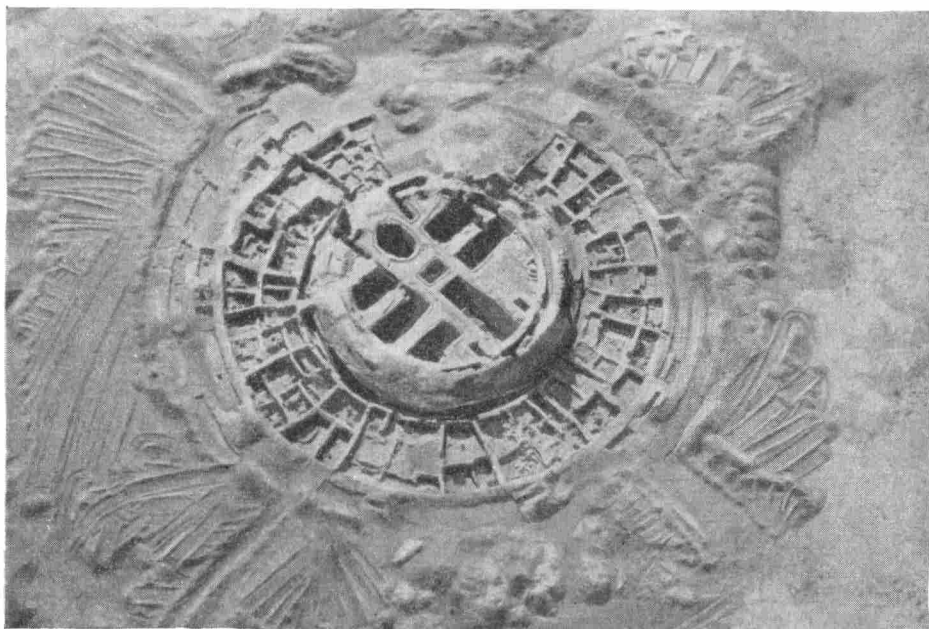

Рис. 12. Кой-Крылган-кала (аэрофото)

Исследовавшая материал из Дингильдже М. Г. Воробьева справедливо отмечает близкие аналогии в керамике Южной Туркмении, особенно в древней Маргиане и, в меньшей степени, в Анау IV. Ей же удалось установить генетические связи ряда кюзелигырских форм с материалом более ранних памятников Южной Туркмении — Намазга VI и Анау III. Здесь надо особо отметить вазообразные сосуды на высокой ножке, характерные в Хорезме только для Дингильдже и верхнего слоя Кюзели-гыра. Появление в Хорезме в слое V в. этих явно южных форм заставляет поставить вопрос о пересмотре верхней даты Анау III и Намазга VI в сторону хронологического приближения их к нашим памятникам.

Новый интересный материал дали продолжавшиеся в отчетный период раскопки античного укрепления Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э.— I в. н. э.), расположенного ниже по течению древнего канала Кельтеминар и являющегося в последние годы основным объектом наших стационарных работ (рис. 12—17). Раскопки этого укрепления ведутся непрерывно с 1951 г.⁴ Оно являлось центром обширной земледельческой округи. Укрепление состоит из центрального здания, по-видимому, храмового назначения, имевшего вид огромной цилиндрической башни со сводчатыми помещениями внутри и с внешней циркульной стеной, идущей вокруг этого здания. Пространство между башней и стеной сплошь застроено и представляет собой целый лабиринт жилых и хозяйственных помещений, в которых на протяжении ряда веков жили многочисленные рабы и слуги этого крупного храмового хозяйства.

Сейчас раскопки близятся к концу. Выявлены четыре строительных периода крепости, полностью представленных во внешнем кольце сооружений крепости, что дает возможность разносторонне охарактеризовать историю культуры классического кангюйского (IV—III вв. до н. э.) и позднекангюйского (II—I вв. до н. э.— I в. н. э.) периодов истории куль-

⁴ Раскопки ведутся под нашим руководством. Начальник восточного раскопа — М. Г. Воробьева, западного — Ю. А. Рапопорт.

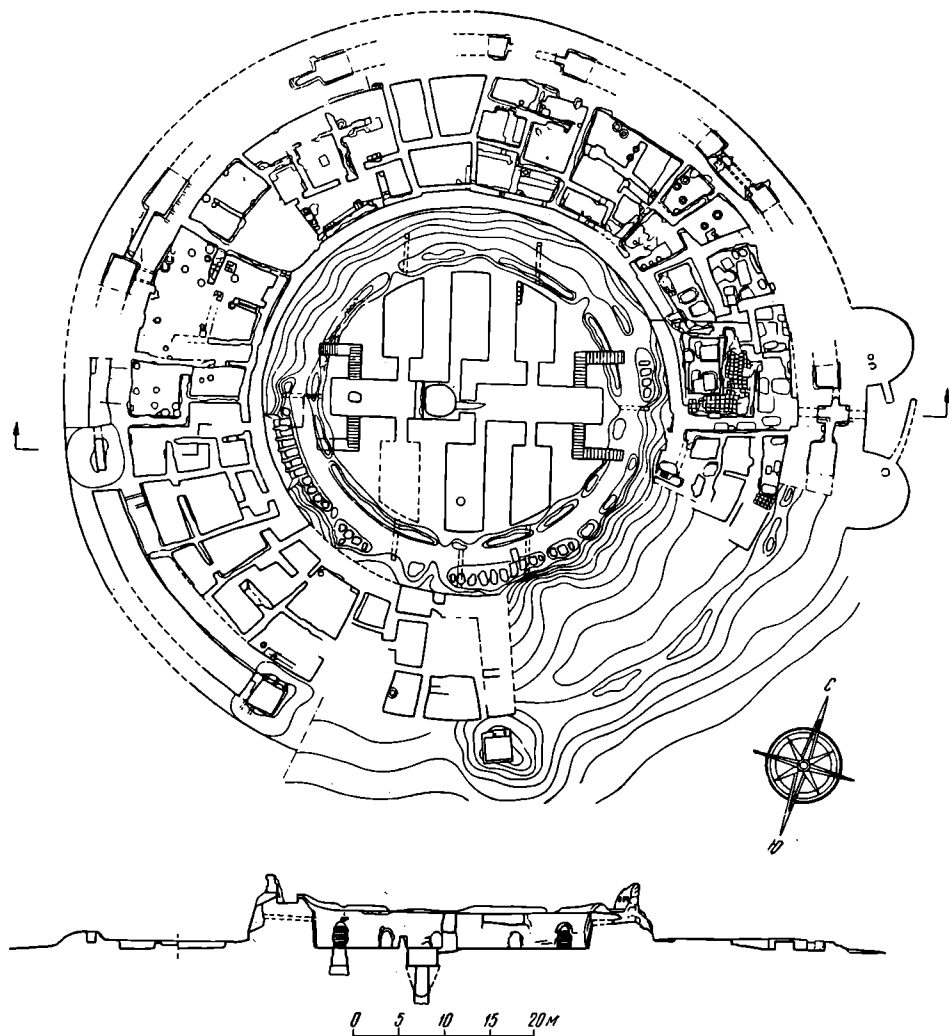

Рис. 13. Кой-Крылган-кала (план)

туры Хорезма. Самый ранний период характеризуется наиболее простой планировкой, когда центральное храмовое здание было окружено обширным кольцеобразным двором, обнесенным внешней круглой стеной без башен и стрелковой галереи; прямо со двора открываются узкие щели расположенных в шахматном порядке прямоугольных бойниц кюзельгирского типа.

Вскоре внешняя стена перестраивается. Строится вторая внешняя стена; между обоими стенами возникает стрелковая галерея с девятью башнями. С восточной стороны сооружается предвратный лабиринт весьма своеобразной формы. Западная и юго-западная стороны начинают постепенно застраиваться преимущественно хозяйственными помещениями. Около середины II в. до н. э. происходит полная реконструкция помещений внешнего кольца. Строится распределительный кольцевой коридор у подножия центральной башни, из которого ряд дверей ведет в отдельные секторы внешнего кольца, содержащие каждый по шесть-семь комнат различного назначения. Секторы отделены друг от друга глухими радиальными стенами. Позднее, видимо около начала нашей эры, возникает новая перепланировка, характеризуемая более тесной и еще более неправильной застройкой.

Рис. 14. Кой-Крылган-кала. Черно-лощенный сосуд

Богато представлены материалы, характеризующие хозяйство, прикладное искусство, письменность, религию хорезмийцев. Получены новые данные, показывающие процесс варваризации классической хорезмийской культуры, начинающийся с середины II в. до н. э. в связи с движением степных племен. Особенно интересны находки различной формы сероглиняных сделанных без круга, но очень тонко обработанных черно-ангобированных лощеных сосудов с прорисованным геометрическим орнаментом (рис. 14), являющихся прототипом более поздней керамики Джеты-Асара и имеющих много общего с более ранней керамикой Северного Кавказа.

Не менее интересен сероглиняный ковш с кружковым орнаментом и прямой ручкой, заканчивающейся головой барана, и подставка под вертел с развилкой, увенчанной протомами коней (рис. 15). Это широкое проникновение сарматских элементов сочетается с упрощением и огрубением классических форм ремесленной хорезмийской хозяйственной керамики.

В 1955—1956 гг. в большинстве помещений внешнего кольца мы спустились до нижнего строительного горизонта, соответствующего времени постройки храма-крепости. Находки здесь оказались особенно богатыми.

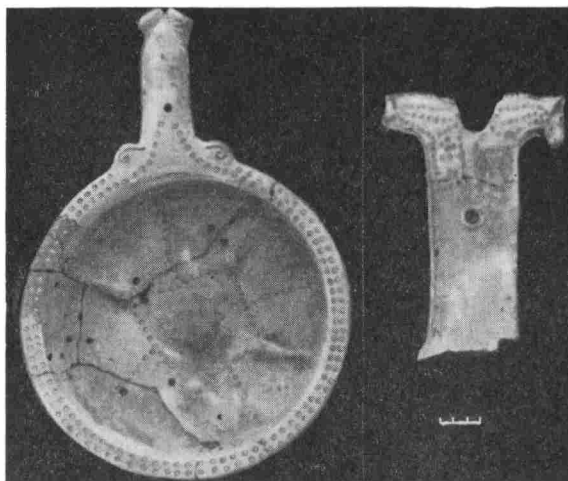

Рис. 15. Кой-Крылган-кала. Керамические ковш и подставка под вертел

Чрезвычайно интересны многочисленные произведения прикладного искусства — терракотовые статуэтки богини аму-дарьинских вод и плодородия земли Анахиты, статуэтки богини-матери, кормящей младенца (рис. 16), статуэтки животных (особенно часты изображения коней). Обнаружен фрагмент сосуда с рельефом, изображающим виноградаря — бородатого мужчину, несущего в одной руке виноградную гроздь, а за спиной флягу с вином, совершенно такого же типа, как большие украшен-

ные обычно рельефами фляги, в изобилии найденные при раскопках на Кой-Крылган-кала. Обломком такой фляги является и самый рельеф с виноградарем. Напомним, что в 1954 г. нами была сделана находка статуэтки бога виноделия, которого греки называли Дионисом и который изображен с садовым ножом в одной руке и с виноградной кистью в другой. Все эти находки вместе с многочисленными планировками виноградарников, открытых экспедицией в 1955 г., свидетельствуют о значительном развитии виноградарства в древнем Хорезме.

Отметим интересную находку части изображения человеческого лица — нос и губы. Это, видимо, фрагмент крупного керамического статуарного оссуария, отличающегося от ранее найденных исключительно высоким качеством и художественными достоинствами.

Надо отметить несколько находок древних надписей, из которых интересна прочерченная на венчике хума надпись, первый знак которой, раннеарамейский «лям» — знак, в более поздних хорезмийских текстах встречающийся только в арамейских идеограммах, второй — «зе» или «вав», третий — «реш» или «каф». Другая надпись, также из одного слова, процарапана на спинке архаической женской статуэтки. Надпись тушью (первый случай надписи тушью на керамике в Хорезме) сделана на плече хумчи, найденной во втором горизонте в одном из помещений юго-западной части внешнего кольца (рис. 17). Большая часть знаков хорошо читается, причем некоторые из них носят весьма архаический характер. Вся надпись читается: (Y?)P/BNT'SK. Возможно, это собственное имя от основы *Panta* — «путь».

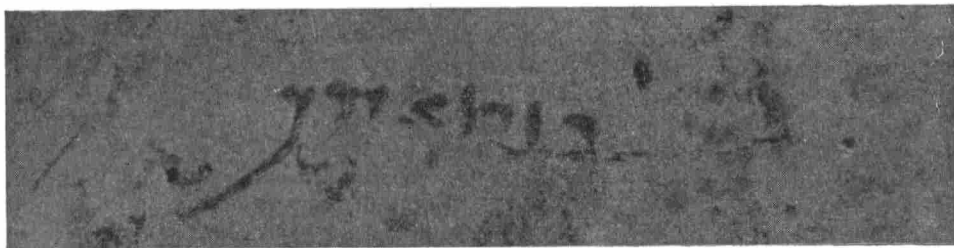

Рис. 17. Кой-Крылган-кала. Надпись тушью на стенках хума

Как мы уже не раз писали, в развалинах, известных под именем Кой-Крылган-кала, надо видеть, по всей вероятности, остатки какого-то памятника погребального культа, возможно вместе с тем связанного с астральным культом и, может быть, являвшегося местом астрономических наблюдений.

Видимо, центральная башня была большим погребальным зданием, чем-то вроде погребального кургана, первоначально связанного с обрядом трупосожжения, на существование которого указывает находка в окрестностях Кой-Крылган-кала оссуария с остатками перегоревших костей.

Рис. 16. Кой-Крылган-кала

1 — статуэтка богини-матери; 2 — статуэтка Анахиты

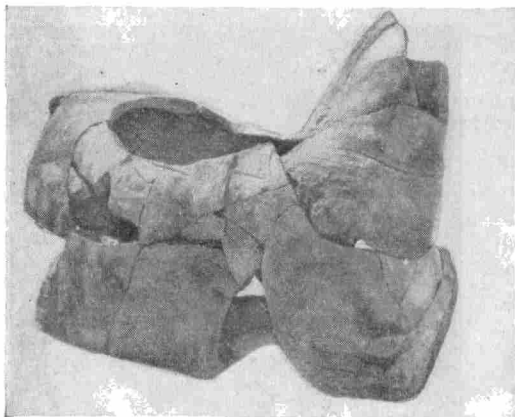

Рис. 18. Керамический оссуарий в виде лошади, обнаруженный близ крепости Уй-кала

Возможно, памятником этого же ритуала является кангюйский «горизонт пожарища» в Калалы-гыр № 1. На обряд трупосожжения в близком по времени Кзыл-кыре (в Бухарском оазисе) указывает и Я. Г. Гулямов. Как показали наши и Ю. А. Рапопорта наблюдения, по-видимому, оссуарный обряд Хорезма, как и других районов, где он был распространен, имеет сложную историю, являясь контаминацией обряда трупосожжения с обрядом выбрасывания трупов на возвышенных местах. Некоторый намек на бытование обряда кремации параллельно с ингумацией еще в бронзовом веке Хорезма в суяр-

ганской культуре дают раскопки на суярганской стоянке Кокча 2, где в ямах, по форме и размерам очень похожих на могильные ямы Кокча 3, можно было проследить черный сажистый слой с перегоревшими костями и немногочисленными фрагментами керамики.

Видимо, с обрядом трупосожжений связано возникновение хорезмийских статуарных оссуариев, неоднократно публиковавшихся нами и иногда поразительно напоминающих этрусские оссуарии, что не раз подчеркивалось нашими итальянскими коллегами — археологами-этрускологами во время наших встреч в Риме в прошлом году.

Сходство объясняется, вероятно, сходством исходных форм и связанных с ними религиозных представлений. Исходный тип надо искать в «лицевых урнах» или урнах с погребальными масками. И те и другие зарегистрированы в архаическом и кангюйском Хорезме, в частности в районе Қой-Қрылган-кала. Я имею в виду опубликованную нами в 1953 г. керамическую погребальную маску и оссуарный сосуд времени верхнего слоя Кюзели-гыра и Дингильдже, на поверхности которого выгравированы детали человеческой одежды⁵.

В прошлом году наша коллекция статуарных оссуариев обогатилась еще двумя интересными находками — оссуариями в виде всадника (рис. 18), найденными в зоне древнего канала Тазабагъяб (Қырк-Қызский канал). Эта находка позволила определить одну из более ранних находок в районе Қой-Қрылган-кала — верхнюю часть мужской фигуры, несомненно представляющую крышку оссуария в виде всадника.

Видимо, в раннекангюйский период господствовал еще оссуарный обряд с трупосожжением. Центральное здание, построенное как погребальное здание, как своего рода «дом мертвых», было сожжено вместе с трупом знатного покойника — князя, а может быть, и хорезмийского царя. Пепел умершего, а возможно, и сопровождающих его в загробный мир лиц был извлечен из пожарища и помещен в оссуарии. Прах знатного человека был положен в оссуарий, вероятно сделанный из ценных материалов, в отличие от керамических оссуариев слуг или позднее погребенных лиц. Обломки простых оссуариев в изобилии находят на самой Қой-Қрылган-кале и в ее окрестностях.

Ценные оссуарии, как и другие ценные предметы, были унесены при разграблении храма, имевшем место на рубеже I и II вв. н. э.

⁵ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 320—321.

В период своего существования погребальный храм стал центром крупного храмового хозяйства и был обстроен многочисленными помещениями и жилищами жрецов, храмовых слуг и рабов, теснившимися внутри внешнего кольца памятника. Изучение истории застройки этого кольца показывает все больший и больший количественный рост обслуживающего храм персонала.

Весьма вероятно, что Кой-Крылган-кала сочетал в себе функции храма погребального культа с функциями центра астрального культа и астрономических наблюдений. Характер планировки как центрального здания, так и внешнего кольца во многом повторяет рисунок явно астрального характера на одной керамической дисковидной крышке сосуда, найденной в 1955 г. на Кой-Крылган-кала. Весьма возможно, что пять своеобразных, совершенно уникальных окон нижнего этажа центрального здания служили для астрономических наблюдений.

Жизнь храма обрывается внезапно и больше уже не возобновляется. Дата прекращения жизни на памятнике совпадает с датой вхождения Хорезма в систему Кушанской империи. Нам представляется вполне вероятным, что это связано и с перерывом (начиная со времени Канишки) чеканки хорезмийских монет, возобновившейся лишь в III в. н. э., и с возможной борьбой буддийской империи с древним государственным культом, в частности с династическим культом Хорезма.

* * *

В зоне вновь освоенных земель Кырк-Кызского канала, проведенного вдоль древнего Беркут-калинского канала, отряд во главе с Е. Е. Неразик производил в 1955 г. раскопки важнейшего укрепленного поселения этого района — афригидской крепости Беркут-кала, прекратившей свое существование в эпоху арабского завоевания, в VIII в. н. э. Это — небольшой городок, выросший у стен крупного раннефеодального замка, центр обширной раннесредневековой округи, от которой поныне сохранилось более сотни укрепленных замков, являющихся прекрасными памятниками истории зодчества Средней Азии накануне арабского завоевания. Раскопки выявили, что крепость Беркут-кала построена на месте большого укрепления позднеантичной эпохи. Одна из башен этого укрепления, скрытая в недрах холма, на котором воздвигнута раннесредневековая Беркут-кала, обнаружена и расчищена экспедицией.

В 1956 г. отряд вел раскопки ряда небольших замков (замки №№ 18, 19, 30, 59, 92, 115), также обогативших наши представления об истории афригидского населения этой зоны, вновь освоенной на рубеже VI в. н. э. после запустения в IV—V вв. Отряд, возглавляемый Н. Н. Вактурской, вел в 1956 г. раскопки средневекового памятника XII — начала XIII в. Кават-кала, относящегося к эпохе Великих Хорезмшахов и расположенного в низовьях канала Гавхоре (продолжение современного канала Амирабад). Раскопками удалось установить, что перед нами не маленький город, как мы раньше предполагали, а крупный замок, резко отличавшийся от остальных замков оазиса Кава-калы. Раскопки вскрыли ряд богатых помещений замка, залов с колоннами и разными дверями. Монетные находки подтвердили первоначально установленную нами дату гибели замка и оазиса: они погибли в результате нашествия монголов.

Параллельно с раскопками Кават-калы О. А. Вишневская вела раскопки крупной усадьбы в окрестностях замка, которая оказалась культовым сооружением типа ханаки.

Археолого-топографический отряд Б. В. Андрианова предпринял сплошное обследование зоны древнего Кырк-Кызского канала в 1955 г. и канала Гавхоре в 1956 г. Сейчас съемка детальной археологической и историко-ирригационной карты зоны южной сарыкамышской дельты, «зе-

мель древнего орошения» Туртукульского и Шаббазского районов Кара-Калпакской АССР нами в основном закончена. В 1957 г. продолжалось обследование некоторых неясных мест в зоне больших древних каналов и было приступлено к подготовке большой крупномасштабной археолого-ирригационной карты и объяснительного текста к ней.

* * *

На левом берегу Аму-Дарьи главным объектом наших работ в 1955 г. были раскопки античной крепости Канга-кала, расположенной на восточном склоне возвышенности Канга-гыр, вдоль которой тянется самое южное из русел присарыкамышской дельты — Канга-Дарья (рис. 19). Параллельно с раскопками проходило исследование базирующейся на этом русле ирригационной системы.

Канга-кала представляет крайний юго-восточный форпост античного Хорезма, расположенный в непосредственном соседстве с Сарыкамышским озером. Исследование крепости показало, что она существовала на протяжении почти тысячелетия: от середины I тысячелетия до н. э. до IV в. н. э. Правда, раскопки 1955 г. дошли только до так называемого раннекангюйского слоя, датируемого IV—III вв. до н. э., но находки в осыпях крепости многочисленных бронзовых скифских стрел VI—V вв. до н. э. и находки керамики того же времени на примыкающих к крепости полях позволяют с уверенностью говорить, что крепость была построена не позднее V в. до н. э. Мы не сомневаемся, что дальнейшее углубление раскопок вскроет слой архаической хорезмийской культуры. Крепость погибла в результате большой военной катастрофы. Верхний слой содержит повсюду следы сильного пожара, а близ южного угла крепости со стороны Канга-Дарьи сохранились следы огромного пролома в стене, в результате которого, видимо, крепость и была взята.

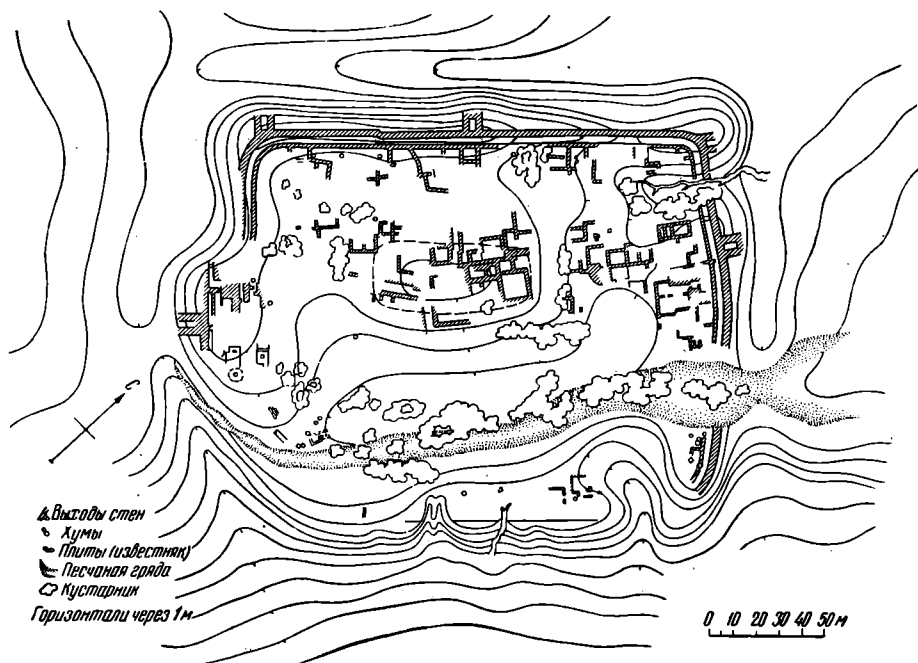

Рис. 19. Канга-кала (план)

Большой интерес представляют найденные в одной из комнат верхнего слоя (еще во время разведочных раскопок М. А. Итиной в 1953 г.) многочисленные погребения. Определенный Т. А. Трофимовой физический тип людей, похороненных в этой комнате, оказался очень своеобразным, резко отличным от обычного древнехорезмийского типа, хорошо нам известного по большому могильнику в крепости Калалы-гыр, расположенной в нескольких десятках километров к северо-востоку от Канга-калы. Если тип «калалы-гырцев» очень близок к типу современных хорезмийских узбеков, то тип «канга-калинец» больше всего напоминает современных туркмен. По всем данным, эти погребения принадлежали кочевникам-хионитам, появившимся именно в IV в. до н. э. на северо-восточных границах сасанидско-иранского государства. Видимо, с сасанидско-хионитскими войнами и связана гибель Канга-калы.

Канга-калинская система ирригации представляет огромный интерес. Анализ ее топографии свидетельствует, что орошенная территория не раз меняла свои очертания в связи с процессом затухания северных протоков Канга-Дарьи, которыми она питалась. Эти протоки образовывали своего рода маленькие дельты, не доходившие до Сарыкамыша и разбивавшиеся на ирригацию. Результаты работ 1956 г. подтвердили сделанные нами ранее выводы, что в античный период продолжали действовать все основные протоки левобережной присарыкамышской дельты, в противоположность тому, что было установлено, как сказано выше, в отношении протоков правобережной акча-дарьинской дельты. Этот же факт подтвердили работы Дарьяльского отряда экспедиции, открывшего в 1955 г. на Дарьялыке несколько новых античных городищ.

Топонимика района Канга-калы (Канга-Дарья, Канга-Гыр) представляет большой интерес для окончательного решения остающегося еще спорным вопроса о локализации Кангхского царства (Кангюян), упоминаемого в иранских и китайских источниках.

* * *

Раскопки 1956 г. на трех крепостях, расположенных на еще более отдаленной периферии Хорезма, — Игды-кала на Среднем Узбое (IV в. н. э.), Барак-там в нижней северной дельте Акча-Дарьи (IV—V в. н. э.) и крепости и оссуарного могильника Куюк-кала близ гор Кушкана-тау (V—VIII вв. н. э.) — представляют особый интерес. Все эти памятники оставлены окружающими Хорезм хионито-эфталитскими и раннетюркскими племенами. Помимо большого интереса, который представляют раскопки для характеристики хозяйства и культуры этих племен, вскрытый раскопками материал с новой стороны освещает генезис раннесредневековой афригидской культуры Хорезма. Происхождение афригидской керамики и особенно афригидской архитектуры может быть понято только с учетом роли в их формировании степных, хионито-эфталитских элементов.

Игды-кала (рис. 20) был открыт Узбойским отрядом нашей экспедиции (руководитель М. А. Итина) в 1954 г. В 1956 г. мы подвергли этот труднодоступный памятник рекогносцировочным раскопкам, показавшим правильность нашей датировки этого памятника временем хионито-сасанидских войн.

Эта крепость названа нами Игды-кала по имени ближайшей группы колодцев. Она расположена на левом берегу Узбоя, который, прорываясь здесь через скалистую гряду, образует на протяжении примерно 1 км узкий каньон с вертикальными скалистыми обрывами высотой 25—30 м. В этой поражающей своей дикой красотой местности на скале и была воздвигнута крепость, представляющая в плане неправильную трапецию с длинными стенами (рис. 21).

Рис. 20. Игды-кала (общий вид со стороны Узбоя);

Одна из длинных сторон крепости воздвигнута прямо на обрыве скалы; с трех остальных сторон крепость окружена высеченным в скале рвом. Сейчас стены крепости представляют собой вал из плоских каменных плит. Однако раскопки показали, что крепость была обнесена вертикальной стеной, мощностью около 2,5 м, сохранившейся на высоту 1,5 м и сложенной из известняковых плит различных размеров, в среднем $40 \times 40 \times 15$ см, т. е. приближающихся к размеру античного сырцового кирпича. Плиты положены без раствора, вперевязку. Вдоль стен поставлены прямоугольные башни размером $2 \times 2,5$ м. Пять башен расположены на южной и по три на западной и восточной стенах. На северной стене, воздвигнутой на обрыве Узбоя, башни не сохранились. Возможно, их не было вовсе. Угловые башни сомкнуты в виде ласточкина хвоста, как и башни большинства античных хорезмских крепостей. Вдоль стены и на башнях расположены узкие бойницы, вероятно имевшие стреловидную

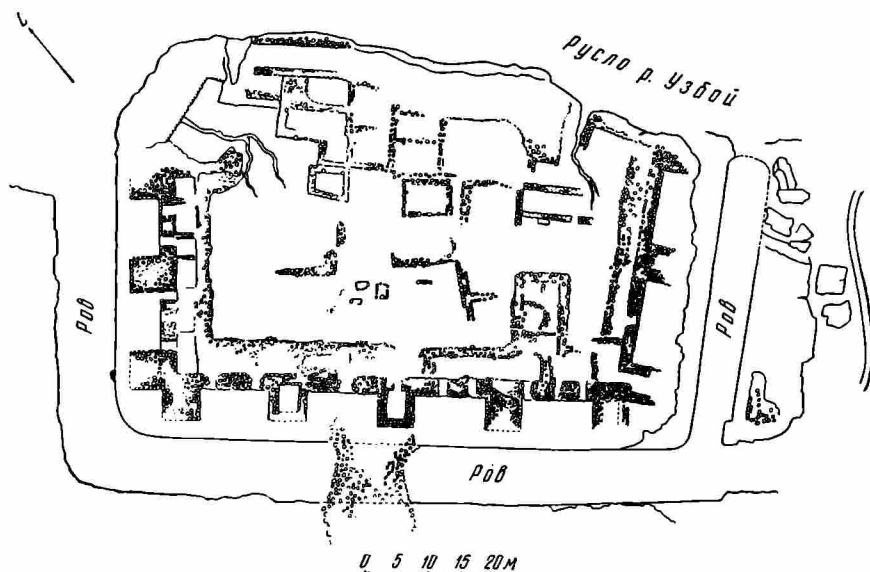

Рис. 21. Игды-кала (план)

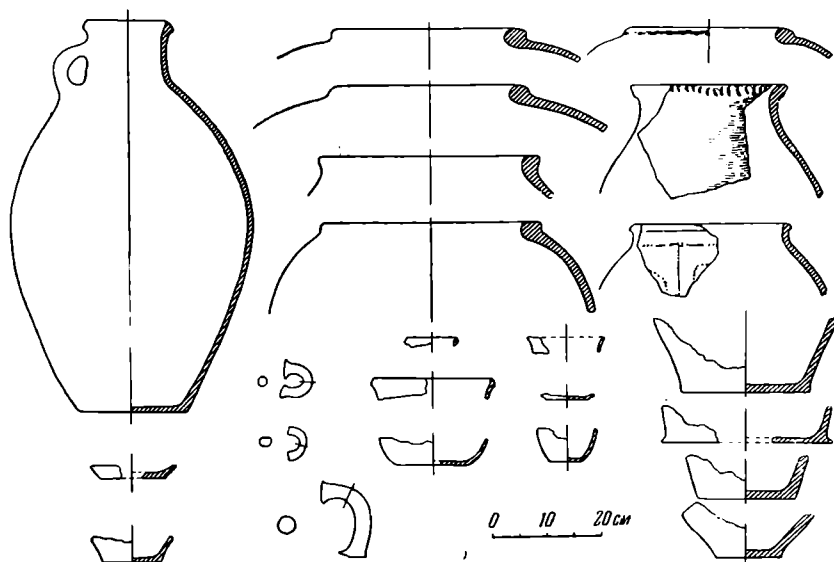

Рис. 22. Игды-кала. Керамика

форму, типичную для хорезмийской античной военной архитектуры (верхняя часть бойниц, к сожалению, не сохранилась). Снаружи стены крепости имели глиняную обмазку, изнутри к ним примыкал коридор, напоминающий хорезмийские стрелковые галереи.

В целом крепость, построенная из камня (не свойственного Хорезму материала), во всех деталях повторяет принципы хорезмийской фортификации и строительного дела. Извне она благодаря обмазке ничем не отличалась от хорезмийских позднеантичных крепостей.

Добытый при раскопках и собранный в осыпях материал дает любопытное сочетание ремесленной хорасанской (южнотуркменской) позднеантичной (IV в. н. э.) керамики (преимущественно хумы) и керамики варварской, среди которой особо надо отметить крупные сосуды с кружковым орнаментом и хумы с пальцевым орнаментом по краю, известные в Хорезме как раннеафригидские формы и датируемые нами концом IV—V в. н. э. (рис. 22).

Анализ результатов раскопок позволяет предполагать, что перед нами укрепление, контролировавшее Игдинский каньон Узоя и, по-видимому, воздвигнутое хионитами как важный узел обороны против сасанидских войск. Положение крепости позволяет предполагать, что в это время существовал водный путь из Хоросана в Хорезм, что связано с прорывом вод по Узюю на рубеже IV и V вв. Этот прорыв является вполне вероятным в исторических условиях той эпохи, когда крушение рабовладельческого строя привело к гибели античной системы орошения в Хорезме, что могло привести к возобновлению стока по старым руслам в Сарыкамыш (как это имело место после нашествий Чингисхана и Тимура).

* * *

Раскопки замечательного позднеантичного архитектурного памятника варварской периферии Хорезма Барак-тама, открытого нами в 1945 г. и изданного впервые в 1952 г.⁶ в I томе «Трудов Хорезмской экспедиции», также представляют большой интерес.

⁶ М. А. Орлов. Барак-там. (Новые памятники позднеантичной архитектуры северо-восточного Хорезма). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952.

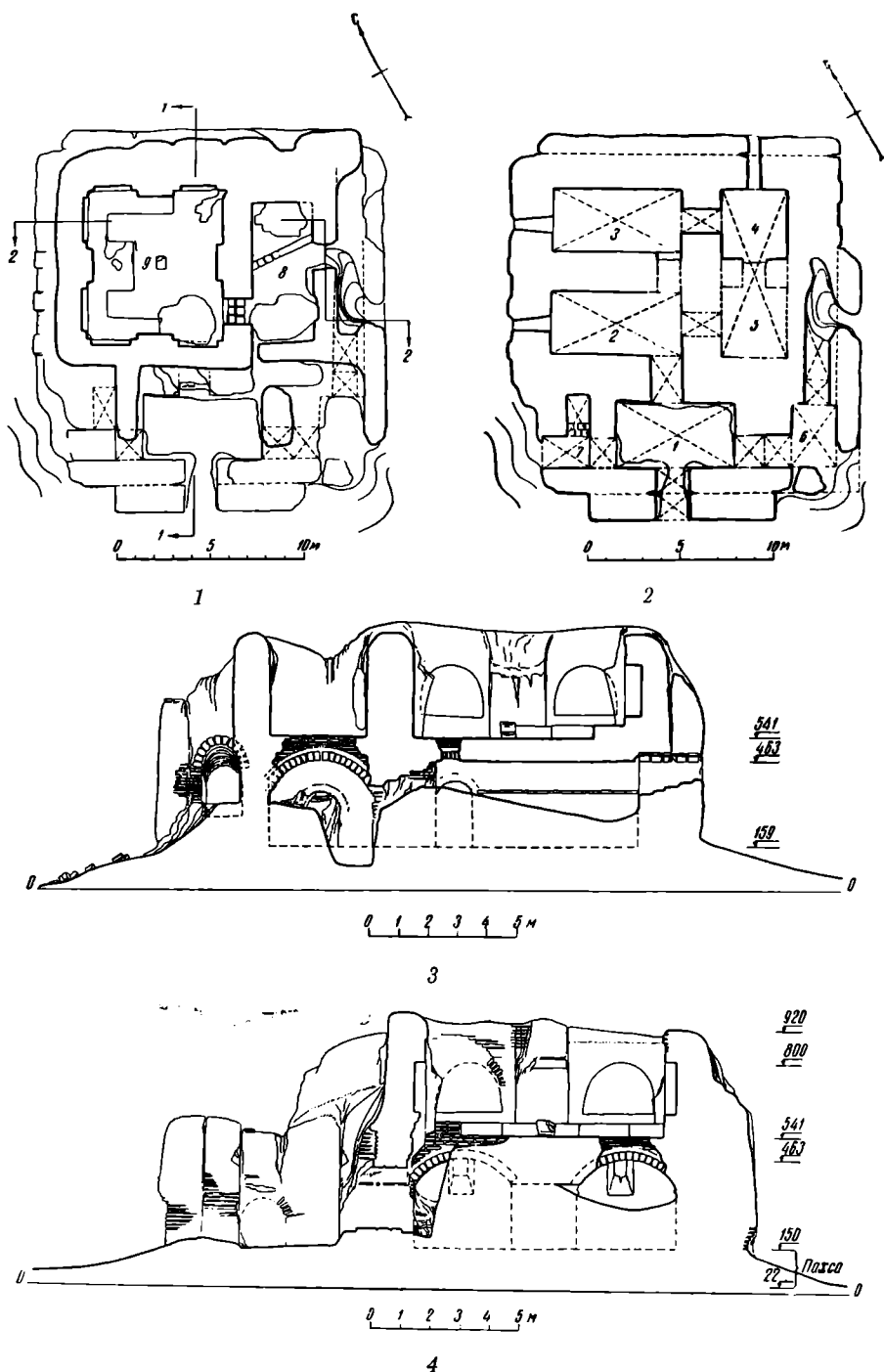

Рис. 23. Барак-там

1 — план первого этажа; 2 — план второго этажа; 3, 4 — разрезы

Этот памятник был воздвигнут на рубеже IV и V вв. хионитско-эфталитскими полукочевыми племенами северо-восточных окраин Хорезма. Он служил ставкой вождя одного из этих племен. Вокруг него расположены большое поселение и поля, базирующиеся на одном из вышеупомянутых старых русел нижней дельты Акча-Дарьи, подтопленных водами Жаны-Дарьи.

В поселении вокруг замка Барак-там I варварская керамика сочетается с позднеантичной хорезмийской, выделявавшейся на месте, по-видимому, рабами-хорезмийцами. Среди варварских форм надо назвать вышеотмеченные протоафригидные хумы.

Двухэтажное здание замка со сводчатыми помещениями нижнего этажа (рис. 23) было также, вероятно, построено рабами-хорезмийцами. Но

Рис. 24. Барак-там. Парадный зал

по своим формам оно отнюдь не во всем следует античным хорезмийским традициям и, как мы увидим ниже, отвечает бытовым и эстетическим запросам хозяев замка — хионитских вождей. Но, вместе с тем, как варварские, хионито-эфталитские хумы являются прототипом афригидских хумов, так и хионито-эфталитский замок Барак-там является несомненным прототипом афригидских замков.

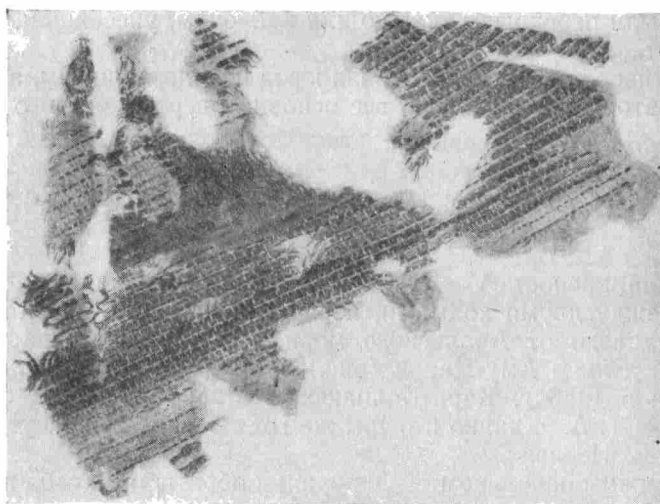

Рис. 25. Барак-там. Фрагмент ковра

Наибольший интерес представляет парадный зал верхнего этажа замка размером $8,13 \times 7,23$ м с огромными нишами и сплошной суфой по стенам, расширявшейся в центре стены, расположенной против входа (рис. 24). Суфы были устланы коврами, следы которых отпечатались на поверхности суфы, а фрагменты ковра сохранились в примыкающем к залу помещении. Это шерстяной ворсовый ковер, нити ворса окрашены расти-

Рис. 26. Барак-там. Рухнувшие арки парадного зала

тельными красками в синий, красный, розовый и золотистый цвет. Центральное поле ковра было заполнено изобразительной композицией, от которой сохранилась, к сожалению, лишь незначительная часть (рис. 25).

В центре зала находился своеобразный очаг — жертвенник в виде усеченной перевернутой пирамиды, выложенной из сырцового кирпича.

Чрезвычайно интересно перекрытие зала — две перекрещивающиеся мощные арки из двух рядов сырцового кирпича, поднимавшиеся значительно выше стен замка (рис. 26). Не сохранилось никаких следов плоского деревянного перекрытия. Это заставляет предполагать, что четыре угла зала были перекрыты тканью или войлоком, унесенным, когда замок был покинут.

В целом перед нами своеобразная юрта не с деревянным, а с сырцовым остовом, повторяющая, однако, все основные черты кочевого жилища.

* * *

Куюк-кала, крепость V—VIII вв. н. э., расположена на плоской возвышенности между двумя холмами, носящими название Кушканатау и лежащими недалеко от Аральского моря, в центральной части низовьев современной дельты Аму-Дарьи (рис. 27). Эта крепость была открыта и обследована в 1956 г. Кара-Калпакским этнографическим отрядом под руководством Т. А. Жданко и в том же году была подвергнута раскопкам отрядом Е. Е. Неразик.

Уже при первоначальном обследовании обратило на себя внимание сочетание в подъемном материале этой крепости немногочисленного афригидского материала (преимущественно хумов и крупных кувшинов; а также позднеафригидских монет VIII в. н. э. с обильным материалом эфталито-тюркского облика, керамикой, известной нам по «болотным городищам» близ г. Казалинска и по верхнему слою Джеты-Асара (рис. 29). Раскопки подтвердили это положение.

Крепость плохо сохранилась. В большинстве случаев планировка не выражена в рельефе, она лишь прослеживается в виде слабо выраженных контуров на поверхности бугра, хорошо видимых с воздуха.

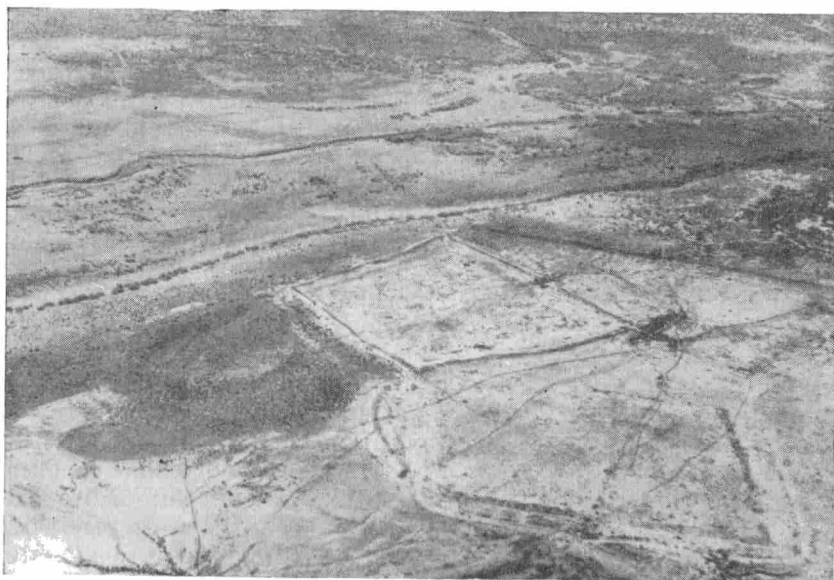

Рис. 27. Городище Куюк-кала (аэрофото)

Площадь городища достигает 41 га. Крепость имеет неправильные очертания. Плохо сохранившиеся стены, сложенные из восьми-девяти рядов кирпичей, окружающие плоскую вершину бугра, следуют в своей планировке за его естественными очертаниями. Внутри крепости расположены две прямоугольные цитадели, подходящие друг к другу под углом. Древняя цитадель близ центра бугра хорошо видна с воздуха, но с трудом прослеживается на поверхности, так как в поздний период существования крепости ее стены были застроены почти целиком смывыми сейчас постройками. Поздняя цитадель хорошо представлена в рельефе.

И планировка, и материал крепости чрезвычайно близки к казалинским городищам, которые, кстати сказать, и называются также (Куюк-кала и Кескен-Куюк-кала).

Мы не можем в рамках одной статьи остановиться на характеристике результатов раскопок. Отметим лишь, что мощность сохранившегося культурного слоя городища равна 2,3 м, причем прослежены три строительных

Рис. 28. Городище Куюк-кала. Круглая выкладка

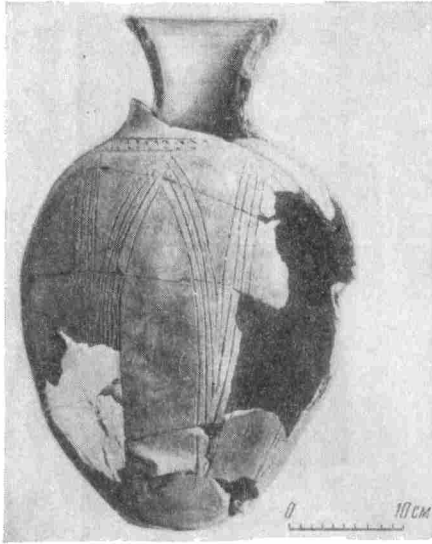

Рис. 29. Городище Куюк-кала. Кувшин

периода. Если верхний слой датируется началом VIII в. н. э., то общая мощность слоев и сложная перестройка, как и материал из нижнего слоя, пока еще малочисленный, позволяют предположительно датировать время постройки крепости V—VI вв. н. э. По планировке жилых построек верхнего горизонта крепость занимает промежуточное положение между поздними слоями Джеты-Асара и афригидскими памятниками Хорезма. Большой интерес представляют две круглые кирпичные выкладки в западной части городища — вероятно, остатки субструкций юрт (рис. 28).

Население городища занималось, видимо, земледелием, скотоводством и ремеслами. Были открыты остатки железоделательных, меднолитейных и керамических мастерских.

Вероятно, перед нами один из городов самостоятельного владения

Кердер, независимого от Хорезма в эпоху арабского завоевания, население которого говорило на особом языке — «не хорезмийском и не тюркском» — вероятнее всего, на одном из эфталитских диалектов. Отметим, что в литературе не раз высказывалась гипотеза, отождествляющая имя Кердер с именем кидаритов — одного из объединений хионито-эфталитских племен V в. н. э.

* * *

Таким образом, 1956 г. ознаменовался значительным сдвигом в наших знаниях об окружающих Хорезм варварских племенах на протяжении античного и раннесредневекового исторических периодов.

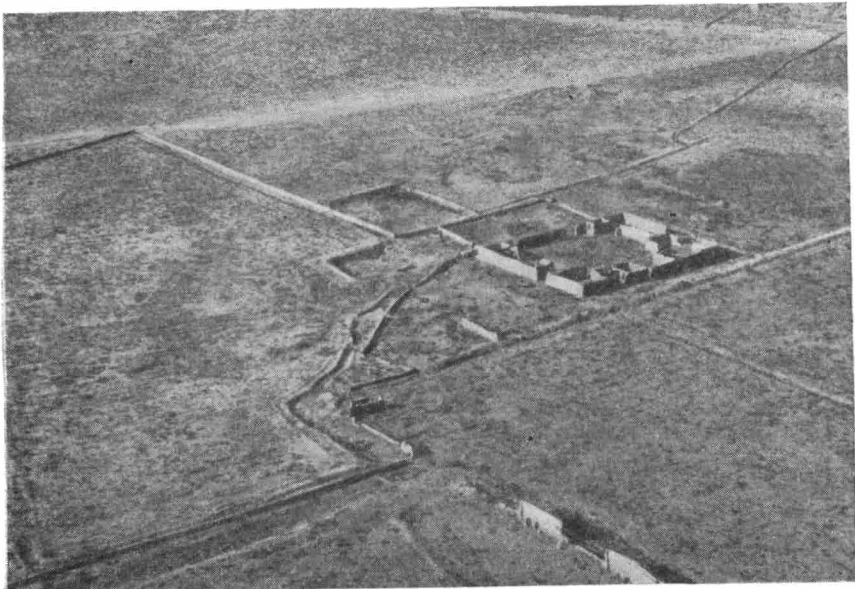

Рис. 30. Покинутые туркменские поселения в районе урочища «Уаз»

Исследования наших этнографических отрядов, особенно Кара-Калпакского (начальник Т. А. Жданко) и Туркменского (начальник Г. П. Васильева), работавших в тесном сотрудничестве с археологическими отрядами, дали богатый материал по более поздним периодам. Работы этнографов, археологов и топографов по изучению заброшенных поселений XVIII—XIX вв. на Дарьялыке и в урочище «Уаз» (рис. 30) по-новому осветили ряд вопросов недавнего прошлого хорезмских туркмен, а исследование каракалпакских оросительных систем XVIII — начала XIX в. в низовьях Жаны-Дарьи дало новый материал по истории каракалпакского народа.

Кара-Калпакский этнографический отряд в связи с большой актуальностью разработки проблемы патриархально-феодалных отношений у полупоселенных народов, в полевые сезоны 1955 и 1956 гг. поставил основной задачей изучение особенностей каракалпакской аульной (сельской) земельно-водной общины XIX — начала XX в., сохранявшей значительные пережитки древних патриархально-родовых традиций, в особенности в водопользовании, общественной жизни и семейно-бытовом укладе. Проведенное в 1956 г. подворно-посемейное анкетное этнографическое обследование ряда аулов выявило следы традиционного расселения членов аульной общины, отражающего деление общины на так называемые «коше» — группы близко родственных семей, происходящих от общего предка. «Коше» составляли в прошлом мельчайшие родовые подразделения каракалпаков, и, как показали работы отряда, именно стойкость этих мелких родственных групп в обстановке общего распада, разрушения общины в XIX — начале XX в. способствовала консервации архаических пережитков патриархально-родового быта, столь устойчивых в дореволюционной Кара-Калпакии.

Другой важной областью работы отряда было изучение народного прикладного искусства каракалпаков (узорного ткачества, ковроделия, вышивки, резьбы по дереву). Опыт исследования историко-этнографического материала показал глубокие связи этногенеза каракалпаков с древнейшим населением Приаралья — северной периферии Хорезма и дал возможность протянуть нити этнических связей каракалпаков не только с частью народов Средней Азии (в первую очередь с так называемыми аральскими узбеками, туркменами и казахами), но и с некоторыми народами Восточной Европы и Западной Сибири, в частности с обскими уграми⁷ Результаты этого раздела работ отряда будут опубликованы в III томе «Трудов Хорезмской экспедиции» вместе с большим собранием образцов народного орнамента. Археологи и этнографы экспедиции активно включились в подготовку очерков по истории каракалпакского народа.

Южноузбекский отряд, руководимый Г. П. Снесаревым, изучал древние пережитки в религии современного населения Южного Хорезма, в котором продолжали еще недавно жить, а частью живут и сейчас традиции древнехорезмийского зороастризма, особенно четко прослеживаемые в погребальной обрядности и агиологии. Этнографические материалы позволяют понять многое в религиозных памятниках древних хорезмийских предков современных хорезмских узбеков. Сейчас наша экспедиция вплотную подходит к тому, чтобы скудные данные письменных источников по истории народов Хорезма, обогащенные археологическим и этнографическим материалом, послужили базой для создания богатой красками истории этих народов, в первую очередь истории трудящихся масс.

⁷ Т. А. Жданко. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков. СЭ, 1955, № 4.